ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТ

СКАЗАНИЕ О ПЛОСКОМ МИРЕ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ПОЛА КИДБИ

Последний герой

Терри Пратчетт, Пол Кидби

Аннотация
Терри Пратчетт. Последний герой
ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Аннотация

Когда-то давным давно великий Герой украл у богов Огонь. С тех пор все изменилось. Герои стали… устаревать. Они по прежнему непобедимы и все такое, но их становится все меньше и меньше… и меньше… А новые не рождаются. И вот однажды Коэн-Варвар оглядел со своего трона Агатеанской Империи на своих подданных, на великую и ужасную Серебряную Орду, и понял, что они — последние. И после них не будет никого. А значит, именно на них лежит Последний Долг Героев — вернуть богам Огонь. С процентами!!!

Терри Пратчетт
Последний герой

Terry Pratchett. The Last Hero. Перевод (c)AnJeL, www.pratchett.org
[broken link: #http://www.pratchett.org]

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Место, где произошла эта история, представляет собой диск, покоящийся на спинах четырех слонов, стоящих на панцире гигантской черепахи. Это выгоднее, чем просто висеть в пространстве. Он так велик, что может вместить практически все, и, ну, в конечном счете, так оно и есть.

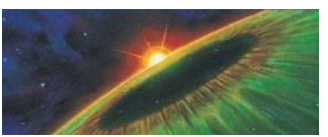
Люди думают, что черепаха длиной десять тысяч миль и слон высотой более двух тысяч миль — это странно, что лишний раз доказывает, что человеческий мозг плохо приспособлен к тому, чтобы думать, и, может быть, на самом деле служит лишь для охлаждения крови. Ему кажется, что самые простые размеры удивительны.

Размеры как раз не несут в себе ничего удивительного. Удивительны черепахи, да и слоны тоже изумительные создания. Но на самом деле большая черепаха ничуть не удивительной любой другой черепахи.

Поводом для этой истории послужило много чего. И человеческое стремление совершать запретные деяния только потому, что они запретны. И стремление открывать новые горизонты

и убивать тех, кто за ними живет. И таинственные манускрипты. И корнишон. Но основным поводом стало осознание того, что в один прекрасный день, который уже не за горами, все это закончится.

«А, да ну, жизнь продолжается», говорят люди, когда кто-нибудь умирает. Но с точки зрения того, что только умер, это не так. Это вселенная продолжается. Но только кончина может расставить все на свои места, все сметается прочь, болезнью, несчастным случаем, или, как в одном случае, корнишоном. Вот почему это стало одной из неопределенностей жизни, в лице тех людей, которые или начинают молиться… или становятся очень, очень сердитыми.



Начало истории было положено десятки тысяч лет назад, ненастной ветреной ночью, когда пятнышко огня спускалось вниз с горы в центре мира. Оно двигалось, уклоняясь и дергаясь, как будто кто-то невидимый, несущий его, скользил и падал с камня на камень. Один раз огонек очертил искристую линию, которая закончилась в сугробе

на дне расселины. Но через снег протиснулась рука, поднимая курящиеся угольки в факеле, и ветер, гонимый гневом богов, с присущим ему чувством юмора, вернул пламя к жизни… И после того оно уже никогда не умирало.

Конец истории начался высоко над миром, но спускался ниже и ниже, пока не спланировал по направлению к древнему и современному городу Анк-Морпорку, где, как говорят, все продается и все покупается — а если у них нет того, что вам надо, они могут украсть это для вас.

Существо, которое теперь разыскивало внизу определенное здание, было дрессированным Бессмысленным Альбатросом и, по стандартам этого мира, не было необычным. Оно было, по сути, бессмысленным. Оно проводило свою спокойную жизнь в серии ленивых путешествий между Краем и Пупом, и где тут был смысл?

Но эта особь была более-менее ручной. Ее сумасшедшие глазки-бусинки выискивали место, где, по причинам, понимание которых лежало за пределами ее умственных способностей, можно найти анчоусы. И кого-нибудь, кто снимет с ее ноги этот неудобный цилиндр. Для альбатроса эта была довольно неплохая сделка, и, судя по этому, можно сделать вывод, что эти альбатросы

были, если и не абсолютно бессмысленными, то как минимум очень тупыми.

***

Полет всегда был одним из самых заветных мечтаний человечества. На самом деле, это всего лишь возвращает нас к предкам людей, чьей величайшей мечтой было спрыгнуть с ветки. В любом случае, еще одна великая мечта человечества включала в себя кое-кого, преследуемого гигантским ботинком с зубами. И никто не говорит, что эта мечта имеет какой-нибудь смысл.

***

Тремя оживленными часами позже лорд Ветинари, патриций Анк-Морпорка, стоял в главном зале Незримого Университета, и он был поражен. Волшебники, раз уж они поняли неотложность дела, потом сходили на ланч и поспорили насчет пудинга, на самом деле могут действовать до-

вольно быстро.

Их способ нахождения решений, как мог видеть патриций, заключался в создании сумятицы. Если бы им сказали «Назовите лучшее заклинание для превращения книги стихов в лягушку», то единственная вещь, которую они точно не сделали бы, это не посмотрели бы в книгу с названием вроде «Основные Заклинания Для Превращения В Земноводных В Литературном Окружении: Сравнительный Анализ». Это было бы уже жульничеством. Вместо этого они подняли бы спор, собравшись вокруг доски, вырывали бы друг у друга мел и стирали бы то, что писал последний обладатель мелка, не давая ему даже закончить предложение. Хотя почему-то у них это работало.

В центре зала возвышалось нечто. Для патриция с его гуманитарным образованием это казалось похожим на большую лупу, окруженную всяческим барахлом.

— Технически, мой лорд, вездескоп может увидеть все, что угодно, — сказал аркканцлер Чудакулли, который, технически, был главой Всех Известных Волшебников.

— Серьезно? Удивительно.

— Все, что угодно, и когда угодно, — продолжил Чудакулли, казавшийся совершенно не удив-

ленным.

— Какая крайне полезная вещь.

— Да, все так говорят, — сказал Чудакулли, мрачно притопывая. — Беда в том, что раз эта проклятая штуковина может видеть все и всюду, то практически невозможно настроить ее на конкретное место. В конце концов, увидеть что-то конкретное — большая удача. А вы удивитесь, сколько мест есть во вселенной. И времен.

— Двадцать в одном, например, — сказал патриций.

— Помимо прочих, конечно. Не желаете ли взглянуть, мой лорд?

Лорд Ветинари осторожно придвинулся и всмотрелся в большое круглое стекло. Он нахмурился.

— Я вижу только то, что находится с другой стороны стекла, — сказал он.

— Ой, ну это потому, что он показывает здесь и сейчас, сэр, — ответил молодой волшебник, который занимался регулированием устройств.

— О, я заметил, — сказал патриций. — На самом деле, такие устройства уже есть во дворце. Мы зовем их ок-на.

— Ну, а если я сделаю так, — сказал волшебник, и что-то сделал с ободком стекла, — оно изме-

нится.

Лорд Ветинари уставился на свое собственное лицо.

— А такие предметы мы зовем зер-ка-ло, — сказал он так, как будто разговаривал с ребенком.

— Думаю, нет, сэр, — ответил волшебник, — вам понадобится мгновение, чтобы осознать, что вы видите. Попробуйте поднять руки…

Лорд Ветинари сурово посмотрел на него, но попытался немного помахать.

— О. Как любопытно. Как тебя зовут, юноша?

— Думминг Тупс, сэр. Новый глава Неразумно-Прикладной Магии, сэр. Понимаете, сэр, суть не в том, что мы построили вездескоп, потому что он, в принципе, просто модификация старомодного стеклянного шара. Суть в том, чтобы заставить его показывать то, что надо. Это как настраивать струну, и если…

— Прости, какой прикладной магии? — переспросил патриций.

— Неразумно-прикладной, сэр, — спокойно ответил Думминг, надеясь, что он сможет избежать проблем, если просто пройдет прямо через них. — В любом случае… Я думаю, мы можем настроить его на нужную территорию, сэр. Дренажная сила велика; мы могли бы пожертвовать еще одной

песчанкой.

Волшебники начали собираться вокруг устройства.

— Вы можете заглянуть в будущее? — спросил лорд Ветинари.

— Теоретически да, сэр, — отозвался Думминг, — но это будет очень… ну, неразумно, знаете, потому что начальные знания показывают, что факт наблюдения разрушает структуру волны в фазе пространства.

На лице патриция не дрогнул ни один мускул.

— Простите меня, я не особенно в курсе терминов вашего факультета, — сказал он. — Это вы тот самый, кто принимает пилюли из сушеных лягушек?

— Нет, сэр. Это казначей, сэр, — ответил Думминг. — Ему приходится их принимать, потому что он ненормальный, сэр.

— А, — сказал лорд Ветинари, и теперь на его лице проступило выражение. То, которое обычно бывает у людей, твердо решивших воздержаться от того, чтобы высказать, что у него на уме.

— Господин Тупс хотел сказать, мой лорд, — сказал аркканцлер, — что вроде как существует миллиарды и миллиарды возможных вариантов будущего, понимаете? Это все… возможные фор-

мы будущего. Но вероятно, та, что вы наблюдали, и стала будущим. Правда, не всегда можно увидеть то, что понравится вам. Очевидно, это все из-за принципа неопределенности.

— А это...?

— Я не уверен. Это все по части господина Тупса.

Мимо легко прошагал орангутанг, несущий под мышкой огромное множество всевозможных книг. Лорд Ветинари посмотрел на шланги, которые змеились от вездескопа через дверь, лужайку к... что это такое-то?... здание Факультета Высокоэнергетической Магии?

Он помнил старые времена, когда волшебниками были сухопарые, раздражительные дядьки, коварные и вероломные. Они никогда не признавали никакого Принципа Неопределенности; если ты не уверен, говорили они, посмотри, что ты делаешь не так? Если ты не определишься, то тебя быстро убьют.

Вездескоп померцал и явил заснеженное поле и черные горы в отдалении. Волшебник по имени Думминг Тупс, казалось, очень этому обрадовался.

— Помню, вы говорили, что сможете найти его с помощью этой штуки? — обратился Ветинари

к аркканцлеру.

Думминг Тупс поднял глаза.

— У нас есть что-нибудь, принадлежавшее ему? Какой-нибудь личный предмет, который он оставил? — спросил он. — Мы можем положить его в морфический резонатор, соединить его со вездескопом, и он нацелится на него, как при стрельбе.

— Что-то случилось с магическими кругами и оплывшими свечками? — спросил лорд Ветинари.

— О, это мы оставим на тот случай, когда не будем спешить, — ответил Думминг.

— Коэн Варвар не имел привычки оставлять вокруг свои вещи, боюсь, — сказал патриций. — Разве что тела. Мы все знаем, что он направляется к Кори Челести.

— К горе у Пупа мира, сэр? Зачем?

— Я надеюсь, вы скажете мне, господин Тупс. За этим я и пришел.

Мимо снова прошагал Библиотекарь, с еще одной кипой книг. Еще одна реакция волшебников, когда они сталкиваются с новой и уникальной для них ситуацией, это просмотреть свои библиотеки на предмет того, случалось ли это ранее. Как замечал Ветинари, это была неплохая методика

выживания. То есть имеется в виду, что в минуты опасности ты проводишь время, тихо-тихо сидя в здании с очень толстыми стенами.

Он еще раз взглянул на клочок бумаги в руке. Почему же люди так глупы? Его взгляд упал на предложение: «Он сказал, что последний герой должен вернуть то, что украл первый герой.»

И, конечно, все знают, что украл первый герой. Боги играют в игры судьбами людей. Не теми, которые особенно запутанны, естественно, потому что для этого богам недостает терпения.

Обман — это часть правил. А играют боги жестко. Потерять всех верующих для бога — конец. Но верующий, выживший в игре, заслуживает славы и особенного расположения. Кто побеждает с большим количеством верующих, тот выживает.

Среди верующих могут быть и другие боги, конечно же. Боги верят в веру.

Большинство игр проходит в Дунманифестине, жилище богов на Кори Челести. Со стороны он похож на тесный город. Там живут не все боги, большинство из них ограничены пределами одной страны, или, в случае совсем мелких особей, даже одного дерева. Но это — Престижный Адрес. Это то место, где выставлен ваш метафизический эквивалент на блестящей латунной пластинке,

как те маленькие сдержанные строеньица на лучших участках больших городов, которые, несмотря на то, что кажутся домиками ста пятидесяти адвокатов и бухгалтеров, по-видимому, являются чем-то вроде вложения капитала.

Внутренний вид города очевидно показывал, что, как на людей влияют боги, так и на богов влияют люди.

Большинство богов имеют человеческое тело; в целом-то у людей не такое развитое воображение. Даже у Бога-Крокодила Оффлера только голова крокодилья. Попроси человека придумать бога-зверя, и он будет отталкиваться от образа кого-то в дурацкой маске. Людям лучше удается выдумывать демонов, и именно поэтому их так много.

Возвышаясь над диском мира, боги играют в игру. Иногда они забывают, что случается, если позволить пешке дойти до другого края доски. Слухам потребовалось время, чтобы облететь город, но парочки и тройки глав основных Гильдий города уже спешили в Университет.

Затем послы собирали новости. Семафорные башни вокруг города споткнулись в своем бесконечном деле сообщения рыночных цен миру, посылая сигнал очистить линию для крайне

срочного и очень важного сообщения, и затем семафоры посылали маленькие судьбоносные группки сигналов канцеляриям и замкам по всему континенту.

Конечно, они были зашифрованы. Если у вас есть вести о конце света, то вряд ли вам захочется сообщить об этом всем. Лорд Ветинари обвел стол пристальным взглядом. За последние несколько часов много всего случилось.

— Позвольте подвести итог, леди и джентльмены, — сказал он, как только стих шум, — как мне сообщили из надежных источников, находящихся в Гункунге, столице Агатовой Империи, император Чингиз Коэн, более известный в остальном мире как Коэн-Варвар, находится на пути к обиталищу богов с приспособлением, обладающим огромной разрушительной силой и намерением, по его словам, «вернуть украденное». Короче, они просят нас остановить его.

— Почему нас? — спросил господин Боггис, глава Гильдии Воров. — Это же не наша империя!

— Я так понимаю, что правительство Агатовой Империи верит, что мы способны на все, — ответил лорд Ветинари. — У нас есть сила, энергия, напор и позиция «пришел-взял, смог-сделал».

— И это осуществимо?

— Это то же самое, что спасти мир, — пожал плечами лорд Ветинари.

— Но мы же будем спасать его для всех? — сказал Боггис. — И для иностранцев тоже?

— Да, верно. Нельзя спасти только те кусочки, которые хочется, — ответил лорд Ветинари. — Но спасение мира, господа и дамы, неизбежно включает в себя спасение и той его части, на которой стоите вы. Давайте двинемся дальше. Может ли нам помочь магия, арккканцлер?

— Нет. Среди гор, простирающихся на сотни миль, невозможна никакая магия, — произнес арккканцлер.

— Почему нет?

— Потому же, почему вы не можете управлять лодкой в ураган. Там просто слишком много магии. И все магическое подвергается там перегрузкам. Волшебный ковер просто распустится на нитки прямо в воздухе.

— Или превратится в капусту, — добавил Декан, — или маленький томик стихов.

— Вы хотите сказать, что мы не сможем добраться туда вовремя?

— Ну… да. Конечно. Именно. Они уже у подножья гор.

— И они — герои, — сказал господин Коннёк из

Гильдии Историков.

— И что это значит? — вздохнул патриций.

— Они здорово умеют делать то, что им хочется.

— Но они, если я правильно понял, к тому же очень старые люди.

— Очень старые герои, — поправил его историк. — Это говорит лишь о том, что у них огромный опыт делать то, что они хотят.

Лорд Ветинари снова вздохнул. Ему не по душе была жизнь в мире героев. Цивилизация отдельно, а герои — отдельно.

— Что конкретно совершил Коэн Варвар такого героического? — спросил он. — Я стремлюсь просто понять.

— Ну… знаете… героические деяния…

— И это были…?

— Убивал чудовищ, свергал тиранов, захватывал редкостные сокровища, спасал девиц… все такое прочее, — рассеяно пояснил Коннёк. — Знаете… героические дела.

— А кто конкретно определял чудовищность чудовищ и тиранию тиранов? — спросил лорд Ветинари, голосом, внезапно ставшим как скальпель — не злым, как меч, но вонзающим свое лезвие в уязвимые места.

Господин Коннёк неловко поерзал.

— Ну, думаю, что герой.

— Ах. А воровство редких предметов… Думаю, что слово, на которое хотелось бы обратить внимание, это слово «воровство», действие, не одобряемое большинством главных мировых религий, не так ли? Как я понимаю, характеристики этих деяний, и «захватывать» в том числе, были даны самим героем. Можно сказать: я герой, поэтому, когда я убью тебя, ты станешь, де-факто, персоной, заслужившей смерти от руки героя. Можно сказать, что герой, проще говоря, это тот, кто потворствует всем прихотям, которые, будучи в рамках закона, приведут его за барную стойку или заставят быстро танцевать танец, который, как я знаю, известен под названием «гашишевое безумство». Но слова, которые скажем мы, будут звучать как убийства, грабежи, воровство и изнасилования.

— Не изнасилования, — сказал Коннёк, отыскав камень, за который можно уцепиться. — Не в случае Коэна Варвара. Может, насилие.

— В чем разница?

— Дело в подходе, я так понимаю, — ответил историк. — Не думаю, что можно найти более актуальное объяснение.

— С точки зрения закона, — сказал господин Склон из Гильдии Юристов, — ясно, что первое зафиксированное историческое деяние, на которое ссылается данное сообщение, было актом воровства у законных владельцев. Этому свидетельствуют легенды множества различных культур.

— Разве это было тем, что можно как-то украсть? — спросил Чудакулли.

— Очевидно, да, — ответил юрист. — Воровство — основа легенды. Огонь был украден у богов.

— Проблема не в этом, — сказал лорд Ветинари. — Проблема, господа, в том, что Коэн Варвар поднимается на гору, на которой живут боги. И нам его не остановить. И он собирается вернуть огонь богам. Огонь в виде… позвольте посмотреть…

Думминг Тупс посмотрел в свой блокнот, где он что-то писал.

— Пятидесятифунтового бочонка Агатовой Громовой Глины, — сказал он. — Я удивлен, что их волшебники дали ее ему.

— Он же… Конечно. Я предполагаю, что он все еще Император, — сказал лорд Ветинари. — Могу себе представить, что когда верховный правитель континента просит что-то, то вряд ли

благоразумный человек будет требовать у него официальную заявку за подписью господина Дженкинса.

— Громовая Глина — ужасно мощная штука, — сказал Чудакулли. — Но к ней необходим особый детонатор. Надо разбить внутри смеси банку кислоты. Кислота впитается, а потом как жахнет. Думаю, именно этот термин подходит.

— К сожалению, благоразумный человек почувствовал необходимость и ее дать Коэну, — сказал лорд Ветинари. — И если это жахнет на верхушке горы, находящейся в центре магического поля мира, то это, как я понял, вызовет сжатие поля на… подскажите мне, господин Тупс?

— На два года, — сказал тот.

— Серьезно? Ну, думаю, мы продержимся пару лет без магии, разве нет? — сказал господин Склон, давая понять, что и это тоже будет очень прикольно.

— Со всем уважением к вам, — сказал Думминг совершенно без уважения, — хочу заметить, что нет. Моря начнут высыхать. Солнце сгорит и рухнет. Слоны и черепаха могут перестать существовать.

— И это все произойдет за два каких-то года?

— О, нет. Это произойдет в несколько минут.

Знаете, магия это не то, что раскрашивает шарики и лучики. Магия держит мир.

Во внезапной тишине голос Ветинари прозвучал ясно и решительно.

— Здесь есть кто-нибудь, кто знает хоть что-то о Ченгизе Коэне? — спросил он. — И хоть кто-нибудь может сказать нам почему, покинув город, он со своими людьми похитил из нашего посольства безобидного менестреля? Взрывающиеся вещи, да, это очень по-варварски… но менестрель? Кто-нибудь может мне объяснить?

***

Вблизи от Кори Челести дул сильный ветер. Отсюда вершина мира, издалека похожая на иглу, казалась грубым зазубренным каскадом восходящих пиков. Центральный шпиль возвышался на мили, теряясь в дымке снежных кристаллов. На нем сверкало солнце. Несколько пожилых мужчин сгрудились у огня.

— Я надеюсь, что он прав относительно лестницы света, — сказал Малыш Вилли. — А то мы пойдем искать горячую выпечку.

— Ну, он же не наврал про гигантских моржей, — сказал Маздам Дикий.

— Это когда?

— Помнишь, когда мы шли через льды? Он тогда еще заорал «Смотрите! Нас атакуют гигантские моржи!»

— А, да.

Вилли поднял взгляд на шпиль. Воздух стал более разряженным, цвета виделись насыщеннее, и ему казалось, что стоит лишь протянуть руку — и дотронешься до неба.

— Кто-нибудь знает, там наверху уборная есть? — спросил он.

— О, она там будет, — сказал Калеб Разрушитель. — Да, я уверен, что слышал об этом. Туалет Богов.

— Чиво?

Они повернулись к тому, что казалось кучей шкур на колесах. Когда глаз привыкал, то можно было различить, что это древнее инвалидное кресло, взгроможденное на лыжи и покрытое тряпьем, которое раньше было одеялами и шкурами животных. Из груды подозрительно выглядывала пара маленьких звериных глазок.

К спинке кресла был прикручен бочонок.

— Уже пора кормить его овсянкой, — сказал Малыш Вилли, ставя на огонь закопченный горшочек.

— Чиво?

— ПРОСТО ГРЕЮ ТВОЮ ЕДУ, ХЭМИШ!

— Гребаные моржи идут?

— ДА!

— Чиво?

Они были все довольно стары. Их обычная беседа состояла из жалоб на ноги, желудок и спину. Они медленно двигались. Но у них был совершенно другой взгляд. Это было в их глазах.

Их глаза говорили, что где бы это ни было, они будут там. Что бы это ни было, они сделают это, может, и не за один раз. Но они никогда вообще не будут покупать себе футболку. И им известно, что значит слово «страх». Это то, что обычно происходит с другими людьми.

— Хотелось бы, чтобы с нами был Старый Винсент, — сказал Калеб Разрушитель, бесцельно вороша угли.

— Ну, все, ему пришел конец, — резко сказал Маздам Дикий. — Мы говорили, что не будем упоминать об этом.

— Но мы же идем к… богам, и я надеюсь, что этого не случится со мной. Чего-нибудь навроде того… этого ни с кем не должно случиться.

— Ага, верно, — сказал Маздам.

— Он был славным малым. Брал все, что мир кидал ему.

— Хорошо.

— А затем душил…

— Мы все знаем! А теперь заткнись!

— Обед готов, — сказал Калеб, вытаскивая из угольков дымящуюся пластину сала. — Кому славный моржовый стейк? Тебе, господин Симпатяга?

Они повернулись к внешне похожей на человеческую фигуре, которая опиралась на валун. Ее очертания было сложно определить из-за веревок, но совершенно точно, что одета она была в яркие разноцветные одежды. Но тут яркие одежды были неуместны. Это была земля звериных шкур и кожи.

Малыш Вилли подошел к разноцветному тюку.

— Мы вынем кляп, — сказал он, — если ты обещаешь не орать.

Безумные глаза постреляли по сторонам, затем голова с кляпом кивнула.

— Молодца. Жри свой классный моржовый… эм, кусок, — сказал Малыш Вилли, вытащив тряпку.

— Как посмели вы тащить меня весь… — начал менестрель.

— Слушай сюда, — сказал Малыш Вилли, — нам

совершенно не хочется вставать и давать тебе в ухо, когда ты начинаешь так вести себя, ясно? Будь благоразумным.

— Благоразумным? Когда вы похитили…

Малыш Вилли вставил кляп обратно.

— Тощий никчемный кусок, — глухо сказал он, глядя в злобные глаза. — У тебя даже арфы не было. Что за бард без арфы? Только какой-то деревянный горшок. Дурацкая фигня.

— Это зовется лютней, — сказал Калеб со ртом, набитым моржом.

— Чиво?

— ЭТО ЛЮТНЯ, ХЭМИШ!

— Айе, а я какой лютый!

— Ну, это чтобы петь такие слащавые песенки девчонкам, — сказал Калеб. — Про… лютики-цветочки всякие. Романтика.

Орда знала мир, хоть активные действия и были за границами их занятой жизни.

— Удивительно, что за песни нравятся девчонкам, — сказал Калеб.

— Ну, когда я был пацаном, — сказал Маздам, — то чтобы понравится девчонке, надо было отрезать своему злейшему врагу башку и принести ей.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ЧТО НАДО БЫЛО ОТРЕЗАТЬ ГОЛОВУ ЗЛЕЙШЕМУ ВРАГУ И ПОДАРИТЬ ЕЙ!

— Да, романтика — это прекрасно, — сказал Стукнутый Хэмиш.

— А че делать, если у тебя нет злейшего врага? — спросил Малыш Вилли.

— Можно попробовать отрезать башку кому-нибудь еще, — сказал Маздам, — и тогда у тебя сразу появится злейший враг.

— Теперь как-то цветы больше в ходу, — задумчиво отозвался Калеб.

Маздам пристально следил за пытающимся освободиться лютнистом.

— Никогда бы не подумал, что босс попрет за собой эту штуку, — сказал он. — Кстати, а где он?

***

Несмотря на полученное образование, у лорда Ветинари был технический склад ума. Если хочется открыть что-нибудь, то надо лишь найти подходящую точку и приложить минимум необходимых усилий, чтобы довести все до конца. Возможно, точка окажется между парой ребер, а силу прикладывать придется через кинжал, или между двумя воющими странами и прикладываться будет через армию, но важно было

найти одну слабую точку, которая будет ключом ко всему.

— Значит, теперь вы бесплатный Профессор Безжалостной и Необычайной Географии? — спросил он у доставленной ему фигуры.

Волшебник, известный как Ринсвинд, медленно кивнул, осознавая, что это навлечет на него новые беды.

— Эм… да?

— Были ли вы у Пупа?

— Эм… да?

— Можете описать территорию?

— Эм…

— Как выглядел пейзаж? — подсказал Ветинари.

— Эм… расплывшимся, сэр. Меня тогда преследовали.

— Серьезно? И почему же?

Ринсвинд казался ошарашенным.

— О, я никогда не останавливался, чтобы спросить, зачем люди гонятся за мной, сэр. Я никогда не оглядывался. Это было бы очень глупо, сэр.

Лорд Ветинари сжал переносицу.

— Тогда просто расскажите, что вам известно о Коэне, пожалуйста, — утомленно сказал он.

— О нем? Он просто герой, который никогда не

умирал, сэр. Иссохший старик. Не очень смышленый, серьезно, но он настолько хитер и коварен, что невозможно себе представить.

— Вы дружите с ним?

— Ну, мы встречались пару раз, и он не убил меня, — ответил Ринсвинд. — Думаю, это вполне можно считать, что да.

— А что насчет тех стариков, что сопровождают его?

— О, это не старики… ну, то есть, да, они старики… но это… это его Серебряная Орда, сэр.

— Это Серебряная Орда? Все они?

— Да, сэр, — ответил Ринсвинд.

— Но мне казалось, что Серебряная Орда завоевала всю Агатовую Империю!

— Да, сэр. Это они и были, — Ринсвинд заикивал. — Понимаю, сэр, это тяжело укладывается в голове. Но вы не видели, как они дерутся. Они опытны. А фишка в том… самая главная фишка Коэна в том, что… он заразен.

— Вы хотите сказать, что он заражен чумой?

— Это как умственная болезнь, сэр. Или магическая. Он ведет себя, как бешеный горностай, но… те, кто проведут некоторое время рядом с ним, начинают смотреть на мир его глазами. Всего много и все просто. И им хочется присоединиться

к нему.

Лорд Ветинари рассматривал кончики пальцев.

— Но я так понял, что эти люди осели на одном месте и стали очень богаты и влиятельны, — сказал он. — Разве герои стремятся не к этому? Сокрушить мировые престолы и попрать их своими сандалиями, как говорят поэты?

— Да, сэр.

— Так что же это такое? Последний бросок кости? Зачем?

— Я не могу понять, сэр. Думаю… они получили все.

— Ясно, — сказал патриций. — Но всего оказалось недостаточно, да?

***

В передней перед Овальным Кабинетом патриция шла жаркая дискуссия. Раз в несколько минут в дверь протискивался секретарь и клал на стол новые пачки бумаги. Патриций изучал их. Возможно, подумалось ему, вполне можно дождаться, пока кипа всеобщих советов и указаний станет высотой с Кори Челести, и просто засесть на ее верхушке.

Сила, напор и позиция «смог-сделал».

Так что, как человек, который должен встать и что-то сделать, лорд Ветинари встал и пошел. Он отпер секретную дверь в обшивке и через мгновение в молчании скользил по секретным переходам своего дворца.

В подземельях дворца содержалось много узников, заключенных «для удовольствия его светлости», а так как лорд Ветинари редко получал удовольствие от узников, то они были заключены в основном довольно далеко. Тем не менее, сейчас он направлялся к самому необычайному заключенному, живущему на чердаке.

Леонард Щеботанский никогда не совершал преступлений. Он рассматривал своих соплеменников с милостивым любопытством. Он был мастером своего дела и к тому же умнейшим человеком на свете, если использовать слово «умный» в узкотехническом смысле. Но лорд Ветинари считал, что мир еще не готов принять человека, чье хобби — проектирование немыслимых орудий войны. Этот человек был всем сердцем и душой предан всему, чтобы он не делал.

В данный момент Леонард рисовал портрет леди, делая наброски и прикрепляя их к мольберту.

— О, мой лорд, — сказал он, — мельком взгля-

нув на вошедшего, — в чем проблема?

— А что, есть проблема? — спросил лорд Ветинари.

— Ну, вообще да, мой лорд, раз вы зашли ко мне.

— Замечательно, — сказал Ветинари, — я хотел бы доставить нескольких человек к центру мира как можно быстрее.

— О, да, — произнес Леонард. — Между нами и Пупом лежат такие ненадежные территории. Как вы находите улыбку, нормально? У меня улыбки никогда не получались.

— Я сказал…

— Вы хотите, чтобы они прибыли живыми?

— Что? О… да. Конечно. И как можно быстрее.

Леонард продолжал рисовать в тишине. Лорд Ветинари знал, когда можно перебивать, а когда нет.

— И вы хотите, чтобы они вернулись? — через некоторое время произнес мастер. — Знаете, лучше я сделаю так, чтобы были чуть видны зубы. Зубы — вот это я понимаю.

— Их возвращение было бы приятным бонусом, да.

— Это жизненно необходимое путешествие?

— Если оно не будет удачным, настанет конец

света.

— Ах. Значит, жизненно необходимое, — Леонард отложил кисть и отошел, критически изучая свое творение. — Думаю, мне понадобятся несколько парусников и большая баржа, — наконец сказал он. — Я составлю список прочих материалов.

— Морское путешествие?

— Для начала да, мой лорд.

— Уверен, что не хочешь немного подумать? — спросил Ветинари.

— О, чтобы разобраться с кое-какими деталями, да. Но думаю, основная идея у меня уже есть.

Ветинари оглядел потолок мастерской, с которого свисала армада бумажных конструкций с крыльями как у летучей мыши и прочими воздушными диковинками, которые тихонечко крутились от ветра.

— Это что, будет какая-нибудь летательная машина? — подозрительно спросил он.

— Э… а почему вы спрашиваете?

— Потому что цель путешествия находится довольно высоко, Леонард, а твои летательные машины обязательно имеют устройство для спуска.

— Да, мой лорд. Но я надеюсь, что в итоге то

вниз на самом деле будет вверх, мой лорд.

— Ах. Это что, какая-то философия?

— Практическая философия, мой лорд.

— Тем не менее, я изумлен, Леонард, что ты предложил решение так скоро, как я высказал проблему…

Леонард Щеботанский очистил кисть.

— Я всегда говорю, мой лорд, что в каждой проблеме кроется ее решение. Но будет честно признать, что я уже думал над этим вопросом. Я проводил, как вы знаете, эксперименты с устройствами… которые, конечно же, могут послужить вашему делу, и которые впоследствии мне пришлось разобрать, так как в мире без сомнения существуют злые люди, способные обнаружить их и извратить их предназначение. Вы были настолько добры, что предоставили мне комнату, из которой я имею возможность постоянно наблюдать небо, и я… заметил нечто. О… еще мне понадобиться несколько дюжин болотных дракончиков. Нет, скорее всего их понадобится… около сотни, думаю.

— А, ты хочешь построить корабль, который понесут в небеса драконы? — мягко подсказал Ветинари. — Я помню старинную легенду о корабле, который несли лебеди и летящем к…

— Боюсь, лебеди не подойдут. Но ваша догадка, мой лорд, практически верна. Неплохо. Две сотни дракончиков, думаю, для гарантии безопасности.

— Ну, это не проблема. Все-таки они не более чем вредители.

— И помощь, ох, шестидесяти подмастерьев и поденщиков из Гильдии Ловких Ремесленников. Может быть, сотня. Им надо будет работать посменно.

— Подмастерьев? Но я могу найти лучших мастеров…

Леонард поднял руку.

— Не мастеров, мой лорд, — сказал он. — Я не знаю, чем занять людей, которым известны пределы возможного.

***

Орда нашла Коэна, сидящего на древнем могильном холме чуть в стороне от лагеря.

Таких холмов вокруг было множество. Члены Орды видели их и раньше, путешествуя по свету. Тут и там древние камни, покрытые надписями на неизвестном никому из них языке, торчали из снега. Они были очень старыми. Никто из Орды не разрывал эти курганы, чтобы посмотреть,

что лежит внутри. Частично это было потому, что словом, которым они называли человека с лопатой, было слово «раб». Но в основном они не делали этого потому что, несмотря на их профессию, у них был свой, довольно жесткий, моральный кодекс, хотя он и не был похож ни на один другой, и по этому кодексу у них было слово для тех, кто грабит могильные курганы. Это слово было «сдохни!».

Орда, хоть каждый член которой и был ветераном тысяч безнадежных битв, тем не менее предпочитала, для собственной безопасности, держаться Коэна, который сейчас сидел, скрестив ноги, на снегу. Его меч был воткнут глубоко в сугроб. На его лице застыло холодное, обеспокоенное выражение.

— Пойдем, поужинаем, друг? — предложил Калеб.

— Моржом, — сказал Малыш Вилли. — Опять.

Коэн хрюкнул.

— Я ешше не жакончил, — невнятно произнес он.

— Не закончил что, друг?

— Вшпминать, — ответил Коэн.

— Вспоминать кого?

— Хероя, которого тут похоронили, яшно?

— Кто это был?

— Беж понятия.

— А его люди?

— Меня ишкали, — сказал Коэн.

— Он совершил какие-то мощные подвиги?

— Не жнаю.

— Тогда какого…?

— Кому-то же надо вшпомнить нешшашную шволоч!

— Ты ж ничего про него не знаешь!

— Жато я могу вшпоминать о нем!

Остаток Орды обменялся взглядами. Это будет непростое приключение. Оно очень хорошо для того, чтобы быть последним.

— Тебе надо пойти, сказать пару слов этому барду, которого мы захватили, — сказал Калеб. — Он уже действует мне на нервы. Кажется, он не понимает, что от него хотят.

— Ему надо только шложить потом шагу, — уныло и скучно произнес Коэн. Внезапно его осенила мысль. Он начал похлопывать себя по одежде, что, учитывая количество одежды, не заняло много времени.

— Ага, сейчас, не такой это бард, что пишет героические саги, — сказал Калеб, пока его лидер продолжал поиски. — Я же говорил, что он не та-

кой, когда мы его воровали. Он из тех, кто пишет песенки для девчонок. Мы украли лютики-цветочки, босс.

— А, нашол, — сказал Коэн. Из сумки на поясе он достал зубной протез, сделанный из бриллиантовых зубов троллей. Он вставил его в рот и подвигал челюстью несколько раз. — Вот так-то лучше. Чего ты там говорил?

— Он не подходящий бард, босс.

— Значит, ему придется быстро учиться, — пожал плечами Коэн. — Он хотя бы лучше чем те, что были в Империи. Там вообще не воспринимают стихи длиннее, чем в семнадцать слогов. А этот хотя бы из Анк-Морпорка. Он обязан был слышать о сагах.

— Я сказал, что нам надо было остановиться в Китовом Заливе, — сказал Маздам. — Ледяные пустыни, холодные ночи… классная земля для саги.

— Ага, если ты похож на медузу, — Коэн вытащил меч из сугроба. — Пойду-ка, выбью из головы этого парня всякие цветочки.

***

— Кажется, что вещи вращаются вокруг Диска, — сказал Леонард. — Как, например, луна и солнце. И как, если вы помните… Мария Песто?

— Корабль, про который говорят, что он отправился прямо под Диск? — спросил арккканцлер Чудакулли.

— Действительно. Известно, что в результате ужасного шторма он свалился за Край, недалеко от залива Манте, и был замечен рыбаком, когда поднимался над Краем недалеко от ТинЛинга несколько дней спустя, где он и разбился о риф. Выжил только один человек, чьи последние слова были… довольно странными.

— Помню, — сказал Чудакулли. — Он сказал «О Боги, там одни слоны!»

— Я думаю, что, при достаточной силе толчка и латеральной компоненте судно, отправленное за край мира будет естественным образом двигаться под действием силы тяжести и взойдет на противоположной стороне, — сказал Леонард, — вероятно до достаточной высоты, чтобы соскользнуть на любое место на поверхности.

Волшебники уставились на доску. Затем как один повернулись к Думмингу Тупсу, который что-то писал в своем блокноте.

— Что скажешь, Думминг?

Думминг посмотрел в свои записи. Потом посмотрел на Леонарда. Потом перевел взгляд на Чудакулли.

— Эм… да. Возможно. Эм… если упасть с края достаточно быстро, то… мир подкинет тебя обратно… и ты будешь падать, но как бы вокруг мира.

— Ты хочешь сказать, что, падая вниз с мира мы — и я хочу особенно отметить, что говоря слово мы, я не имею в виду конкретно себя — мы в итоге упадем на небо? — сказал Декан.

— Эм… да. В конце концов, солнце проделывает это каждый день…

Декан был в восторге.

— Изумительно! — сказал он. — Так значит… можно закинуть армию прямо в тыл врагу! Ни одна крепость не устоит! Можно направить огненный дождь прямо на… — он заметил взгляд Леонарда. — … на нехороших людей, — неубедительно закончил он.

— Этого не произойдет, — строго произнес Леонард. — Никогда!

— Может ли… то, что вы планируете, приземлиться на Кори Челести? — спросил Ветинари.

— О, конечно, там должны быть подходящие снежные равнины, — сказал Леонард. — Если нет, то я уверен, что смогу придумать какой-нибудь альтернативный метод приземления. К счастью, если вы заметили, предметы, оказавшиеся в воздухе, имеют тенденцию падать вниз.

Чудакулли было хотел прокомментировать это заявление, но одернул себя. Он знал репутацию Леонарда. Этот человек мог придумать семь изобретений за завтраком, включая два новых способа за тостом. Этот человек изобрел шарикоподшипник, такое простое изобретение, до которого никто не додумался ранее. Это и было сосредоточие его гения — он изобретал то, что может представить любой, а люди, способные изобрести то, о чем любой мог бы подумать, очень редко встречаются.

Этот человек был так рассеяно-умен, что мог рисовать картины, которые не просто будут следить за вами взглядом, но и проводят вас до дома и вымоют грязную посуду.

Некоторые люди самоуверенны, но лишь потому, что они глупы. Леонард же выглядит как тот, кто самоуверен потому, что у него для этого есть все основания. Он вполне может спрыгнуть с высокого здания, ни капли не колеблясь, для того, чтобы разобраться с проблемой предстающей перед тобой земли.

И он сделает это.

— Что требуется от нас? — спросил Чудакулли.

— Ну… эта штука не может управляться магией. Я понимаю, что магия ненадежна вблизи Пупа.

Но вы можете обеспечить ветер?

— Конечно, это именно те, кто нам нужен, — сказал лорд Ветинари. И волшебникам показалось, что пауза после этой фразы затянулась. — Они поднаторели во всяких манипуляциях с погодой.

— Сильная буря после ланча, думаю, нас устроит, — продолжил Леонард.

— Думаю, меня не уличат во лжи, если я скажу, что запасы ветра у наших волшебников практически неограниченны, — сказал патриций. — Не так ли, арккансцлер?

— Вынужден согласиться, мой лорд.

— Значит, мы можем надеяться на сильный попутный ветер. Я уверен…

— Секундочку, секундочку, — перебил Декан, который принял комментарий относительно ветра на свой счет. — Что мы знаем об этом человеке? Он создает… устройства, рисует картинки, точно? Да, конечно, это все просто здорово, но мы же знаем этим художников! Самые натуральные пустомели. Вспомните Чертова Тупицу Джонсона и хоть что-нибудь из того, что он построил! Не сомневаюсь, что картинки господина Щеботанского очень милые, но лично мне хотелось посмотреть на другие доказательства его удивительной гениальности, до того, как мы не

доверим мир его… изобретению. Покажите мне хоть одну вещь, которую сделал он и не смог сделать никто более, если таковые, конечно, имеются.

— Я никогда не считал себя гением, — ответил Леонард, скромно потупив глаза и чертя что-то на листочке бумаги.

— Ну, если бы я был гением, думаю, что знал бы об этом… — начал Декан, но замолчал.

Рассеяно, едва глядя, что он делает, Леонард чертил идеально ровные окружности. Лорду Ветинари система комитетов казалось очень удобной. Большинство послов других государств собирались в Университете, как и главы Гильдий, и каждый из них хотел быть вовлеченным в процесс принятия решения, минуя обязательный этап работы мозгами.

Около семи комитетов, решил он, должно хватить. Затем, десять минут спустя, когда первый суб-комитет разросся буйным цветом, он отозвал в сторонку несколько людей, организовал Разносторонний Комитет и заперся с ними в маленькой комнатке.

— Летучему кораблю понадобится команда, — сказал он. — Он сможет поднять троих. Одним будет Леонард, ибо он, честно говоря, собирается

работать над ним даже после его готовности. Кто будут еще двое?

— Необходимо отправить наемного убийцу, — сказал лорд Низз из Гильдии Наемных Убийц.

— Нет. Если бы Коэна сотоварищи можно было бы так просто убить, то они уже давно были бы мертвы, — ответил лорд Ветинари.

— Может, нужна женская рука? — отозвалась госпожа Длань, глава Гильдии Белошвеек. — Я понимаю, что они уже старики, но мои девочки могут…

— Думаю, загвоздка в том, госпожа Длань, что хотя наверняка Орда и в состоянии по достоинству оценить женское общество, вряд ли она будет прислушиваться к его словам. Да, капитан Моркоу?

Капитан Моркоу из Городской Стражи Анк-Морпорка, попросивший слово, излучал честность и аромат мыла.

— Я вызываюсь добровольцем, сэр, — сказал он.

— Да, я и не сомневался, что вы так поступите.

— Разве это в компетенции Стражи? — спросил юрист Склон. — Господин Коэн просто возвращает имущество законным владельцам.

— Эта интуитивная догадка до сих пор как-то

не пришла мне на ум, — вкрадчиво произнес Ветинари. — Однако, Городская Стража не была бы тем, за что я ее принимаю, если бы не могла выдвинуть обвинение любому. Коммандор Ваймз?

— Тайный сговор с целью нарушения общественного порядка подойдет, думаю, — ответил лидер Стражи, прикуривая сигару.

— А капитан Моркоу — убедительный юноша, — сказал Ветинари.

— С большим мечом, — пробурчал господин Склон.

— Убеждение порой принимает разные формы, — сказал лорд Ветинари. — Нет, я полностью согласен с аркканцлером Чудакулли, отправить капитана Моркоу — замечательная идея.

— Что? Разве я это говорил? — сказал Чудакулли.

— Вы считаете, что отправить капитана Моркоу — прекрасная идея?

— Что? О. Да. Он хороший парень. Честный. С мечом.

— Значит, я согласен с вами, — сказал Ветинари, который умел работать в комитетах. — Нам стоит поторопиться, джентльмены. Флотилию необходимо отправить завтра. Нам необходим третий член отряда…

Раздался стук в дверь. Ветинари дал знак университетскому портье отпереть дверь.

Пошатываясь, в комнату вошел волшебник по имени Ринсвинд, бледный, как полотно, и остановился у стола.

— Я не хочу быть добровольцем в этом мероприятии, — сказал он.

— Прошу прощения? — сказал Ветинари.

— Я не хочу быть добровольцем, сэр.

— Вас никто и не просит.

Ринсвинд замахал слабыми пальцами.

— О, они будут, сэр, они будут. Кто-нибудь скажет: эй, это же дружище Ринсвинд, он такой безрассудный, знаком с Ордой, Коэну он нравится, он знает все о безжалостной и необычной географии, да у него работа такая, влипать в такие переделки, — он вздохнул. — А потом я убегу, или, может, спрячусь в ящик, который все равно в итоге загрузят на эту летательную машину.

— Серьезно?

— Может быть, сэр. Или произойдет цепь непредвиденных событий, которая закончится чем-то вроде этого. Поверьте мне, сэр. Я знаю, по каким правилам протекает моя жизнь. Так что я подумал, что лучше я не буду заниматься всеми этими утомительными вещами, а приду сразу к

вам и скажу, что не хочу быть добровольцем.

— Кажется, где-то вы пропустили какой-то логический шаг, — ответил патриций.

— Нет, сэр. Все очень просто. Я поступаю добровольцем. Я просто не хочу этого. Но, в конце концов, когда это хоть кого-то волновало?

— А в этом есть здравый смысл, — сказал Чудакулли. — Кажется, он способен выбраться живым из любой…

— Видите? — Ринсвинд вымученно улыбнулся Ветинари. — Я давно живу своей жизнью. Я знаю, как это работает.

***

У Пупа всегда были разбойники. Они перебивались грабежами в затерянных долинах и запретных храмах, а так же менее подготовленных компаний путешественников. Слишком многие люди, составлявшие перечни опасностей, которые будут подстерегать вас при поисках затерянных сокровищ и мудрости древних, забывают добавить на первое место пункт «люди, которые прибыли сразу вслед за вами».

Одна такая компания людей, патрулирующих свою любимую территорию, обнаружила, во-первых, прекрасно экипированного боевого коня,

привязанного к дереву, украшеному серебром льда. Затем она заметила костерок, укрытый от ветра в ложбине, на котором кипел маленький котелок. Наконец, была замечена женщина. Она была привлекательна, или, по крайней мере, была такой лет тридцать назад. Сейчас она была похожа на учительницу, которая была у вас в первом классе, из тех, кто понимает, что жизнь состоит из череды несчастных случаев, таких, как, например, описаные ботинки.

Она сидела, завернувшись в одеяло от холода. Она вязала. Рукоять, лежавшая в снегу перед ней, принадлежала самому большому мечу, который когда-либо видели разбойники.

Интеллигентные разбойники начали бы подсчитывать несоответствия.

Эти, однако, не были таковыми, они были одними из тех, для кого была изобретена эволюция.

Женщина подняла взгляд, кивнула им, и продолжила вязать.

— Ну-ка, что это у нас? — сказал главарь. — Вы что, можете…

— Поднять это, да? — спросила пожилая женщина, поднимаясь. — Это не так просто, высушить влажный клубок. Может, кто-нибудь подержит его?

Она протянула клубок шерсти.

Разбойник неуверенно принял его, догадываясь, как сейчас скалятся его ребята. Но он протянул руки и постарался придать лицу злобное выражение она-что-то-подозревает.

— Хорошо, — сказала женщина, вставая. Она злобно лягнула его в пах, совершенно не с женской силой, нагнулась, пока он валился вниз, схватила котелок и швырнула в лицо ближайшему приспешнику, и схватила свое вязание до того, как он упал.

У оставшихся двоих невредимых разбойников не было времени, чтобы двинуться, но затем один из них очнулся и подскочил к мечу. Он пошатнулся под его тяжестью, но лезвие его было длинным и внушало доверие.

— Ага! — воскликнул он и хрюкнул, поднимая меч. — Каким макаром ты умудряешься его таскать, старуха?

— Это не мой меч, — ответила она. — Это меч того парня за мной.

Мужчина рискнул осмотреться. За скалой виднелись ноги в бронированных сандалиях. Это были очень большие ноги.

Но я вооружен, подумалось ему. Следующей мыслью было: и он тоже.

Пожилая женщина вздохнула и вытащила две вязальные спицы из клубка шерсти. Свет отразился от них, и одеяло соскользнуло с ее плеч, упав в снег.

— Итак, джентльмены? — сказала она.

***

Коэн вытащил кляп изо рта менестреля. Человек с ужасом смотрел на него.

— Как тебя звать, сынок?

— Вы похитили меня! Я просто шел по улице и…

— Сколько? — спросил Коэн.

— Что?

— Сколько стоит написать сагу?

— От вас воняет!

— Ага, это морж, — спокойно ответил Коэн. — В этом смысле, это как чеснок. Но в любом случае… сага, которую я хочу. А ты хочешь большой мешок рубинов, которые и рядом не валялись с теми рубинами, что есть у меня.

Он высыпал в ладонь содержимое кожаного мешочка. Камни были настолько велики, что снег окрасился красными лучами. Музыкант уставился на них.

— У тебя есть… Как оно, Маздам? — спросил

Коэн.

— Искусство, — подсказал Маздам.

— У тебя искусство, у нас — рубины. Мы тебе рубины, а ты нам искусство, — сказал Коэн. — И нет проблем, точно?

— Проблем? — рубины гипнотизировали.

— Ну, в основном, проблемы будут у тебя, если ты скажешь, что не сможешь написать мне сагу, — Коэн был сама лбюезность.

— Но… поймите, мне жаль, но… саги — это же так примитивно, понимаете?

Орда угрожающе присвистнула. Ветер, никогда не утихавший здесь, вблизи Пупа, казалось, задул с еще большей обреченностью.

— Долго же идти отсюда до цивилизации, — протянул Маздам.

— Особенно без ног, — добавил Малыш Вилли.

— Прошу!

— Не, не, ребят, мы ж не будем этого с ним делать, — сказал Коэн. — Он вроде не дурак, и перед ним лежит великое будущее… — он затянулся самокруткой, — пока еще. Не, он кажется, решил поразмышлять немного. Героическая сага, парень. Величайшая из всех.

— Про что?

— Про нас.

— О вас? Но вы ста…

Менестрель замолчал. Даже с учетом того, что в его прежней жизни самой большой опасностью было получить по лбу кинутой на банкете костью, он был в состоянии признать мгновенную смерть, когда встретится с ней. Вот он и встретился. Года не имели здесь своей разрушающей силы — ну, за исключением пары мест. В основном они наоборот, закаляли.

— Я не знаю, как надо писать саги, — слабо сказал он.

— Мы подскажем, — ответил Маздам.

— Этого добра мы навалом знаем, — сказал Малыш Вилли.

— В основном, они все про нас, — добавил Коэн.

Мысли менестреля были примерно такими: Эти люди рубины психи. Они рубины точно укокошат меня. Рубины. Они волокли меня рубины всю рубины рубины.

Они хотят дать мне мешок рубиновых рубинов.

— Я думаю, что мог бы расширить свой репертуар, — пробормотал он. Взглянув на их лица, он понял, что надо сменить словарь. — Ладно, я сделаю это, — произнес он. Но крохотная частичка

честности все-таки выжила даже в блеске драгоценных камней. — Я не величайший менестрель на свете, вы же знаете.

— Будешь, после того, как напишешь эту сагу, — сказал Коэн, развязывая его веревки.

— Ну… надеюсь, вам все понравится…

Коэн снова усмехнулся.

— Не надо, чтобы она нравилась нам. Мы не будем ее слушать, — сказал он.

— Что? Но вы же сказали, что хотите, чтобы я написал вам сагу…

— Ага, точно. Но это будет сага о том, как мы умрем.

***

Следующим утром от Анк-Морпорка отплыла небольшая флотилия. Все случилось довольно быстро. Перспектива конца света, конечно, не заставила людские умы чрезмерно перенапрячься, потому что эту огромную и всеобъемлющую опасность человеку сложно себе представить. Но патриций вел себя с людьми более жестко, чем обычно, а эту узконаправленную и очень личную опасность человек мог представить себе без проблем и сделать соответствующие выводы.

Между суденышками барахталась баржа, на

которой нечто огромное, накрытое парусиной, начинало приобретать четкие формы. Лорд Ветинари, уезжавший лишь единожды, уныло созерцал многочисленные связки материи, которыми была уставлена палуба.

— Это обойдется нам в кругленькую сумму, — сказал он Леонарду, который разворачивал мольберт. — Я надеюсь лишь, что есть, ради чего это делается.

— Возможно, для продолжения рода, — произнес Леонард, заканчивая сложный рисунок и протягивая его подмастерью.

— Очевидно, что да.

— Нам еще столько предстоит познать, — сказал Леонард, — что я уверен, что это принесет огромную пользу последующим поколениям. К примеру, выживший с Марии Песто докладывал, что вещи плавали в воздухе так, как будто они были очень легкими, так что я придумал это.

Он нагнулся, и поднял то, что показалось лорду Ветинари обычной кухонной утварью.

— Это сковородка, которая ко всему присасывается, — гордо сказал он. — Я позаимствовал идею у ворсянок, которые…

— И что, это может пригодиться? — спросил лорд Ветинари.

— О, конечно. Нам же надо будет приготовлять еду так, чтобы раскаленный жир не плавал вокруг. Это все мелкие детали, мой лорд. Я еще изобрел перо, которое пишет вверх ногами.

— О. Разве нельзя просто переложить лист бумаги?

***

Снег пересекали следы полозьев.

— Чертовски холодно, — сказал Калеб.

— Года дают знать, да? — сказал Малыш Вилли.

— Тебе столько лет, на сколько ты себя чувствуешь, я всегда так говорю.

— Чиво?

— ТЕБЕ СТОЛЬКО ЛЕТ, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕШЬ, ХЭМИШ!

— Чиво? Чиво ощущаешь?

— Я никогда не думал, что стану стариком, — сказал Малыш Вилли. — То есть не то чтобы я старик. Просто беспокоишься, далеко ли следующая уборная.

— А самое хреновое, — сказал Маздам, — это когда всякие молодые ребята приходят и поют тебе веселые песни.

— Почему веселые? — спросил Калеб.

— Радуются, что они — не ты, наверное.

Острые, твердые кристаллики снега, сдутые с горных вершин, свистели в воздухе. Отдавая дань профессии, Орда носила лишь тонкие кожаные набедренные повязки да кольчужки из цепей с кусочками меха. Отдавая дань своему почтенному возрасту и всецело исключая комментарии на эту тему между собой, это все было одето на шерстяные комбинации и необычные эластичные приспособления. Они боролись со временем так же, как боролись со всем в своей жизни, обвиняя в чем-нибудь и пытаясь убить.

Перед их группкой Коэн поучал менестреля.

— Сперва опиши, как ты ощущаешь сагу, — сказал он. — Как твоя кровь ускоряет бег, когда ты поешь ее, и ты с трудом держишь себя в руках… ты должен дать им понять, что это — величайшая сага… сечешь?

— Да, да… думаю, да… а потом я говорю, кто вы такие… — говорил менестрель, неистово записывая.

— Не, потом ты говоришь про погоду.

— Типа «Был ясный день»?

— Не, не, не! Это же сага. То есть тебе надо, чтобы предложения строились неправильно.

— То есть типа «День ясный был»?

— Да! Точно! Я знал, ты умный!

— Умный ты, то есть! — сказал менестрель, до того, как остановился.

Повисло мгновение неопределенности, в которое сердце замерло, а затем Коэн ухмыльнулся и шлепнул его по спине. Это было похоже, как будто тебя стукнули лопатой.

— Вот это стиль! Так, что еще…? А, да… в сагах никто не говорит, там все молвят.

— Молвят?

— Типа «Ап молвил Ульфу Морскому Бродяге», ясно? И… и… и там люди всегда кто-то. Типа, ну вот я Коэн Варвар, да? Но я могу быть Коэн Самоуверенный Храбрец или Коэн Убийца Многих или что-то типа.

— Эм… а зачем вам это все надо? — спросил менестрель. — Я собираюсь вставить это туда. Вы хотите вернуть огонь богам?

— Точно. С процентами.

— Но… зачем?

— Ну, мы увидели, что почти все старые друзья уже умерли, — ответил Калеб.

— Точно, — сказал Малыш Вилли. — И мы никогда не видели, чтобы большие тетки на летающих лошадях забирали их в Залы Героев.

— Старый Винсент, когда он умирал, он был

одним из нас, — сказал Малыш Вилли, — так где тогда был Инеистый Мост, по которому он мог пройти прямо на Пир Богов, а? Нет, они сделали его, они заставили его валяться в мягких кроватях и нанять специального человека, который жевал бы за него. Они почти всех нас сделали.

— Ха! Молочные коктейли! — выплюнул Маздам.

— Чиво? — спросил Хэмиш, просыпаясь.

— ОН СПРОСИЛ, ЗАЧЕМ МЫ ВОЗВРАЩАЕМ БОГАМ ОГОНЬ, ХЭМИШ!

— А? Ну, кто-то же должен это сделать! — захихикал Хэмиш.

— Потому что мир велик, а мы не видели его весь, — сказал Малыш Вилли.

— Потому что всех сволочей не перебить, — сказал Калеб.

— Потому что у меня спина болит холодными ночами, — сказал Маздам.

Менестрель посмотрел на Коэна, который уставился в землю.

— Потому что… — сказал Коэн, — потому что… мы состарились.

В это мгновение на них напали из засады. Снежные сугробы взорвались. Гигантские фигуры возникли перед Ордой. Тощие, покрытые пят-

нами руки сомкнулись на мечах со скоростью, рожденной опытом. Качнулись дубины…

— Держитесь! — закричал Коэн командным голосом.

Бойцы застыли. Лезвия дрожали в дюйме от их глоток и торсов.

Коэн вгляделся в потрескавшуюся скалоподобную фигуру чудовищного тролля, который занес над ним дубину.

— А мы не встречались раньше? — спросил он.

***

Волшебники трудились посменно. Перед флотом море было спокойно, как мельничный пруд. В спину дул непрекращающийся твердый бриз. У волшебников хорошо выходили ветра, погода была следствием не силы, а инсектологии. Как говорил аркканцлер Чудакулли, надо просто знать, где сейчас эта чертова бабочка.

А благодаря шансу один-на-миллион, баржа напоролась на мокрое бревно. Хотя удар был слабым, Думминг Тупс, аккуратно двигавший вездескоп по палубе, очутился лежащим на спине в груде мерцающих пластинок.

Аркканцлер Чудакулли поспешил к нему, говоря полным огорчения голосом.

— Он сильно поврежден? Он стоит сто тысяч долларов, господин Тупс! О, только посмотрите! Дюжина кусочков!

— Я не сильно ударился, аркканцлер…

— Сотни часов работы впустую! Теперь мы не сможем следить за полетом. Вы слышите, господин Тупс?

Думминг не слушал. Он поднял две пластины и разглядывал их.

— Я думаю что мог бы споткнуться, хаха, on an amazing piece of serendipity, аркканцлер.

— Что?

— Кто-нибудь ломал вездескоп раньше, сэр?

— Нет, молодой человек. И знаете почему? Потому что прочие люди осторожно обращаются с дорогостоящим оборудованием!

— Эм… вы не взглянете на этот кусочек, сэр? — настойчиво сказал Думминг. — Думаю, это очень важно, чтобы вы посмотрели на него, сэр.

***

Над нижними склонами Кори Челести еще царили старые времена. Сидевшие в засаде и их жертвы разожгли костер.

— Ну и как же ты перестал быть Зловещим Темным Властелином, Гарри? — спросил Коэн.

— Ну, вы ж знаете, сейчас времена такие, — сказал Злобный Страшный Гарри.

Орда кивнула. Они-то знали, какие сейчас времена.

— Теперь люди, когда нападают на твою Зловещую Темную Башню, сначала перекрывают твой подземный ход для бегства, — сказал Злобный Гарри.

— Сволочи! — ответил Коэн. — Так надо, чтобы Темный Властелин сбежал. Это все знают.

— Точно, — сказал Калеб. — Чтобы было, чем заняться завтра.

— Как будто я играю не честно, — сказал Злобный Гарри. — Я же убегаю по секретному ходу в свою Гору Страха, нанимаю тупейших охранников в темницу…

— Энто я, — гордо сказал громадный тролль.

— …это ты, да, и я всегда убеждаюсь, что у всех моих приспешников шлема закрывающие все лицо, чтобы предприимчивый герой мог замаскироваться под одного, а это, скажу я вам, влетает мне в копеечку.

— Мы с Гарри давно знакомы, — сказал Коэн, скатывая самокрутку. — Я знал его, когда он начинал только с двумя парнями и его Амбаром Рока.

— И Рубакой, Конем Ужаса, — добавил Злобный

Гарри.

— Да, но он был ослом, Гарри, — парировал Коэн.

— Он страшно кусался. Он мог отхватить тебе палец, как только взглянет на тебя.

— Мы случайно не бились с тобой, когда ты был Роковым Паучьим Богом? — спросил Калеб.

— Может быть. Тогда многие приходили. Это было великое время, — сказал Гарри. — Гигантские пауки, они всегда понадежнее, чем спруты, — вздохнул он. — Но оно, конечно, все поменялось.

Они кивнули. Все действительно поменялось.

— Они говорят, что я — злобное пятно на лице мира, — сказал Гарри. — И ни слова о том, что я даю работу безработным. А затем, конечно, приезжают большие парни, и ты уже не можешь конкурировать с местами за городом. Все слыхали о Нинге Необщительном?

— Типа того, — сказал Малыш Вилли. — Я его замочил.

— Ты не мог! Как же он говорил? «Я сюда еще вернусь!»

— Ну, это нелегко исполнить, — сказал Малыш Вилли, доставая трубку и принимаясь ее набивать, — когда у тебя башка приколочена к

дереву.

— А Пэмдар Королева Ведьм? — спросил Злобный Гарри. — Теперь тут осталось…

— На пенсии, — сказал Коэн.

— Она не могла уйти на пенсию!

— Замуж вышла, — настоял на своем Коэн, — за Стукнутого Хэмиша.

— Чиво?

— Я ГОВОРЮ, ТЫ ЖЕНИЛСЯ НА ПЭМДАР, ХЭМИШ, — закричал Коэн.

— Хахаха, было дело! Чиво?

— Заметь, это было некоторое время назад, — сказал Малыш Вилли. — Не думаю, что это продолжается до сих пор.

— Но она была настоящей дьяволицей!

— Все мы не молодеем, Гарри. У нее теперь магазин. Буфет Пэм. Делает мармелад, — сказал Коэн.

— Что? Она же сидела на горе черепов, когда была королевой!

— Я не говорил, что у нее такой уж хороший мармелад.

— А ты, Коэн? — спросил Гарри. — Я слышал, ты был Императором.

— Это только звучит хорошо, — печально сказал Коэн. — Но знаешь как это? Это скучно. Все вокруг так и лебезят, все такие вежливые.

Подраться не с кем, а от этих кроватей спина болит. Денег до фига, а тратить некуда, только разве что на игрушки. Эта цивилизация всю жизнь из тебя высасывает.

— Она убила Старого Винсента Разрушителя, — сказал Малыш Вилли. — Он задохнулся насмерть, слишком увлекшись куртизанкой.

Повисла тишина, нарушаемая только шипением снега над огнем.

— Думаю, ты имел в виду курнишон, — подал голос бард.

— Точно, курнишон, — сказал Малыш Вилли. — Длинные слова мне никогда не давались.

— Это две большие разницы, когда делаешь салат, — сказал Коэн. Он повернулся к Злобному Гарри. — Герои теперь не умирают, они жиреют на больших обедах. А герой должен умереть в бою.

— Да, но твои ребята никогда не собирались умирать, — заметил Злобный Гарри.

— Ну, это потому, что они отбирали не тех врагов, — ответил Коэн. — Теперь-то мы идем навестить богов, — он постучал по бочонку, на котором сидел, отчего прочие члены Орды содрогнулись. — У нас есть кое-что, что принадлежит им, — добавил он.

Он оглядел группу и отметил несколько незаметных кивков.

— Почему бы тебе не пойти с нами, Злобный Гарри? — спросил он. — Ты можешь взять своих злобных приспешников.

Злобный Гарри поднялся.

— Эй, я же Темный Лорд! Как это будет выглядеть, если я буду якшаться с шайкой героев?

— Это никак не будет выглядеть, — резко сказал Коэн. — И знаешь, почему? Мы последние, видишь ли. Мы и ты. Больше никого. Больше героев нет, Злобный Гарри. Как, впрочем, и злодеев.

— О, злодеи будут всегда! — сказал Злобный Гарри.

— Нет, всегда есть злые, жестокие хитрые сволочи. Но теперь они прикрываются законами. Они никогда не будут звать себя Злобный Гарри.

— Люди, которые не знают Кодекс, — сказал Малыш Вилли. Все кивнули. Ты можешь не жить по законам, но ты обязан жить по кодексу.

— Люди с бумажками, — сказал Калеб.

Все кивнули еще раз. Особых любителей чтения в Орде не наблюдалось. Бумага была врагом, так же как и люди, размахивающие ей. Бумага окружает тебя со всех сторон, и начинает править миром.

— Ты нам всегда нравился, Гарри, — сказал Коэн. — Ты играешь по правилам. Так чего… ты идешь с нами?

Злобный Гарри был смущен.

— Ну, я бы с удовольствием, — сказал он. — Но… ну я же Злобный Гарри, точно? Вы не должны ни на дюйм мне доверять. При первой же возможности я предам вас, ударю в спину и все такое… Я должен, понимаете? Конечно, если бы я был на вашем месте, все было бы по-другому… но у меня репутация такая, понимаете? Я Злобный Гарри. Не зовите меня с собой.

— Хорошо сказано, — сказал Коэн. — Мне нравятся люди, которым нельзя доверять. С ненадежными людьми знаешь, как себя вести. Не надо думать, кто во всем виноват. Ты пойдешь с нами, Гарри. Ты один из нас. И твои парни тоже. Новенькие, как я посмотрю? — Коэн поднял брови.

— Ну, ты ж понимаешь, каковы эти все действительно тупые приспешники, — сказал Злобный. — Это Слиз…

— … норк, норк, — сказал Слиз.

— А, один из старых Тупорылых Людей-Ящериц, — сказал Коэн. — Рад видеть, что хоть он не изменился. Эй, двое не изменились. А это…?

— … норк норк.

— Это тоже Слиз, — ответил Злобный Гарри, похлопав по второму человеку-ящерице, стараясь не напороться на шипы. — Ничего хорошего нет в том, чтобы помнить больше одного имени своих людей-ящериц. А еще с нами… — он кивнул на нечто, смутно похожее на гнома, который умоляюще посмотрел на него.

— Ты — Подмышка, — подсказал Злобный Гарри.

— Ты Подмышка, — с благодарностью повторил Подмышка.

— … норк, норк, — сказал один из Слизов, видно, решив, что последняя фраза была адресована ему.

— Неплохо, Гарри, — сказал Коэн, — чертовски трудно найти гнома тупее этого.

— Да уж, непросто, скажу я, — гордо согласился Гарри и продолжил, — а это — Мясник.

— Классное имечко, — сказал Коэн, глядя на чертовски толстого человека. — Твой тюремщик, точно?

— Я его долго искал, — сказал Злобный Гарри, глядя, как Мясник тупо лыбится неизвестно чему. — Верит всему, что ему говорят, не в состоянии распознать самую тупую маскировку, пропустит мужика, переодетого прачкой, даже

если у него будет такая борода, в которой ты можешь спрятаться, легко засыпает на стуле у решетки и…

— … хранит ключи на большом крюке на поясе так, чтобы их легко можно было стянуть! — сказал Коэн. — Классика. Мастерство. А еще у тебя есть тролль, как я посмотрю.

— Энто я, — сказал тролль.

— … норк, норк.

— Энто я.

— Ну, так же положено, верно? — сказал Злобный Гарри, — но он умнее, чем хотелось бы, но у него напрочь отсутствует чувство направления и не помнит, как его зовут.

— А это кто? — спросил Коэн. — Настоящий старый зомби? Где же ты его откопал? Мне нравятся люди, которые не боятся потерять пару конечностей.

— Гак, — отозвался зомби.

— Языка нет, да? — спросил Коэн. — Не волнуйся, парень, леденящий кровь вопль — все, что тебе нужно. И немного проволоки. Это все стиль.

— Энто я.

— … норк норк.

— Гак.

— Энто я.

— Ты Подмышка.

— Ты можешь гордиться. Не помню, чтобы я встречал более тупую команду приспешников, — Коэн был совершенно очарован. — Гарри, ты прямо как освежающий пук в розарии. Ты бери их всех с собой. Я рад слышать, что ты держишь планку.

— Приятно, когда тебя хвалят, — сказал Злобный Гарри, покраснев и потупившись.

— А чего тебе еще делать-то? — спросил Коэн. — Кто теперь в состоянии оценить хорошего Темного Властелина? Мир теперь такой сложный. Он уже не принадлежит таким, как мы… и это шокирует нас до смерти от курнишонов.

— А что вы собираетесь сделать, Коэн? — спросил Злобный Гарри.

— … норк, норк.

— Ну. Я думаю, настало время завершить все так же, как оно было начато, — ответил Коэн. — Просто последний бросок кости, — он снова постучал по бочонку. — Настало время, — сказал он, — вернуть кое-что.

— … норк, норк.

— Заткнись.

***

Ночью лучи света пробивались в дыры и прорехи в парусине. Лорд Ветинари спрашивал себя, высыпается ли Леонард. Вполне возможно, что нет, раз он придумывает свое изобретение.

Но сейчас его беспокоило другое.

Дракончики путешествовали на отдельном корабле. Брать их на борт к кому-нибудь еще было слишком опасно. Корабли были деревянными, а дракончики, даже в хорошем расположении духа, выпускали в воздух небольшие огненные шарики. Когда же они бывали перевозбуждены, то взрывались.

— С ними все будет в порядке, да? — спросил он, стараясь держаться подальше от клеток. — Если с ними что-нибудь случится, то у меня будут большие неприятности с Храмом Солнечного Света в Анк-Морпорке. А это совсем не радостная перспектива, уверяю вас.

— Господин Щеботанский уверяет, что не видит причин, по которым они не должны вернуться в целости и сохранности, сэр.

— А вы, господин Тупс, доверили бы себя устройству, ведомому драконами?

Думминг сглотнул.

— Я не принадлежу к числу героев, сэр.

— И что же вас не устраивает, могу я узнать?

— Думаю, у меня слишком живое воображение.

Неплохое объяснение, размышлял Ветинари, когда тот ушел. Разница была в том, что, пока все остальные люди мыслят идеями и картинками, Леонард мыслит формой и пространством. Все его грезы имеют спецификации и инструкции по сборке.

Лорд Ветинари поймал себя на том, что все больше и больше уповает на свой другой план. Когда больше ничего не останется, кроме как молиться…

***

— Ну все, ребята, спокойно, угомонитесь, — Хьюнон Чудакулли, Верховный Жрец Слепого Ио, оглядел множество жрецов и жриц, сгрудившихся в Храме Мелких Богов.

У него было много общего с его братом Наверном. Он также рассматривал свою работу главным образом как организационную. Множество людей хорошо умели верить, и он позволял им заниматься этим. Но для некоторых вещей требовалось намного больше, нежели молитва,

например, чтобы убедиться, что белье забрали из стирки или что ремонт продолжается.

Теперь было так много богов… около двух тысяч. Большинство, конечно же, были совсем мелкими. Но и за ними надо следить. Боги очень зависят от моды. Взять того же Ома. Вот он был кровожадным мелким божком в одной придурковатой жаркой стране, а вот он уже один из лучших. Это все делается не ответами на молитвы, а деятельностью, направленной на то, чтобы все думали, что в один прекрасный день он может взять и ответить, и тогда можно будет запускать фейерверки. Хьюнон, десятилетиями выживавший в интенсивных теологических дискуссиях, будучи подлым человеком, размахивающим тяжелым кадилом, был впечатлен такой непривычной тактикой.

И конечно же, были и настоящие новички, типа Эмджер, Богини Раздавленных Животных. Кто мог подумать, что новые дороги и быстрые экипажи приведут к этому? Но боги становятся сильнее, когда к ним взывают в нужде, и достаточно умов догадались воскликнуть «О господи, кого это я сбил?».

— Братия! — воскликнул он, утомленный ожиданием. — И сестрия!

Гул стих. С потолка осыпалось немного штукатурки.

— Благодарю вас, — сказал Чудакулли. — Теперь прошу вас выслушать. Мои коллеги и я… — тут он указал на уважаемых священнослужителей позади него, — провели, уверяю вас, некоторое время, работая над этой идеей, и, без сомнения, это божественный звук. Пожалуйста, позвольте продолжить!

Он все еще ощущал недовольство среди духовенства. Прирожденные лидеры не любят быть ведомыми.

— Если мы не попробуем, — рискнул он, — безбожники волшебники преуспеют в своем деле. А мы выставим себя дураками.

— Это все очень здорово, но все дело в форме! — огрызнулся жрец. — Мы не можем все взывать к одному и тому же! Вы знаете, как боги не любят экуменизм! И какие слова вы собираетесь использовать в молебне?

— Мне кажется, что если мы немного подождем со спорами… — Хьюнон Чудакулли замолчал. Перед ним были жрецы, которые запрещали святыми указами есть брокколи, жрецы, которые приказывали незамужним девушками закрывать уши, чтобы их не распаляли проявления

чувств мужчинами, и жрецы, которые поклонялись маленькому бисквиту с изюмом. Нечего и думать о том, чтобы избежать споров.

— Знаете, кажется, мир близится к своему концу, — слабо сказал он.

— Да ну? Некоторые ждали этого довольно долгое время! Грядет Судный День и человечество покарают за его злодеяния!

— И брокколи!

— И девчонок со стрижками!

— Только бисквиты спасутся!

Чудакулли начал неистово вращать своим посохом, призывая к тишине.

— Но это будет не божий гнев, — сказал он. — Я же говорил! Это работа людей!

— Да, но они могут быть руками господними!

— Это все Коэн Варвар, — сказал Чудакулли.

— Ну и что, он может быть…

Говорящего толкнул локтем стоящий рядом с ним священник.

— Держись…

Раздался рев возбужденной беседы. Была пара храмов, которых не грабили в пору приключений, и жрецы быстро согласились, что ни один бог не стал бы брать в руки что-то, похожее на Коэна Варвара. Хьюнон посмотрел на потолок,

украшенный симпатичной, но ветхой панорамой из богов и героев. Быть богом — намного проще, решил он.

— Замечательно, — надменно сказал один из недовольных. — Тогда, я думаю, мы можем, в свете непредвиденных обстоятельств, на этот раз собраться за столом и все обсудить.

— О, это хорошая… — начал Чудакулли.

— Но, конечно же, нам понадобится крайне серьезно отнестись к выбору формы стола.

Чудакулли на мгновение смутился. Выражение его лица не менялось, пока он наклонялся к одному из своих поддьяконов и сказал:

— Ракушк, пожалуйста, пошли кого-нибудь сбегать ко мне домой и сказать жене, пусть она соберет мою ночлежную сумку, хорошо? Думаю, это все надолго…

***

Центральный пик Кори Челести казалось, так и не стал ближе.

— Вы уверены, что у Коэна все хорошо с головой? — спросил Злобный Гарри, помогая Малышу Вилли везти по льду каталку Хэмиша.

— Эй, ты что, пытаешься посеять недовольство среди людей, Гарри?

— Ну, я тебя предупреждал, Вил. Я же Темный Властелин. Мне надо практиковаться. А мы следуем за человеком, который регулярно забывает, где оставил свои вставные зубы.

— Чиво? — спросил Стукнутый Хэмиш

— Я только хочу сказать, что если мы взорвем богов, то можем нажить проблемы, — сказал Злобный Гарри. — Это как бы… неуважительно, что ли.

— Ты ж вроде осквернял храмы в свое время, Гарри?

— Я возводил их, Вил, я возводил их. Знаешь, одно время я был Сумасшедшим Лордом-Демоном. И у меня был Храм Ужаса.

— Ага, на огороде, — ухмыльнулся Малыш Вилли.

— Точно, точно, все это твердят, — надулся Гарри. — А все потому, что я никогда не входил в большие союзы, потому что…

— Ну-ну, Гарри, ты же знаешь, что мы так не думаем. Мы тебя уважаем. Ты знаешь Кодекс. Ты следуешь данному слову. Ну, Коэн считает, пора вернуть это богам. А я, я беспокоюсь, ведь впереди только жесткая земелька.

Злобный Гарри вгляделся в покрытое снегом ущелье.

— В горы ведут магические тропы, — продолжал Малыш Вилли. — Но до этого еще куча пещер, которые надо пройти.

— Непроходимые Пещеры Ужаса, — сказал Злобный Гарри.

Вилли был впечатлен.

— Ты о них слыхал, да? Есть старая легенда, она говорит о том, что их охраняет легион ужасных чудовищ и всякие чертовски хитрые устройства, и что никто никогда] не проходил их. О, да… еще опасные расселины. Потом мы поплывем через заполненные водой пещеры, охраняемые гигантской человекоядной рыбой, которые еще никто из людей не проходил. Потом там еще будут бешеные монахи, и дверь, которую можно открыть, только решив древнюю головоломку… ну, в общем, как обычно.

— Кажется, предстоит крупное дельце, — отважился сказать Злобный Гарри.

— Ну, мы знаем решение головоломки, — сказал Малыш Вилли. — Это «зуб».

— Как вы выяснили?

— Да никак. «Зуб» — всегда ответ для никудышных старых загадок, — ворчал Малыш Вилли, пока они тащили инвалидное кресло через крайне глубокий сугроб. — Но самая большая

проблема — это протащить это чертово кресло через все это так, чтобы Хэмиш не проснулся и не натворил дел.

***

Сидя в своем кабинете, в доме на краю времен, Смерть разглядывал деревянный ящик.

— МОЖЕТ, Я ПОПЫТАЮСЬ ЕЩЕ РАЗОК, — сказал он.

Он протянул руку и поднял маленького котенка, похлопал его по головке, нежно опустил его в ящик и закрыл крышку.

— КОШКА УМРЕТ, КОГДА ВЫЙДЕТ ВЕСЬ ВОЗДУХ?

— Я думаю, что она вполне может, — сказал Альберт, его слуга. — Но я думаю, дело не в этом. Если я все понял верно, то вы не можете сказать, жива кошка или мертва, пока не посмотрите на нее.

— ИНТЕРЕСНЫЕ ДЕЛА НАЧНУТСЯ, АЛЬБЕРТ, ЕСЛИ Я НЕ БУДУ ЗНАТЬ, ЖИВО НЕЧТО ИЛИ НЕТ, НЕ ГЛЯДЯ НА НЕГО.

— Эм… смысл теории в том, сэр, что сам процесс смотрения является решающим — жива будет кошка или нет.

Смерть оскорбился.

— ТЫ ЧТО, ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО Я УБЬЮ КОШКУ, ТОЛЬКО ПОСМОТРЕВ НА НЕЕ?

— Не совсем так, сэр.

— Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЭТО СОВСЕМ НЕ ТО, КАК Я ОБЫЧНО ОБРАЩАЮ СВОЙ ЛИК К ПРОЧИМ.

— Честно говоря, сэр, я думаю, даже волшебники не разберутся со всеми этими неопределенностями, — сказал Альберт. — В мое время с такими вещами не заморачивались. Если ты не был уверен, то ты становился мертв.

Смерть кивнул. Идти в ногу со временем было очень тяжело. Всякие параллельные измерения. Измерения — паразиты, теперь он понимал их так. Он жил в одном. А прочие были просто вселенными, которые самонедостаточны и могут существовать, лишь прицепляясь к вселенной-хозяину, как рыба-прилипала. Но наличие параллельных миров подразумевает, что все, чтобы ты ни сделал, кое-где еще ты сделать не можешь.

Это представляло собой остро стоящую проблему для того, кто по природе своей был определением. Это было похоже на игру в покер против бесконечно большого числа игроков.

Он открыл коробку и вытащил котенка. Тот уставился на него обычным для котят взглядом,

выражающим безумное удивление.

— Я НЕ ОДОБРЯЮ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С КОШКАМИ, — аккуратно опуская его на пол.

— Вообще, я думаю, что выражение про кота в ящике не более, чем метафора, — сказал Альберт.

— А. ТО ЕСТЬ ЛОЖЬ.

Смерть хрустнул пальцами.

Кабинет Смерти занимал не то пространство, которое обычно имеется в виду. Стены и потолок были лишь декорацией, а не ограничителями пространства. Сейчас они постепенно таяли, а пространство заполнили гигантские песочные часы.

Их размеры было трудно определить, но измерять их можно было в милях.

Внутри сыпался песок и сверкали молнии. Снаружи, на стекле была выгравирована гигантская черепаха.

— ДУМАЮ, НАДО ОЧИСТИТЬ ДЛЯ НИХ СТОЛ, — сказал Смерть.

***

Злобный Гарри стоял на коленях перед наспех собранным алтарем, состоящем в основном из черепов, которые несложно найти в этом безжа-

лостном пейзаже. Он молился. За долгие годы работы Темным Властелином, даже и в мелком масштабе, он сумел наладить несколько контактов с другими планами. Это были… кто-то вроде богов, думал он. Они носили имена типа Олк-Калат Сосущий Души, но, честно говоря, различия между демонами и богами никогда не были до конца определены.

— О, Могущественнейший, — начал он, самое надежное начало и религиозный эквивалент «Тому, Кого Это Касается», — я хочу предупредить тебя, что шайка героев взбирается по горам, чтобы уничтожить вас, вернув вам огонь. Не мог бы ты сразить их гневной молнией, а затем благосклонно обратить внимание на слугу своего, т. е. Злобного Страшного Гарри. Почту можно передать с госпожой Гиббонс, 12 Дольмень Вью, Пант-у-Гирдл, Лламедос. Еще, если можно, я хотел бы найти местечко с лавовыми реками, у всех остальных лордов есть злобные лавовые реки, даже если они под ними только сотня футов сраной наносной земли, простите мой клатчский, это же настоящая дискриминация по отношению к мелким предпринимателям, ничего личного, конечно.

Он подождал немного, вдруг будет ответ, вздох-

нул, и тряхнул ногами.

— Я злой, недоверчивый Темный Властелин, — сказал он. — Чего они ждали. Я им говорил. Я их предупреждал. Ну, если бы, конечно, я был бы на их месте… но раз я тут как Темный Властелин, то я…

Он заметил краем глаза нечто розовое чуть поодаль. Он влез на покрытый снегом валун, чтобы рассмотреть получше.

Через две минуты остальная Орда присоединилась к нему и задумчиво стала наблюдать за происходящей сценой, не обращая внимания на менестреля, которого начало тошнить.

— Ну, такое нечасто увидишь, — сказал Коэн.

— Что, как человека душат розовой пряжей? — спросил Калеб.

— Нет, я смотрел на двух других…

— Да, удивительно, что можно сотворить спицей, — сказал Коэн. Он мельком глянул на импровизированный алтарь и ухмыльнулся. — Это твоя работа, Гарри? А говорил, что хочешь побыть один.

— Розовая пряжа? — нервно спросил Злобный Гарри. — Я и розовая пряжа?

— Прости, что подумал так о тебе, — сказал Коэн. — Ладно, у нас нет на это времени. Пой-

демте, посмотрим, что там за Пещеры Ужаса. Где наш бард? Ага. Хватит блевать, доставай свои блокноты. Первый, кто напорется на спрятанное лезвие — свинья. И, ребят… давайте постараемся не разбудить Хэмиша?

***

Море светилось холодным зеленым светом.

Капитан Моркоу сидел на носу. К удивлению Ринсвинда, вылезшего, чтобы угрюмо прогуляться по палубе, он шил.

— Это значок миссии, — сказал Моркоу. — Видишь? Это твой, — он протянул его Ринсвинду.

— Но зачем они нужны?

— Боевой дух.

— А, эта фигня, — сказал Ринсвинд. — Ну, ты многовато наделал, Леонарду он не нужен, да и мне он не поможет.

— Я знаю, что ты с юмором относишься к таким вещам, но я думаю, что жизненно важно иметь нечто, не дающее команде развалиться, — сказал Моркоу, продолжая спокойно шить.

— Да, и это называется кожа. Очень важная штука, если надо сохранить все свои части внутри.

Ринсвинд разглядывал значок. У него никогда не было ничего подобного. Ну, на самом деле,

было, конечно… как-то ему подарили значок с надписью «Эй, А Мне Сегодня Пять!», самый ужасный подарок, который только можно получить в день своего шестилетия. Тот день рождения был самым гадким днем во всей его жизни.

— Надо придумать душевный лозунг, — сказал Моркоу. — Волшебники, кажется, в этом понимают, да?

— Как тебе Morituri Nolumus Mori? Он неплохо будет смотреться по кругу, — угрюмо ответил Ринсвинд.

Моркоу пошевелил губами, разбирая предложение.

— Мы это те, кто ищет смерти… — сказал он. — Но я не признаю гибели.

— Зато он очень душевный, — ответил Ринсвинд. — Это прямо-таки глас сердца.

— Отлично. Большущее спасибо. Я поработаю над этим, — сказал Моркоу.

Ринсвинд вздохнул.

— Тебе это кажется таким захватывающим, да? — спросил он. — Тебе действительно так кажется.

— Это действительно довольно непростая задача, отправиться туда, где еще никто не бывал, — сказал Моркоу.

— Неправильно! Мы отправляемся туда, откуда еще никто не возвращался, — нерешительно сказал Ринсвинд. — Ну, кроме меня. Но я передвигался не так быстро и я… вроде как упал опять на Диск.

— Да, они рассказывали. А что ты видел?

— Мою жизнь, промелькнувшую перед глазами.

— Наверное, мы увидим много интересного.

Ринсвинд с ненавистью смотрел на Моркоу, который согнулся над своим шитьем. Он излучал аккуратность, такого изящного вида: казалось, он принадлежит к тем, кто моется очень аккуратно. А еще Ринсвинду он казался полным идиотом, у которого между ушей — хрящ. Но полные идиоты обычно не говорят такие вещи.

— Я взял иконограф и много краски для бесенка. Ты знаешь, что волшебники хотят, чтобы мы проводили всевозможные наблюдения? — продолжал Моркоу. — Они говорят, такой шанс выпадает раз в жизни.

— Знаешь, ты, наверное, не заведешь себе тут друзей, — ответил Ринсвинд.

— У тебя есть какие-нибудь идеи насчет того, что хочет Серебряная Орда?

— Выпивку, денег и женщин, — ответил Ринс-

винд. — Хотя, думаю, насчет последнего они уже не волнуются.

— Но разве у них этого всего не было?

Ринсвинд кивнул. Это была загадка. У Орды это все было. У них было все, что только можно купить за деньги. А учитывая количество денег на Противовесном Континенте, это было все на свете.

Ему пришло на ум, что когда у тебя есть все на свете, это все превращается в ничто.

***

Долину заполнял холодный зеленый свет, который отражался от вздымающегося льда центральной горы. Он менялся и расцветал, как вода. Внутри него, с ворчаниями и переспрашиваниями, двигалась Серебряная Орда.

Позади них, согнувшись почти пополам от ужаса и страха, бледный, как человек, видевший воистину ужасные вещи, шел менестрель. Его одежды были порваны. Один чулок был содран. Он вымок до нитки, хотя местами на его одеждах виднелись подпалины. В дрожащих руках он держал то, что раньше было лютней, на которой теперь не хватало половины струн. Это был человек, повидавший жизнь, вернее, то, как она

обрывается.

— Не такие уж они и бешеные оказались, не как все монахи, — сказал Калеб. — Скорее отчаяные, а не бешеные. Я-то видал таких монахов, что у них аж пена капала изо рта.

— А этим монстрам только с живодерами встречаться, правда, — сказал Маздам. — Если честно, мне даже стыдно было их убивать. Они постарше нас будут.

— А рыбки были ничего, — сказал Коэн. — Настоящие большие сволочи.

— А еще было очень здорово, когда у нас кончилась моржатина, — сказал Злобный Гарри.

— Твои приспешники себя замечательно проявили, Гарри, — сказал Коэн. — Я не стал бы называть их глупыми. Никогда не видел столько людей, которые сами отрубили бы себе головы своими же мечами.

— Они были хорошими ребятами, — сказал Гарри, — тупые вконец.

Коэн улыбнулся Малышу Вилли, который посасывал порезаный палец.

— Зуб, — сказал он. — Ха… ответ всегда «зуб», да?

— Ну ладно, ладно, иногда попадается и «язык», — сказал Малыш Вилли. Он повернулся

к менестрелю.

— Ты записал тот кусок, там, когда я порезал гигантскую тарантулу? — спросил он.

Менестрель медленно поднял голову. На лютне порвалась струна.

— Мууа, — промычал он.

Остаток Орды быстро собрался вокруг. Нет смысла в том, чтобы позволить только одному из них войти в величайший стих.

— Не забудь спеть про то, как рыба заглотила меня, и мне пришлось разрубить ее изнутри, лады?

— Мууа…

— А ты записал про то, как я убил ту шестирукую танцующую статую?

— Мууа…

— Че ты несешь? Эт’ я убил статую!

— Да ну? Я расколол ее точнехонько посередке, дружок! Никто не пережил бы это!

— А чего ж ты просто не отрубил ей башку?

— Не успел. Кто-то меня опередил.

— Эй, эй, он не записывает! А чего это он не пишет? Коэн, скажи ему, пусть пишет!

— Пусть он немного оклемается, — ответил Коэн. — Кажется, они с рыбой не поладили.

— Интересно, почему, — сказал Маздам. — Я

вытащил его, она даже не успела его как следует пожевать. А в том коридоре он мог бы просохнуть. Знаете, эти языки пламени так внезапно поднимаются из пола.

— Думаю, наш бард не ожидал, что из пола может внезапно выскочить пламя, — сказал Коэн.

Маздам театрально пожал плечами.

— Ну, если ты не ожидаешь внезапного пламени, то нафига ты вообще куда-то поперся?

— И мы с вами слишком увлеклись спором, с теми демонами из нижних миров, что стояли на воротах, если бы Хэмиш не проснулся, — продолжал Коэн.

Хэмиш пошевелился в своем кресле, под связками филе огромной рыбины, неумело обернутыми в шафрановые мантии.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ТЫ НАЧАЛ ВОРЧАТЬ ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ СПАТЬ! — закричал Коэн.

— Ач, точна!

Малыш Вилли потер бедро.

— Пришла пора признать, что одно из тех чудовищ чуть не достало меня, — сказал он. — Мне, боюсь, придется вернуться.

Коэн быстро развернулся.

— И умереть как Старик Винсент?

— Ну, не…

— Где бы он был, если бы мы не устроили правильные похороны, а? Огромный погребальный костер, вот похороны героя. А все остальные говорили, что зря только потратились на хороший корабль! Так что завязывай трепаться и иди за мной!

— Мсс… псс…пс — просвистел менестрель, и наконец ему удалось вымолвить слова. — Психи! Психи! Психи! Вы все абсолютные, совершенные психи!

Калеб похлопал его нежно по плечу и развернулся, чтобы следовать за их лидером.

— Нам больше по душе слово берсерк, парень, — сказал он.

***

Некоторые вещи требуется протестировать…

— Мне надо посмотреть ночью на болотных дракончиков, — сказал доверительно Леонард Думмингу Тупсу, настраивающему механизм постоянного поддержания огня. — Мне кажется, что для них огонь является широко применимым средством передвижения. То есть, болотный дракончик — это живая ракета. Как мне всегда казалось, довольно странное создание для такого

мира, как наш. Думаю, что они прибыли сюда откуда-то еще.

— Они обычно очень взрываются, — сказал, отступая, Думминг. Дракончик в стальной клетке внимательно следил за ним.

— Это из-за неправильного питания, — уверенно произнес Леонард. — Они не должны так поступать. Но я уверен, что микстура, которую я изобрел, и питательна, и надежна, и даст… полезный результат…

— Но мы все равно пойдем и спрячемся за мешки с песком, сэр, — сказал Думминг.

— О, вы действительно считаете…?

— Да, сэр.

Плотно прижавшись спиной к мешкам с песком, Думминг зажмурился и потянул за веревочку.

Перед клеткой с драконом опустилось зеркало, только на мгновение. И первой реакцией самца болотного дракона, увидевшего другого самца, было пыхнуть огнем…

Раздался грохот. Двое мужчин, выглядывающих из-за укрытия, увидели желто-зеленое копье огня, прогремевшее над вечерним морем.

— Тридцать три секунды! — сказал Думминг, когда погасли последние вспышки. Он подско-

чил.

Маленький дракочик рыгнул.

Огонь уже более-менее вышел, так что это был самый влажный взрыв, который только видел Думминг.

— Ах, — сказал Леонард, возникая из-за мешков с песком и отдирая с головы чешуйки. — Практически то, что надо. Добавим еще щепотку древесного угля и экстракт морских водорослей, чтобы предотвратить вздутие.

Думминг стянул шляпу. Ему-то сейчас ничего было не надо, кроме как принять ванну. А потом еще одну.

— Я что, похож на волшебника-ракету, или как? — сказал он, вытирая остатки дракона со своего лица.

Но через час еще одно копье пламени пронзило волны, оно было тонким, белым и с голубой сердцевиной… и на этот раз, на этот раз дракон всего лишь улыбнулся.

***

— Да я лучше сдохну, чем напишу свое имя, — сказал Малыш Вилли.

— Да я лучше выйду в одиночку против дракона, — сказал Калеб. — Против того, нормального,

как раньше были, а не этой маленькой зажигалки, что остались сейчас.

— Если ты напишешь им свое имя, они засунут тебя туда, куда захотят, — сказал Коэн.

— Столько букв, — сказал Маздам. — И все такие разные и сложные. Я всегда ставлю Х.

***

Орда остановилась ненадолго, чтобы перекурить, на голом каменистом участке в конце зеленой долины. Снег густо покрывал землю, но воздух был легким. Хотя чувствовалось покалывание, вызванное высоким фоновым уровнем магии.

— Читать же, — сказал Коэн, — это совсем другое. Ничего не имею против тех, кто немного почитывает. Ну, если, к примеру, у тебя есть карта, а на ней поставлен большой крест, то читающий человек может что-нибудь сказать про это.

— Чего? Та карта Маздама, что ли? — спросил Малыш Вилли.

— Точно. Может и она.

— Я умею писать и читать, — сказал Злобный Гарри. — Извините. Это все работа. И этикет. Приходится быть вежливым с людьми, когда ты

отправляешь их прогуляться по доске над бассейном с акулами… чтобы было еще злобней.

— Гарри, тебя никто не упрекает, — сказал Коэн.

— Ух, не то чтобы я смог добыть акул, — сказал Гарри. — Мне надо было хорошо думать, когда Безрукий Джонни говорил, что у этих акул еще не все плавники выросли, но все, на что они были способны, так это плавать кругами, счастливо поскрипывая, и выпрашивать рыбку. Когда я кидал людей в пыточный бак, надо было, чтобы их разрывало на клочки, а не давало возможность проникнуть в глубины подсознания и достичь единения с космосом.

— Лучше акулы, чем такая рыбина, — скорчил рожу Калеб.

— Не, акулье мясо мочой воняет, — сказал Коэн. Он потянул носом. — А это…

— А это, — сказал Маздам, — то, что я зову кулинарным мастерством.

Они пошли на запах через лабиринт камней к пещере. К удивлению менестреля, когда они подошли к пещере все, как один, вытащили мечи.

— Кулинарии лучше не доверять, — сказал Коэн, вероятно, объясняя.

— Но вы же только что убили чудовищную

безумную дьявольскую рыбину! — сказал менестрель.

— Нет, это жрецы были безумными, а рыбина… да, тяжело придумать словечко для рыбы. Но все равно, ты знаешь, как вести себя с безумными жрецами, но некто, умеющий готовить так, как тут — ну, это таинственно.

— И?

— Таинственные штучки обычно смертельны.

— Вы, однако, еще живы.

Меч Коэна просвистел в воздухе. Менестрелю показалось, что он слышал шипение раскаленной стали.

— Я обычно раскрываю все тайны, — сказал он.

— О. Со своим мечом… Как Каролинус — Цортский Узел?

— Ничего не знаю ни про какие узлы, парень.

На чистом местечке среди камней на костре тушилось мясо, рядом сидела пожилая леди, поглощенная вышиванием. Эта была совсем не та сцена, которую ожидал увидеть менестрель, даже несмотря на то, что леди была одета… слишком молодо для старушки, а надпись, которую она вышивала, хоть и была окружена маленькими цветочками, звучала как «ОТВЕДАЙ ХОЛОДНОЙ

СТАЛИ, СВИНЬЯ».

— Так-так, — произнес Коэн, убирая меч в ножны. — Кажется, я узнаю это рукоделие. Как твои дела, Вена?

— Неплохо выглядишь, Коэн, — сказала женщина так спокойно, как будто бы ждала их. — твои ребята хотят немного мяса?

— Ага, — сказал, усмехаясь, Маздам. — Только пусть сначала бард попробует.

— Фу, как не стыдно, Маздам, — сказала женщина, откладывая вышивание в сторону.

— Помнишь, когда мы встречались последний раз, ты подмешала мне яд в еду и украла кучу драгоценностей…

— Это было сорок лет назад, парень! Но в любом случае, ты бросил меня сражаться с той шайкой гоблинов.

— Я знал, что ты справишься.

— А я знала, что тебе ни к чему драгоценности. Привет, Злобный Гарри, Здорово, ребята. Занимайте камни. А это что за тощая полоса несчастий?

— Это бард, — сказал Коэн. — Бард, это Вена Вороново Крыло.

— Что? — переспросил бард. — Нет, это не она! Даже я знаю, кто такая Вена Вороново Крыло, и

она высокая молодая женщина с… о…

Вена вздохнула.

— Да, так все старые истории говорят, — сказала она, дотрагиваясь до седых волос. — А теперь перед вами госпожа МакГэри, мальчики.

— Да, я слыхал, ты остепенилась, — сказал Коэн, зачерпнув ковшиком похлебку и пробуя ее. — Вышла за владельца гостиницы, вроде? Убрала меч, завела детишек…

— Внуков, — с гордостью сказала госпожа МакГэри. Но ее горделивая улыбка быстро завяла. — К одному перешла гостиница, а другой делает бумагу.

— Владеть гостиницей — неплохое занятие, — сказал Коэн. — Но велико геройство — торговать оптом бумажками, тоже мне! Конечно, я не о бумажных деньгах, — он облизал губы. — Хорошая штука, девочка.

— Это весело, — сказала Вена. — Я и не думала, что у меня есть талант, но люди проходят мили, чтобы попробовать мои клецки.

— Просто у них выбора нет, — сказал Маздам Дикий. — Хо, хо, хо.

— Маздам, — сказал Коэн, — помнишь, ты просил меня говорить тебе, когда ты будешь становиться слишком диким?

— Да?

— Ну так вот оно.

— Но в любом случае, — сказала госпожа МакГэри, сладко улыбаясь покрасневшему Маздаму, — когда Чарли умер, я посидела-посидела, и подумала: а то ли это? Я так и буду сидеть и ждать Мрачного Жнеца? А потом… эти манускрипты…

— Какие манускрипты? — хором воскликнули Коэн и Злобный Гарри. Потом они уставились друг на друга.

— Ну, пнимаете, — сказал Коэн, роясь в мешке, — я нашел эти старинные манускрипты, на которых изображена карта, как добраться до Гор и всякие уловки, чтобы пройти дальше…

— И я, — сказал Гарри.

— Так чего ты молчал?!

— Я ж Темный Властелин, Коэн. — терпеливо сказал Злобный Гарри. — А вовсе не капитан Помощник.

— Хотя бы скажи, где ты их взял.

— О, в одной древней запечатанной гробнице, которую мы грабили.

— Я свои нашел в старой кладовой, еще там, в Империи, — сказал Коэн.

— А мои забыл в гостинице путешественник, одетый во все черное, — сказала госпожа Ма-

кГэри.

Повисшую тишину нарушил менестрель.

— Э… Простите?

— Что? — хором спросили все трое.

— Это только я, — спросил менестрель, — или мы все кое-что упустили?

— Например? — требовательно спросил Коэн.

— Ну, эти манускрипты рассказывают вам о том, как добраться до гор, то есть совершить опасное путешествие, в котором еще никто не выживал?

— Да, и что?

— Так… ну… кто же составил эти манускрипты?

***

Бог-Крокодил Оффлер взглянул на игральную доску, которая в действительности была миром.

— Ладно, чей он? — прошелестел он. — Тоже мне, умник нашелша.

Собравшиеся божества вытянули шеи, и один из них поднял руку.

— А ты кто? — спросил Оффлер.

— Всемогущий Нугган. Меня почитают в землях Бороградии. Этот юноша вырос в моей вере.

— А во что верят нугганиты?

— Эм… в меня. В основном в меня. А последователи запрещают есть шоколад, имбирь, грибы и чеснок.

Некотрые боги вздрогнули.

— Ты, как погляжу, не долго думал, перед тем, как жапрещать, — сказал Оффлер.

— Да какой смысл запрещать брокколи? Это уже не модно, — ответил Нугган и посмотрел на менестреля. — До сих пор он никогда не отличался смекалкой. Можно, я его покараю? Кажется, в похлебке есть чеснок, если судить по виду госпожи МакГэри.

Оффлер колебался. Он был очень старым богом, возникшим из болотных испарений в горячих, мрачных землях. Он переживал взлеты и падения более современных и гораздо более симпатичных богов, потому что постоянно занимался самосовершенствованием, что для бога в конечном счете является здравым смыслом.

Кроме того, Нугган был одним из новых богов, которые полны адского пламени, самоуверенности и амбиций. Оффлер не был особенно умен, но он неуловимо ощущал, что, если бог хочет долго продержаться, ему надо предоставить своим верующим нечто большее, нежели просто редкие молнии. А еще он испытал обычно не присущий

богам приступ симпатии к тем людям, чей бог запрещает шоколад и чеснок. А еще у Нуггана были противные усы. Богам не пристало носить такие маленькие вычурные усишки.

— Нет, — сказал он, тряся стаканчиком с костями. — Это только замедлит их путь.

***

Коэн сжал кончик своей неаккуратной сигареты, засунул ее за ухо, и поднял взгляд к зеленому льду.

— Еще не поздно вернуться, — сказал Злобный Гарри. — Если, конечно, кто-то хочет.

— Да, так и есть, — сказал Коэн, не глядя по сторонам. — Тем более, кто-то играет нечестно.

— Это странно, — сказала Вена. — Я всю свою жизнь провела в приключениях со старыми картами, в поисках древних могил и все такое, и меня никогда не волновало, откуда эти карты взялись. Про такие вещи обычно не думаешь, как и про то, кто разбрасывает оружие, ключи и аптечки по неизведанным подземельям.

— А еще кто-то ставит ловушки, — сказал Малыш Вилли.

— Возможно. Еще не было ни одной ловушки, на которую я попался бы, — сказал Коэн.

— Мы вышли против богов, Коэн, — сказал Гарри. — Это дело рук человека, человека, убежденного в своей удаче.

— Мои еще действуют, — сказал Коэн. Он протянул руку и дотронулся до каменного лица перед ним. — Оно теплое.

— Да на нем же лед! — сказал Гарри.

— Точняк. Странно, да? — сказал Коэн. — Все как в скрижалях. А видите, как снег падает? Магия. Ну… тут проходит…

***

Аркканцлер Чудакулли решил, что отряду надо тренироваться. Думминг Тупс обратил внимание на то, что они отправляются в полную неожиданность, и поэтому Чудакулли велел научить их некоторым неожиданным навыкам.

Ринсвинд, с другой стороны, сказал, что их отправляют на верную смерть, и в конечном счете, никому не требуются для этого какие-то особенные тренировки.

Потом он говорил, что устройство Леонарда все-таки принесло свою пользу. После нескольких минут на нем верная смерть становилась заманчивой перспективой.

— Его снова тошнит, — сказал Декан.

— Может, лучше его вынуть? — сказал Профессор беспредметных высказываний.

— Как ты можешь так говорить? В последний раз прошло целых десять секунд, пока он не вышел!

— Да, но его тошнило еще больше и еще дольше, — сказал Профессор, когда они уходили прочь.

Декан поднял глаза. В тени покрытой парусиной баржи было трудно разглядеть летающее устройство. Самые интересные части были замотаны бумагой. В воздухе стоял стойкий запах лака и клея. Библиотекарь, у которого была привычка во все вмешиваться, мирно покачивался на рангоуте и забивал деревянные колышки в доску.

— Это будет воздушный шар, помяни мои слова, — сказал Декан. — Я даже представляю, как он будет выглядеть. Воздушный шар, корабль, всякие снасти и так далее. Может, еще якорь. Странная штучка получится.

— Даже в Агатовой Империи есть воздушные змеи, такие большие, что могут поднять человека, — сказал профессор.

— Может, он просто построил змея еще больше.

Недалеко от них в бассейне света сидел Лео-

нард Щеботанский и рисовал. Периодически он отдавал бумаги стоящему рядом подмастерью, который сразу спешил с ними прочь.

— Ты видел, что он вчера изобразил? — спросил Декан. — Он подумал, что вдруг им может понадобиться починить что-нибудь снаружи машины, и… и он изобрел устройство, позволяющее летать вокруг с драконом на спине! Сказал, на случай какой-нибудь катастрофы!

— Разве может быть что-нибудь катастрофичней, чем привязаный к спине дракон? — спросил профессор беспредметных высказываний.

— Точно! Человек, живущий в башне из слоновой кости!

— Правда? Я думал, Ветинари запирает его на чердаке.

— Ну. Я имел в виду, что года, проведенные так, очень ограничивают человека, по моему мнению. Абсолютно нечего делать, кроме как считать дни палочками на стене.

— Говорят, он неплохо рисует, — сказал Профессор.

— Ну, тогда картинками, — уступил Декан.

— А еще говорят, что он так здорово рисует, что глаза как будто следят за тобой по всей комнате.

— Да? А остальное лицо чем занимается?

— Остается на месте, думаю, — сказал профессор.

— По мне, так ничего хорошего в этом нет, — сказал Декан, блуждая в поисках выхода наружу.

На своем мольберте, размышляя о вопросах управления судном в разреженом воздухе, Леонард тщательно вырисовал розу.

***

Злобный Гарри закрыл глаза.

— Я так и знал, ничего хорошего нас не ждет, — сказал он.

— Это просто, надо только начать, — сказал Коэн. — Дело в том, как смотреть.

Злобный Гарри открыл глаза.

Он стоял на широкой, зеленоватой равнине, которая плавно загибалась направо и налево. Он как будто бы стоял в гигантской, покрытой травой борозде, тянущейся в заоблачную даль.

— Это просто прогулка, — раздался рядом голос Малыша Вилли.

— Слушай, я могу без проблем ходить тут, — сказал Злобный Гарри. С ногами никаких проблем. Проблемы с мозгами.

— Попробуй думать о земле как о том, что находится под тобой, — сказал Малыш Вилли. — Это

поможет.

— Нет, — сказал Злобный Гарри. — Не поможет.

Странность простирающегося перед ними пейзажа заключалась в том, что в его пределах количество направлений, по которым вы могли передвигаться, определялось только вашим желанием. Другими словами, сила гравитации не имела тут значения. Она располагалась строго под ногами, вне зависимости от того, где были эти ноги.

Злобный Гарри не понимал, почему это беспокоит только его одного. Орду, казалось, это совершенно не трогает. Даже ужасающее кресло Стукнутого Хэмиша шустренько катилось по тому, что раньше Гарри назвал бы вертикалью. Он подумал, что это потому, что Злобные Властелины обычно умнее героев. Для того, чтобы заполнить платежные ведомости даже для полудюжины приспешников, надо, чтобы у тебя функционировали хоть несколько клеток мозга. И клетки Злобного Гарри подсказывали ему, что лучше смотреть только вперед и постараться поверить, что он всего лишь гуляет по широкой, нормальной борозде и даже не пытаться оглядываться по сторонам, даже не думать об этом

потому что позади него ой-ой-ой…

— Готовься, — сказал Малыш Вилли, устанавливая свою руку. — Слушайся своих ног. Им-то известно, где они.

К ужасу Гарри, в этот момент Коэн решил оглянуться вокруг.

— Только поглядите на этот вид! — сказал он. — Я могу видеть что все живут сверху!

— О, нет, нет, пожалуйста, нет, — забормотал Злобный Гарри, бросаясь вперед, стараясь держаться гор.

— Это круто, да? — сказал Маздам. — Видеть все эти моря, нависающие над тобой… А что с Гарри?

— Поплохело ему, — сказала Вена.

К удивлению Коэна менестрель был тут как дома.

— Я вырос в горах, — объяснил он. — К таким высотам там приноравливаешься.

— Я вижу все места, в которых был, — оглядываясь, произнес Коэн. — Пойди туда, сделай то… пойди туда еще раз, сделай то заново… ничего не упущено из того, где я был…

Менестрель оглядел его с ног до головы, и просветлел, поняв. Я понял, почему вы это делаете, подумал он. Спасибо классическому образова-

нию. Как там было?

— «И зарыдал Каролинус, что нет более миров, что не покорены», — сказал он.

— Да что это за парень? Ты уже второй раз про него говоришь, — сказал Коэн.

— Вы что, не слышали про Императора Каролинуса?

— Не-ка.

— Но… Он был величайшим завоевателем на свете! Его империя простиралась на весь Диск! Кроме Противовесного Континента и ЧетыреХ конечно.

— Я его не обвиняю. На одном из них ни за какие коврижки не найдешь хорошего пива, а другой слишком идиотский.

— Ну, когда он достиг аж самого побережья Мунтаба, то говорят, что он стоял на берегу и рыдал. Какой-то философ сказал ему, что существует огромное количество других миров, которые он никогда не сможет покорить. Эм… это напомнило мне вас.

Коэн немного помолчал.

— Да, — сказал он наконец, — да, я представляю себе, как это происходило. Только мы не распускаем нюни.

***

— Сейчас, — сказал Думминг Тупс, — Т минус двенадцать часов.

Его слушатели, сидевшие на палубе, наблюдали за ним с настороженностью и вежливым непониманием.

— Это значит, что летательная машина пересечет Край уже до завтрашнего рассвета, — объяснил Думминг.

Все повернулись к Леонарду, наблюдающему за чайкой.

— Господин Щеботанский? — произнес лорд Ветинари.

— Что? А. Да, — Леонард моргнул. — Да. Устройство будет готово, хотя у меня небольшие проблемы с уборной.

Преподаватель современного руносложения порылся в широких карманах своей мантии.

— О господи, мне казалось, у меня была тут одна бутылочка… море влияет на меня точно также.

— Я, вообще-то, имел в виду проблемы, связанные с разряженным воздухом и низкой силой притяжения, — сказал Леонард. — Об этом рассказывал выживший с Марии Песто. Но думаю, сегодня вечером я смогу разобраться с уборными,

которые, к счастью, используют разряженый воздух высот для того, чтобы достичь эффекта, обычно вызываемого гравитацией. Я включу туда легкое отсасывание.

Думминг кивнул. Он быстро соображал, когда дело касалось механики, и нарисовал в уме эту картину. Ему тут же захотелось иметь умственную стирательную резинку.

— Эм… хорошо, — сказал он. — Ну, большая часть кораблей упадут за баржу в течение ночи. Даже с учетом помощи магических ветров, мы бы не стали рисковать ближе, чем в тридцати милях от Края. Там мы можем попасть в течение, и нас вынесет за Край.

При этих словах Ринсвинд, уныло перегнувшийся за борт и смотрящий на воду, развернулся.

— Сколько отсюда до острова Крулл? — спросил он.

— Дотуда? Сотни миль, — сказал Думинг. — Мы стараемся держаться в стороне от их пиратов.

— Значит… мы идем прямо на Кружность, так?

Можно было бы сказать, что повисла тишина, если бы не громкие невысказаные мысли. Each man was busy trying to think of a reason why it would have been far too much to expect him to have

thought of this, while at the same time being a reason why someone else should have. Кружность была громадной конструкцией из всех когда-либо построеных; она тянулась чуть ли не на треть всей окружности мира. На большом острове под названием Крулл обитала цивилизация, живущая тем, что она могла добыть с нее. Они ели много суши и обладали стойкой неприязнью ко всему остальному миру, и поэтому страдали постоянным расстройством пищеварения.

Лорд Ветинари едко улыбнулся.

— Да, конечно, — сказал он. — Она простирается на сотни миль, как я знаю. Однако, как я думаю, круллиты не долго держат в рабстве пленных моряков. Они просто назначают разоряющую цену за спасение судов.

— Пара огненных шаров разорвет эту штуку на части, — сказал Чудакулли.

— Ну, для этого надо подойти к ним достаточно близко, — сказал Ветинари. — То есть так близко к Краепаду, что, разрушив эту самую штуку, вы соскользнете за Край. Запутанная проблемка, господа.

— Волшебный ковер, — сказал Чудакулли. — Просто работа. Мы взяли один в…

— Не так близко к Краю, сэр, — угрюмо сказал

Думминг. — Очень тонкое магическое поле и свирепые ветряные потоки.

С хрустом перевернулась страница с рисунками.

— Да-да, — сказал сам себе Леонард.

— Прошу прощения? — сказал патриций.

— Однажды я придумал простой способ, с помощью которого можно легко уничтожить целый флот, мой лорд. Конечно же, только как техническую тренировку.

— Но со всеми инструкциями и пронумерованными частями? — спросил патриций?

— Ну, да, мой лорд. Конечно же. Иначе это не была бы настоящая тренировка. И я уверен, что с помощью этих волшебных господ мы смогли бы приспособить его к данной цели.

Он весело улыбнулся им. Они взглянули на чертеж. Люди выпрыгивали из горящих кораблей в кипящее море.

— Это такое у вас хобби интересное? — спросил Декан.

— О да. Ведь этому нет практического применения.

— Но разве кто-нибудь не может построить это? — спросил Профессор Современного Руносложения. — Вы же включили клей и переводные

картинки!

— Ну, я рискну сказать, что есть и такие люди, — застенчиво сказал Леонард. — Но я уверен, что правительство успеет остановить это, пока оно не зашло слишком далеко.

На лице лорда Ветинари появилась такая улыбка, которую, наверное, даже Леонард Щеботанский, со всем его гением, не сможет отобразить на холсте. Очень осторожно, осознавая, что, если они уронят хоть одну, то сами они об этом уже не узнают, группка студентов и подмастерьев ставила драконьи клетки на стеллажи на корме летающей машины. Иногда кто-нибудь из дракончиков икал. Тогда все, кроме одного, покрывались холодным потом. Этим исключением был Ринсвинд, который припадал к земле за штабелями пиломатериалов за несколько ярдов оттуда.

— Их всех как следует накормили специальной пищей Леонарда, и они должны быть довольно послушны еще четыре-пять часов, — сказал Думминг, третий раз вытаскивая его оттуда. — Первые два этапа их надо кормить строго по часам, и первая партия должна будет готова извергать пламя, как только вы выйдете за пределы Краепада.

— А если мы задержимся?

Тупс задумался.

— Что бы ни произошло, лучше не задерживайтесь, — сказал он.

— Спасибо.

— Тех, которых вы возьмете с собой, тоже надо будет кормить. Мы погрузили смесь лигроина, каменного масла и антрацитовой пыли.

— Для меня, чтобы я кормил драконов.

— Да.

— На этом деревянном корабле, который будет очень, очень высоко?

— Ну, технически да.

— Ты не можешь пояснить, что значит технически?

— Строго говоря, он вообще не будет внизу. Как бы так. Эм… можно сказать, что вы будете двигаться так быстро, что вы не задержитесь ни в одном месте настолько долго, чтобы успеть упасть. — Думминг поискал на лице Ринсвинда следы понимания. — Или, другими словами, вы будете постоянно падать, но не ударитесь на землю.

Прямо над ними стеллаж с драконами довольно зашипел. Тени прорезали облачка пара.

— Ох, — сказал Ринсвинд.

— Ты понял? — спросил Думминг.

— Нет. Я просто надеюсь, что, если я буду молчать, ты не будешь объяснять мне и далее.

— Как делишки, господин Тупс? — спросил аркканцлер, идущий впереди своих волшебников. — Как поживает наш гигантский воздушный змей?

— Все идет по плану, сэр. Мы сейчас в Т минус пять часов, сэр.

— Серьезно? Здорово. Мы на десять минут на обед.

Ринсвинду выделили маленькую каморку с холодной водой и крысами. Большая ее часть, которая не была занята койкой, была занята его сундуком. То есть Сундуком.

Это был ящик, который мог бродить вокруг на сотне маленьких ножек. Он был волшебним, как было известно Ринсвинду. Он принадлежал ему годами. Он понимал все, что ему приказывают. Но, к сожалению, выполнял только одно из ста.

— Другой комнаты тут нет, — сказал Ринсвинд, — а только стоит тебя выпустить, как ты тут же теряешься.

Сундук, хоть глаз у него не было, все равно умудрялся смотреть на Ринсвинда.

— Так что ты посидишь с замечательным госпо-

дином Тупсом, понял? Хотя ты даже среди богов не угомонишься. Я очень скоро вернусь.

Сундук продолжал смотреть.

— И не надо так на меня смотреть, слышишь? — сказал Ринсвинд. Лорд Ветинари окинул взглядом троих… как сказать?

— Люди, — сказал он, выбрав без сомнения, самое корректное определение, — разрешите поздравить вас с… с…

Он замялся. Лорд Ветинари был не из тех, кто восхищается техникой. Как он считал, существует две культуры. Одна была настоящей, а вторая принадлежала людям, любящим механизмы и пиццу в неурочное время.

— … с тем, что вы станете первыми людьми, которые покинут Диск с непоколебимой уверенностью в том, что они вернутся обратно, — продолжил он. — Ваше… задание заключается в том, чтобы приземлиться у Кори Челести, разыскать Коэна Варвара и его людей, и во всех смыслах предотвратить их смехотворный план. Скорее всего, тут имеет место некое недоразумение. Даже герои-варвары в основном не планируют взорвать мир, — вздохнул он. — Обычно для этого они не слишком цивилизованы, — добавил он, — но в любом случае… мы умоляем его внять голосу

разума, и так далее. Варвары в основном очень сентиментальны. Расскажите им о маленьких хорошеньких щенках, которые погибнут, или что-нибудь в этом роде. Более ничего не могу посоветовать вам. Я подозреваю, что обычные насильственные методы даже не стоит обсуждать. Если Коэна было бы так легко убить, это сделали бы уже давно.

Капитан Моркоу отдал честь.

— Насилие — самое последнее, к чему стоит прибегать, сэр, — сказал он.

— Я думаю, что это самое первое, что придет в голову Коэну, — ответил лорд Ветинари.

— Он не такой уж и плохой, если, конечно, вы не появитесь внезапно прямо перед ним, — сказал Ринсвинд.

— Ах, кажется, я слышу голос нашего специалиста, — сказал патриций. — Я лишь надеюсь… А что это у вас на кокарде, капитан Моркоу?

— Значок миссии, сэр, — бодро сказал Моркоу. — Morituri Nolumus Mori. Это Ринсвинд предложил.

— Я почему-то так и подумал, — сказал лорд Ветинари, неприветливо посмотрев на волшебника. — Может, вы могли бы сказать нам примерный перевод, господин Ринсвинд?

— Эм… — Ринсвинд смутился, но выхода не было. — Эм… грубо говоря, это значит «Мы те, кто близок смерти, но не то чтобы совсем», сэр.

— Очень понятное объяснение. Хвалю ваш вариант… Да?

Думминг шепнул ему что-то на ухо.

— Ах, мне сообщили, что нам необходимо отправить вас как можно скорее, — сказал лорд Ветинари. — господин Тупс говорит, что имеется способ следить за вами до тех пор, пока вы не подойдете близко к горам.

— Да, сэр, — сказал Моркоу. — Сломанный вездескоп. Удивительное устройство. Каждая часть видит то, что показывают остальные. Изумительно.

— Ну, я верю, что ваше новое занятие воодушевит вас очень скоро, практически, хаха, со скоростью метеора. По местам, господа.

— Эм… Я хотел бы сделать иконографию, сэр, — сказал Думминг, кидаясь вперед и хватая большую коробку. — Чтобы запечатлеть момент? Встаньте, пожалуйста, вокруг флага и улыбнитесь… это значит, что надо поднять уголки рта вверх, Ринсвинд… спасибо. — Думминг, как все неважные фотографы, нажал на спуск через долю секунды после того, как на лицах застыли улыб-

ки. — И какие будут ваши последние слова?

— Вы хотите сказать, последние слова перед тем, как мы пойдем туда, а потом вернемся? — приподнял бровь Моркоу.

— О, да. Конечно. Именно это я и хотел сказать. Потому что вы обязательно вернетесь, верно? — сказал Думминг, по мнению Ринсвинда, слишком быстро. — Я абсолютно доверяю работе господина Щеботанского, и он тоже, я уверен.

— О господи. Нет, я никогда не беспокоюсь о том, чтобы мне доверяли, — сказал Леонард.

— Нет?

— Нет, все просто работает, и все. Не надо ни во что верить, — сказал Леонард. — И, конечно же, если мы провалимся, то хуже уже не будет, верно? Если мы не сможем вернуться, то окажется, что нам просто некуда возвращаться, верно? Так что все равновесно, — он радостно улыбнулся. — Логика сильно облегчает жизнь в такие времена, как сейчас, я всегда так считал.

— Что до меня, — сказал капитан Моркоу, — то я в отличном расположении духа, очень заинтригован и мне не терпится отправиться, — он постучал по висевшей сбоку коробке. — И я, согласно указаниям, также беру с собой иконограф и намереваюсь сделать множество очень полез-

ных и волнительных изображений нашего мира из космоса, которые сподвигнут нас взглянуть на природу человечества в новом свете.

— Сейчас можно отказаться участвовать? — спросил Ринсвинд, уставившись на своих товарищей по команде.

— Нет, — сказал Ветинари.

— А если по причине умственного помешательства?

— Вашего, полагаю?

— Угадайте с трех раз!

Ветинари кивнул Ринсвинду.

— Но вполне можно сказать, что надо быть абсолютно помешанным, чтобы участвовать в этой авантюре, — пробормотал он. — То есть вы совершенно годны.

— А… если предположить, что я в порядке?

— О, как правитель Анк-Морпорка я обязан поручать такие жизненно важные задания только самым хладнокровным, самым проницательным умам.

Некоторое время он выдерживал пристальный взгляд Ринсвинда.

— Я так и знал, что здесь какая-то ловушка, — сказал волшебник, поняв, что проиграл.

— Да. В лучшем виде, — сказал Патриций. Ог-

ни стоящих на якоре судов пропали во мраке, а баржу все несло ветром, так быстро, как будто ее кто-то толкал.

— Не оглядывайтесь, — сказал Леонард.

Слышался грохот, и по Краю мира пробегали огоньки света.

— Можете вопить, — добавил он, когда жирные капли дождя застучали по брезенту. — Пойдемте на борт? Мы все равно будем двигаться по направлению к Краю, и пока у нас есть время устроиться поудобнее.

— Сначала мы должны достать огневые шлюпки, сэр, — сказал Моркоу.

— Точно, — сказал Леонард. — Я бы забыл где-нибудь собственную голову, если бы она не прикреплялась костями, кожей и прочим!

Для прохода через Кружность была приготовлена пара корабельных шлюпок. Они тихонько покачивались, груженые остатками блестящего лака, краски и драконьего ужина. Моркоу поднял пару фонарей и, после пары неудачных из-за хлещущего ветра попыток, сумел зажечь их и осторожно расположил там, где сказал Леонард.

Затем шлюпки были сброшены по течению. Освободившись от замедлявшей их баржи, они резво бросились вперед.

Лил дождь.

— А теперь давайте уже пройдем на борт, — сказал Леонард, быстро прячась от дождя. — Нам совсем не повредит чашека чая.

— Мне казалось, что мы решили не разводить огонь на борту, сэр, — сказал Моркоу.

— Я принес созданный мною специальный кувшин, который сохраняет вещи теплыми, — сказал Леонард. — Или холодными, если надо. Я назвал его Холодная Или Горячая Фляга. Я совершенно без понятия, как она понимает, какой именно ей надо быть, но, кажется, работает она исправно.

Он направился вверх по лестнице.

В маленькой каюте горела только одна небольшая лампа. Она освещала три сидения, втиснутые в переплетение рычагов, арматуры и балок.

Команда уже была тут, и планировка была им знакома. Чуть далее, ближе к корме, располагалась одна маленькая кровать, потому что предполагалось, что спать они будут по очереди. На всех свободных частях стен скобами прикреплялись веревки, на которых болтались бутыли с водой и провизия. К сожалению, один из комитетов лорда Ветинари, созданный для того, чтобы помешать своим членам докучать остальным, направил все свое внимание на то, чтобы собрать

в дорогу провиант. Казалось, они упаковали продукты на любой случай, даже на случай драки с аллигаторами в ледниках.

Леонард вздохнул.

— Я очень не люблю отказывать, — сказал он, — я предполагал, что питательная, концентрированная, легкоусвояемая пища была бы предпочтительнее…

Как один, они повернулись на креслах в сторону Экспериментального Туалета Мод.2.

Мод.1 работал — как и все устройства Леонарда — но так как обязательным условием было быстрое вращение по оси в процессе использования, то от него отказались после отчета первого испытателя (Ринсвинда) о том, что чем бы вы не собирались там заняться, единственной вещью, которую вы хотели бы сделать, оказавшись там, было выбраться наружу.

Мод.2 был до сих пор не проверен. Он зловеще поскрипывал под их пристальными взглядами, намекая на запоры и камни в почках.

— Он должен работать нормально, — сказал Леонард, и Ринсвинду показалось, что он слышит неуверенность в голосе. — Это лишь вопрос открытия клапанов в правильной последовательности.

— А что произойдет, если мы откроем не в той последовательности клапаны, сэр? — спросил Моркоу, проходя вовнутрь.

— Поймите, для этого судна мне пришлось придумать столько изобретений… — начал Леонард.

— Мы хотели бы знать, — сказал Ринсвинд.

— Эм… честно говоря, если вы откроете клапаны не в том порядке, то случится то, что вы очень пожалеете о том, что открыли клапаны не в том порядке, — ответил Леонард. Он пошарил под креслом и достал большую металлическую флягу любопытного вида. — Может, чайку?

— Только маленькую чашечку, — твердо сказал Моркоу.

— Мне тогда полную ложку, — сказал Ринсвинд — А что это за штука передо мной?

— Это мое новое устройство, позволяющее смотреть назад, — сказал Леонард. — Его очень легко использовать. Я назвал его Устройство Для Того, Чтобы Посмотреть Назад.

— Взгляд назад — это плохо, — сказал Ринсвинд. — Я всегда это говорил. Это замедляет.

— Ах, но это устройство не замедлит нас ни на секунду.

— Правда? — Ринсвинд просветлел.

Неистовый ливень барабанил по брезенту.

Моркоу попытался посмотреть вверх. В обшивке была дыра, и поэтому…

— Между прочим… кто мы есть? — сказал он. — В смысле, кого мы зовем собою?

— Наверное, придурков, — сказал Ринсвинд.

— Я имел в виду, официально? — Моркоу оглядел заполненную каюту. — И как мы зовем это судно?

— Волшебники называли его большим воздушным змеем, — сказал Ринсвинд. — Но это совсем не похоже на воздушного змея, воздушный змей это такая штука на веревке, которая…

— Надо дать ему имя, — сказал Моркоу. — Это очень плохо, отправляться в путешествие на корабле без имени.

Ринсвинд посмотрел на рычаги перед своим сидением. В основном, они были предназначены для работы с драконами.

— Мы сидим в большом деревянном ящике, и под нами сотня драконов, готовых в любой момент рыгнуть, — сказал он. — Думаю, имя нам просто необходимо. Эм… а вы действительно знаете, как управлять этим, Леонард?

— Не то чтобы да, но надеюсь, что я быстро освоюсь.

— По настоящему хорошее имя, — жарко сказал

Ринсвинд. Впереди штормовой горизонт осветился вспышкой от взрыва. Шлюпки ударились в Кружность, и взорвались неистовым, разъедающим пламенем. — Прямо сейчас?

— Воздушный змей, настоящий змей, это очень красивая птица, — сказал Леонард. — Я думал об этом, когда…

— Значит, Змей, — жестко перебил Моркоу. Он посмотрел в список перед ним и поставил галочку. — Я могу снять брезентовый якорь, сэр?

— Да. Эм. Да. Снимайте, — сказал Леонард.

Моркоу потянул рычаг. Внизу и сзади них раздался шлепающий звук, и трос исчез из виду.

— Там же рифы! Там скалы! — Ринсвинд вскочил, тыкая пальцем.

Вспышка впереди осветила, как прибой бился о нечто приземистое и неподвижное.

— Не оглядывайтесь, — сказал Леонард, когда тонущий якорь стягивал со Змея чехол, похожий на чудовищное брезентовое яйцо. Леонард подтянулся и толкнул рычаги и рукояти, похожий на органиста, играющего фугу.

— Первые Шоры… вниз. Привязи… убрать. Джентльмены, когда я скажу, нажмите на рычаг перед вами…

Впереди вырисовывались скалы. Белая вода на

самом краю бесконечного Краепада была окрашена в красный огнем и пестрела молниями. Зазубреные скалы, похожие на зубы крокодила, были в нескольких ярдах от них.

— Ну! Ну! Ну! Зеркала… вниз! Хорошо! Пламя есть! А что теперь… о, да… Всем схватится за что-нибудь!

Развернулись крылья, драконы извергали пламя, Змей воспарил над расколотой баржей, штормом и Краем мира… Единственным звуком было слабое шипение воздуха, когда Ринсвинд и Моркоу с трудом поднялись с дрожащего пола. Их пилот стоял у окна и смотрел наружу.

— Посмотрите, какие птицы! О, только посмотрите на птиц!

В спокойном, освещенном солнцем воздухе за штормом они порхали и тысячами кружили вокруг скользящего корабля, как маленькие птички толпятся у орла. Это и было похоже на орла, схватившего гигантского лосося с Краепада…

Леонард был в восторге, по его щекам бежали слезы.

Моркоу тихонечко похлопал его по плечу.

— Сэр?

— Как прекрасно… как прекрасно…

— Сэр, нам надо, чтобы вы управляли этой шту-

кой, сэр! Вы не забыли? Вторая Стадия!

— Хмм? — мастер содрогнулся, и взял себя в руки. — О, да, отлично, отлично… — он тяжело опустился в кресло. — Да… уверен… да. Нам надо, эм, нам надо проверить контроль. Да.

Он положил дрожащую руку на рычаг перед ним, и установил ноги на педали. Змей накренился в сторону.

— Ой… а, понял… простите… да… ой, простите… а если так…

Корабль встрянуло еще раз, и Ринсвинд оказался у окна. Он посмотрел вниз, на Краепад.

Тут и там, по всей длине стены из белой воды, сверкающей в вечернем свете, выступали похожие на горы острова. Между ними скользили белесые облачка. И все пространство заполняли птицы, скользящие, кружащие…

— Там лес на скалах! Там как будто маленькие страны… там люди! Я вижу дома!

Его отбросило назад, когда Змей накренился в каком-то облаке.

— За Краем живут люди! — сказал он.

— Наверное, те, кто потерпели крушение, — сказал Моркоу.

— Я, эм, думаю, я понял смысл, — сказал Леонард, смотря строго прямо. — Ринсвинд, будьте

так добры, нажмите тот рычаг, пожалуйста.

Ринсвинд подчинился. Раздался глухой звук, и корабль слегка тряхнуло, когда отсоединилась клетка первой ступени.

Когда она развалилась на части в воздухе, маленькие дракончики раскинули крылья и с надеждой полетели обратно к диску.

— Я думал, их будет больше, — сказал Ринсвинд.

— О, это только те, которых мы использовали, чтобы выбраться за Край, — сказал Леонард, пока Змей лениво разворачивался в воздухе. — Прочие помогут нам спуститься вниз.

— Вниз? — переспросил Ринсвинд.

— О, да. Нам надо спускаться вниз, как можно быстрее. Нам некогда тратить время впустую.

— Вниз? Мы ничего не говорили про вниз! Мы говорили про вокруг. На вокруг я согласен. А на вниз — нет!

— Но поймите, чтобы двинуться вокруг, нам надо сначала двинуться вниз. И быстро, — с упреком сказал Леонард. — Я записал в своих заметках…

— Мне совершенно не нравится двигаться вниз!

— Алло? Алло? — раздался голос из воздуха.

— Капитан Моркоу, — сказал Леонард, когда

Ринсвинд, надувшись, уселся к себе в кресло, — сделайте одолжение, откройте шкафчик.

Там содержался фрагмент разбитого вездескопа и лицо Думминга Тупса.

— Работает! — его крик казался глухим и каким-то тонким, как муравьиный писк. — Вы живы?

— Мы отделили первых драконов и у нас все в порядке, сэр, — ответил Моркоу.

— Нет, не в порядке! — закричал Ринсвинд. — Они собираются вни…

Не оборачиваясь, Моркоу протянул руку за Леонарда и натянул шляпу Ринсвинда нему на лицо.

— Драконы второй ступени уже готовы дать огонь, — сказал Леонард. — Нам лучше продолжить, господин Тупс.

— Пожалуйста, внимательно наблюдайте за всем… — начал Думминг, но Леонард вежливо прикрыл дверцы.

— Теперь, — сказал он, — если вы, джентльмены, разожмете зажимы перед вами и повернете большие красные рукоятки, то мы сможем начать процесс сворачивания крыльев. Я рассчитываю, что лопасти помогут ускорить процесс наращивания скорости, — он посмотрел на бледного Ринсвинда, который со злостью освободился от

шляпы. — падая, мы будем использовать воздушные потоки, чтобы была возможность сложить крылья, которые пока что нам не понадобятся.

— Понял, — сказал Ринсвинд. — Это именно то, что я ненавижу.

— Путь домой лежит вниз, Ринсвинд, — сказал Моркоу, регулируя ремень своего сидения. — Одень свой шлем!

— Ну, может кто-нибудь завяжет его потуже? — спросил Леонард и плавно нажал на рычаг. — Не волнуйтесь вы так, Ринсвинд. Думайте об этом как о… ну, о магическом ковре…

Змей содрогнулся.

И спикировал…

Внезапно Краепад оказался под ними, протянувшись до безграничного, туманного горизонта, и его обнаженные скалы превратились в острова на белой стене.

Корабль снова затрясло, и рукоять, к которой наклонился Ринсвинд, сама по себе пришла в движение.

Больше не осталось ни одного твердого кусочка. Вибрировала каждая часть корабля.

Он уставился в иллюминатор прямо перед ним. Крылья, замечательные крылья, те, которые держат тебя наверху, изящно сворачивались сами

по себе…

— Ррриннсвиннндддд, — сказали очертания Леонарда из его кресла, — пожжжаллуйстта ннажжмитте ччеррнный ррыччаг!

Волшебник подчинился, решив, что хуже уже не будет.

Но он ошибся. Сзади раздалось несколько тяжелых ударов. Сотня драконов, недавно переваривших богатую гидрокарбонатами пищу, увидели собственное отражения перед собой в зеркалах, на мгновение опущенных перед их клетками.

Они пыхнули огнем.

В фюзеляже что-то стучало и гремело. Гигантское основание вдавило экипаж в их сидения. Краепад стал похож на одно размытое пятно. Красными глазами они смотрели на быстрое белое море, далекие звезды, и даже Моркоу присоединился к гимну ужаса, звучащему как «Аааааахххххххгггггг…»

Леонард пытался что-то прокричать. Ужасным усилием Ринсвинд повернул тяжелую, огромную голову и разобрал стон «Ббеллый ррыччаг!»

Ему понадобились годы, чтобы дотянуться до него. Его руки почему-то оказались сделанными из свинца. Безжизненные пальцы с мышцами,

тонкими, как струна, сумели сжать и потянуть рычаг.

На корабле прогремел еще один не предвещающий ничего хорошего звук. Давление понизилось. Три головы упали вперед. Воцарилась тишина. Легкость. Мир.

Как во сне Ринсвинд потянулся к перископу и увидел часть гигантской клетки, аккуратно обогнувшей их. Она разделилась на части в полете, и еще больше драконов расправив крылья, устремились к Краю. Великолепно. Устройство, позволяющее смотреть назад, не замедляясь? Просто вещь, без которой трусам не обойтись.

— Я хочу такую же, — пробормотал он.

— Кажется, все идет, как надо, — сказал Леонард. — Я уверен, что эти крохотные создания вернутся. Перепархивая со скалы на скалу… да, я уверен, что они смогут…

— Эм… у меня под стулом дует… — начал Моркоу.

— Ах, да…хорошо, что шлемы были у нас под рукой, — сказал Леонард. — Я сделал все, что мог, все покрыл лаком, металлом и так далее…но Змей, увы, не совершенно герметичен. Ну, вот мы и начали наш путь, — добавил он жизнерадостно. — Может, позавтракаем?

— Мой живот, кажется, очень… — начал Ринсвинд, но замолчал.

Мимо него проплыла ложка, плавно кувыркаясь в воздухе.

— Кто-то выключил понятие низа? — спросил он.

Леонард открыл рот, чтобы сказать: нет, это вполне закономерно, потому что все падает с некоторой скоростью, но он не стал этого делать, потому что понимал, что это не лучшее из того, что можно сказать.

— Такое бывает, — произнес он. — Это… эм… магия.

— О. Правда? О.

В ухо Моркоу мягко ткнулась чашка. Он отбил ее прочь и она исчезла где-то на корме.

— Что за магия? — спросил он. Волшебники сгрудились вокруг кусочка вездескопа, а Думминг пытался настроить его.

Наконец в поле зрения появилась картина. Она была ужасна.

— Алло? Алло? Вызывает Анк-Морпорк!

Невнятно бормочущее лицо оттолкнули в сторону и возникло изображение головы Леонарда.

— А, да. Доброе утро, — сказал он. — У нас тут кое-какие проблемы… с зубами.

Позади Леонарда раздался такой звук, как будто кого-то тошнит.

— Что произошло? — зарычал Чудакулли.

— Ну, понимаете, это довольно забавно… У меня была мысль положить еду в тюбики, знаете, чтобы ее можно было выжать и аккуратно съесть в состоянии невесомости, а, эм, так как мы ничего не привязали, эм, я боюсь, что моя коробка с красками открылась и тюбики, эм, как бы перемешались, так что госпоин Ринсвинд подумал, что Лесной Зеленый это ветчина с капустой… э.

— Могу я поговорить с капитаном Моркоу?

— Боюсь, сейчас не подходящий момент, — сказал беспокойно Леонард.

— Почему? Он тоже захотел ветчины с капустой?

— Нет, ему попался Кадмиевый Желтый, — позади Леонарда раздался визг и несколько резких металлических звуков. — Но, несмотря на это, у этого есть и положительные стороны — могу доложить, что Туалет Мод. 2 кажется, работает отменно. Нырнув вниз Гловой, Змей снова повернулся к Краепаду. Теперь вода была похожа на огромное, падающее облако тумана.

Капитан Моркоу парил перед окном, щелкая иконографом.

— Это изумительно, — сказал он. — Я уверен, что мы найдем ответы на вопросы, над которыми тысячелетиями билось человечество.

— Отлично. Может, снимете эту сковороду с моей спины? — спросил Ринсвинд.

— Ум, — произнес Леонард.

Этот довольно трагичный звук заставил остальных посмотреть на него.

— Мы, кажется, эм, теряем запасы воздуха намного быстрее, чем я думал, — сказал гений. — Но я уверен, что корпус негерметичен не более, чем я рассчитывал. И, кажется, падаем мы быстрее, чем надо, согласно господину Тупсу. Ум… немного сложно собрать все воедино, конечно, из-за неопределенного эффекта магического поля Диска. Ум… нам лучше не снимать наши шлемы…

— Вокруг мира много воздуха, верно? — сказал Ринсвинд. — Мы что, не можем просто подлететь туда и открыть окно?

Леонард печально всмотрелся в туман, за которым была скрыта половина пути.

— Мы, эм, движемся очень быстро, — медленно сказал он. — И при таких скоростях воздух… воздух… с воздухом происходит… скажите, вы понимаете выражение «падающая звезда»?

— И что же оно, по-вашему, означает? — требо-

вательно спросил Ринсвинд.

— Ум… что нас ожидает чрезвычайно страшная смерть.

— А, это, — сказал Ринсвинд.

Леонард постучал по циферблату на одном из баллонов с воздухом.

— Я и подумать не мог, что в моих рассчетах может быть ошиб…

В кабине вспыхнул свет.

Змей поднялся через туманную дорожку.

Отряд уставился наружу.

— Нам никто никогда не поверит, — наконец произнес Моркоу. Он поднял иконограф, и даже бесенок внутри, хоть он и принадлежал к тем существам, которых мало чем можно удивить, тоненько пропищал: «Ух ты!», и принялся неистово рисовать.

— Я в это не верил, — сказал Ринсвинд, — а теперь я это вижу.

Из тумана поднималась необъятная каменная башня. И в дымке неясно вырисовывались контуры огромных, как миры, спин четырех слонов. Было такое чувство, как будто летаешь в соборе высотой тысячи миль.

— Это звучало как шутка, — пробормотал Ринсвинд, — слоны, на спинах которых лежит мир,

ха-ха… а теперь ты своими глазами видишь…

— Краски, где мои краски? — забурчал Леонард.

— Ну, некоторые — в туалете, — сказал Ринсвинд.

Моркоу обернулся, с выражением удивления на лице. Иконограф поплыл прочь, исторгая тоненькие ругательства.

— А мое яблоко? — спросил он.

— Что? — Ринсвинд растерялся.

— Я только начал кушать яблоко, и только положил его в воздух… и оно исчезло.

Корабль потрескивал в ослепительном солнечном свете.

По воздуху плавно плыл яблочный огрызок.

— Я думаю, на корабле нас всего трое? — невинно спросил Ринсвинд.

— Не глупи, — ответил Моркоу. — Мы же в полете!

— Так что… твое яблоко само себя съело?

Они посмотрели на груду перевязаных тесьмой пакетов.

— Можете прозвать меня Господин Подозрительный, — сказал Ринсвинд, — но если корабль тяжелее, чем рассчитал Леонард, и воздуха уходит больше, а еда пропадает…

— Ты же не хочешь сказать, что вокруг Края летает какое-то чудовище, способное проникнуть внутрь через деревянную обшивку? — Моркоу достал меч.

— Ах, я думал не про это, — сказал Ринсвинд. — Но неплохая идея.

— Как интересно, — сказал Леонард. — Это должно быть, нечто среднее между птицей и моллюском. Нечто, похожее на кальмара, возможно, использующее струи воды, чтобы…

— Спасибо, спасибо, да!

Моркоу вытащил связку шерстяных одеял и стал осматривать кабину.

— Мне показалось, там что-то шевелится, — сказал он. — Сразу за баллонами с воздухом…

Он поднырнул под связку лыж и исчез в тенях.

Они услышали, как он застонал.

— О, нет…

— Что? Что? — спросил Ринсвинд.

Голос Моркоу звучал приглушенно.

— Я нашел… это похоже на… шкурку…

— Ах, очаровательно, — Леонард спешно писал в своем блокноте. — Вероятно, у нас на борту ему было комфортно, и создание подверглось метаморфозам…

Появился Моркоу. На острие его меча болталась

шкурка от банана.

Ринсвинд вытаращил глаза.

— У меня совершенно четкое предчувствие, — сказал он.

— И у меня, — сказал Моркоу.

Через некоторое время они отодвинули коробку с полотенцами. Прятаться больше было негде.

Из самодельного гнездышка на них смотрело встревоженное лицо.

— Уук? — сказало оно.

Леонард вздохнул, отложил свой блокнот и открыл шкаф с вездескопом. Он пару раз постучал по нему, пока он не замерцал и не отобразил контуры головы.

Леонард глубоко вздохнул.

— Анк-Морпорк, у нас на борту орангутанг…

***

Коэн убрал меч в ножны.

— От тех, кто тут живет, многого не дождешься, — сказал он, обозревая поле битвы.

— А теперь-то и подавно, — сказал Калеб.

Последняя битва длилась не дольше, чем требуется чтобы моргнуть или сломать позвоночник. Каждое… создание, из тех, что поджидало Орду в засаде, испытало это на себе в самом конце своих

жизней.

— Здесь много сырой магии, — сказал Малыш Вилли. — Думаю, эти чудики приноровились тут жить. Рано или поздно приноравливаешься жить где угодно.

— Стукнутому Хэмишу определенно понравилось, — сказал Коэн. — Клянусь, он не такой глухой, каким притворяется.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ТЫ НЕ ТАКОЙ ГЛУХОЙ, КАКИМ ПРИТВОРЯЕШЬСЯ, ХЭМИШ!

— Зачем так орать-то?

— Как думаете, их есть можно? — спросил Малыш Вилли.

— Они, наверное, как цыплята на вкус, — сказал Калеб. — Все пойдет, если ты по-настоящему голоден.

— Оставьте это мне, — сказала госпожа МакГэри. — Разведите огонь, и я сделаю так, что по вкусу они будут больше похожи на цыплят, чем… сами цыплята.

Коэн пошел туда, где менестрель сидел и ковырялся в том, что осталось от лютни. Парню стало лучше, когда дорога пошла вверх, подумал Коэн. Он совершенно перестал ныть.

Коэн присел перед ним.

— Чем занимаешься, парень? — спросил он. — Гляжу, ты нашел черепушку.

— Это будет корпус, — сказал менестрель. На мгновение его лицо приняло беспокойное выражение. — Это же ничего страшного?

— Конечно. Считай, герою повезло, если из его костей сделают арфу или еще что-то типа. Звучать будет великолепно.

— Это будет что-то типа лиры, — сказал менестрель. — Правда, немного примитивное.

— Еще лучше. Прямо как для старых баллад, — ответил Коэн.

— Я тут подумал… о саге, — признался менестрель.

— Молодец, хороший парень. С множеством речей?

— Ну, да. Но я думаю, что начну с легенды о том, как Мазда украл огонь для человечества.

— Неплохо, — сказал Коэн.

— А потом дам пару версий того, что боги сделали с ним, — продолжил менестрель, натягивая струну.

— Сделали с ним? Сделали с ним? — переспросил Коэн. — Они сделали его бессмертным!

— Эм… да. С одной стороны, да.

— Что значит «с одной сторны», а?

— Это классическая мифология, Коэн, — сказал менестрель. — Я думал, это все знают. Он навеки прикован к скале, и каждый день прилетает орел, чтобы выклевать ему печень.

— Это правда?

— Так говорится в классической литературе.

— Я не очень люблю читать, — сказал Коэн. — Прикован к скале? За первое нарушение? Он все еще там?

— Ну, не думаю, что вечность закончилась, Коэн.

— Неслабая печенка у него должна быть!

— По легенде, она каждую ночь отрастает заново, — сказал менестрель.

— Надеюсь, с моими почками будет тоже самое, — сказал Коэн. Он посмотрел на скрытую за облаками вершину горы. — Он, значит, принес всем огонь, а боги так с ними поступили, да? Ну… мы разберемся и с этим.

***

Вездескоп показывал снежную бурю.

— Ну и погодка там, внизу, — сказал Чудакулли.

— Нет, это магические помехи, — отозвался Думминг. — Они проходят под слонами. Боюсь,

потом будет еще хуже.

— Они правда сказали «Анк-Морпорк, у нас на борту орангутанг»? — спросил Декан.

— Библиотекарь как-то пробрался на борт, — сказал Думминг. — Знаете, он же любит спать во всяких укромных уголках. Это и объясняет проблемы с весом и воздухом. Эм… Я должен сказать вам, что я не уверен, что им хватит времени или силы, чтобы вернуться на Диск.

— То есть как это вы не уверены? — спросил лорд Ветинари.

— Эм… В смысле, я уверен, но, эм, никому не нравится выслушивать все плохие новости за раз, сэр.

Лорд Ветинари смотрел на чары, возвышающиеся над кабиной. Она скользила в воздухе: мир, очерченый пылающими линиями, и, падающая с одного сверкающего края тонкая изогнутая линия. Пока он смотрел на нее, она несколько удлиннилась.

— Они не могут повернуть назад? — спросил он.

— Нет, сэр. Это совсем не то, что обычно.

— Пускай тогда просто выкинут Библиотекаря вон.

Волшебники были в шоке.

— Что вы, сэр, — сказал Думминг. — Это же убийство, сэр.

— Да, но они могут спасти мир. Одно человекообразное погибает, один мир выживает. You do not need to be a rocket wizard to work that out, surely?

— Но вы не можете предложить им такое решение, сэр!

— Правда? Я принимаю такие решения каждый день, — сказал лорд Ветинари. — О, очень хорошо. Чего им не достает?

— Воздуха и драконьей тяги, сэр.

— Если они расчленят орангутана и скормят драконам, разве это не убьет двух зайцев одним выстрелом?

Внезапное похолодание показало Ветинари, что он снова не добился взаимопонимания с публикой. Он вздохнул.

— Им нужен огонь, извергаемый драконами, чтобы…

— Чтобы, двигаясь по кругу, вернуться на Диск, сэр. Они включают драконов в определенное время.

Ветинари еще раз посмотрел на волшебный макет.

— А сейчас…?

— Я не уверен, сэр. Они могут упасть на Диск, или могут вылететь прямо в бескрайний космос.

— Еще им нужен воздух…

— Да, сэр.

Рука Ветинари двинулась через контуры мира и ткнула указательным пальцем в точку.

— Здесь есть хоть сколько-нибудь воздуха? — спросил он.

***

— Эта жрачка, — сказал Коэн, — геройская. По другому и не скажешь.

— Точно, госпожа МакГэри, — сказал Злобный Гарри. — Даже у крысы вкус хуже.

— Точно, щупальца совсем не портят его, — сказал Калеб с энтузиазмом.

Они сидели с смотрели по сторонам. То, что раньше было миром внизу, теперь стало миром впереди, возвышающимся, как бесконечная стена.

— Это Острова Девственниц, — сказал менестрель. — Они так называются, потому что их так много.

— Или потому, что их сложно найти, — сказал, рыгнув, Маздам Дикий. — Хы, хы, хы.

— Отсюда звезды видать, — сказал Стукнутый

Хэмиш. — Хоть сейчас и день.

Коэн ухмыльнулся. Обычно Стукнутый Хэмиш ничего не говорит добровольно.

— Говорят, что каждая из них — это мир, — сказал Злобный Гарри.

— Ага, — сказал Коэн. — Сколько, бард?

— Не знаю. Тысячи. Миллионы, — ответил менестрель.

— Миллионы миров, а у нас… что? Сколько тебе лет, Хэмиш?

— Чиво? Я родился, когда старый тан умер, — сказал Хэмиш.

— Когда это было? Какой именно старый тан? — терпеливо спросил Коэн.

— Чиво? Я те что, школьник? Я че, обязан помнить всякий бред?

— Сотня лет, наверное, — сказал Коэн. — Одна сотня лет. А там миллионы миров, — он затянулся сигаретой и потер пальцем лоб. — Это больше, — он кивнул менестрелю. — Что там твой Каролинус сделал, после того, как утер сопли?

— Слушайте, не надо так говорить о нем, — с жаром сказал менестрель. — Он создал гигантскую империю… действительно, очень большую. И он во многом был похож на вас. Вы не слыхали о Цортском Узле?

— Фу, как пошло, — сказал Маздам. — Хы, хы, хы… простите.

Менестрель вздохнул.

— Огромный, запутанный узел, в который были связаны две балки, он располагался в Цортском Храме Оффлера, и говорили, что тот, кто распутает его, будет править на всем континенте, — сказал он.

— Да, узелки иногда бывают такими мудреными, — подала голос госпожа МакГэри.

— Каролинус разрубил его пополам мечом! — сказал менестрель. Но такой разоблачающий жест не вызвал ожидаемой бури аплодисментов.

— То есть он просто сплутовал, как и когда развесил сопли? — спросил Малыш Вилли.

— Нет, это было драматическое, нет, даже зловещее действие! — огрызнулся менестрель.

— Ага, да, но он же не распутал его? В смысле, ведь было сказано, что его надо распутать. Не понимаю, почему он…

— Не, не, пацан дело говорит, — сказал Коэн, который, казалось, обмозговал историю. — Это не плутовство, потому что история неплохая. Ага. До меня дошло, — хихикнул он. — Я даже представил. Куча побледневших жрецов, стоят вокруг и думают «он же плут, но у него такой большой

меч, еще и чертовски большая армия снаружи, так что, пожалуй, я об этом не буду говорить». Ха. Точняк. Хмм. А что он потом сделал?

— Покорил почти весь мир.

— Молодца. А потом?

— Он… эм…пошел домой, царствовал несколько лет, а потом, когда он умер, его сыновья повздорили, разгорелось несколько войн… и империи пришел конец.

— Да, с детьми всегда неприятности, — сказал Вена, не поднимая головы от вышивания незабудок вокруг надписи ПОДЖИГАЙ ДОМА.

— Некоторые люди говорят, что дети — продолжение тебя самого, — сказал менестрель.

— Да ну? — спросил Коэн. — Ну, если назвать их в честь своего пра-прадедушки.

— Ну… как бы…

— Видишь? Ну вот у меня куча детей, — сказал Коэн. — Большинство из них я и не видел… ну, вы понимаете. Но у них прекрасные, сильные матери, и я чертовски надеюсь, что они живут сами собой, а не мною. Неплохо они постарались для твоего Каролинуса, развалив его империю.

— Но историки расскажут вам намного больше… — начал менестрель.

— Ха! — сказал Коэн. — Только простые люди

помнят такие штуки. Это все песни и сказки. Не в том дело, как ты жил и как умер, дело в том, как об этом будут рассказывать барды.

Менестрель не выдержал их взглядов, уставившихся на него.

— Эм… Я стараюсь все записывать, — сказал он.

***

— Уук, — оправдывался Библиотекарь.

— Он говорит, что потом что-то упало ему на голову, — переводил Ринсвинд. — Должно быть, это произошло, когда мы спикировали.

— Может, можно выбросить что-нибудь за борт, чтобы уменьшить вес корабля? — спросил Моркоу. — Все равно большая часть нам не пригодится.

— Увы, нет, — ответил Леонард. — Если мы откроем дверь, то потеряем весь воздух.

— Но у нас есть дыхательные шлемы, — заметил Ринсвинд.

— Три шлема, — ответил Леонард.

Вездескоп издал треск. Они не обратили на него внимания. Змей все еще проходил под слонами, и осколок в основном показывал магический снег.

Но Ринсвинд поднял взгляд и увидел, как некто

в буре держит карточку, на которой большими буквами написано: БУДЬТЕ ГОТОВЫ.

***

Думминг покачал головой.

— Спасибо, аркканцлер, но я слишком занят, для того, чтобы вы мне помогали, — сказал он.

— И что, это сработает?

— Должно, сэр. Шанс один на миллион.

— Значит, не стоит волноваться. Шанс один на миллион всегда срабатывает, все это знают.

— Да, сэр. Так что все, что требуется от меня, это разобраться, есть ли вне корабля достаточно воздуха для того, чтобы Леонард мог править машиной, или сколько требуется извергающих пламя драконов и на какой срок, и хватит ли мощности, чтобы снова их использовать. Думаю, что они движутся со скоростью, близкой к нужной, но я не знаю, сколько пламени драконы уже использовали, не знаю, на какую поверхность им придется приземляться и что их там встретит. Я могу приспособить пару заклинаний, но они никогда не использовались для таких целей.

— Молодец, — сказал Чудакулли.

— Мы можем помочь чем-нибудь? — спросил Декан.

Думминг обреченно посмотрел на прочих волшебников. Как бы лорд Ветинари поступил на его месте?

— Чтож, можете, — радостно произнес он. — Например, не будет ли вы так добры найти где-нибудь каюту, сесть там и составить список возможных решений проблемы? А я просто посижу здесь и поиграюсь с кое-какими мыслишками?

— Приятно видеть, — сказал Декан, — что молодежь мыслит достаточно здраво, чтобы попросить помощи у старших.

Лорд Ветинари слабо улыбнулся Думмингу, когда волшебники ушли.

Во внезапной тишине Думминг… задумался. Он разглядывал модель мира, обошел ее, увеличил изображение, вгляделся в него, сосредоточено изучил сделанные им заметки о драконьей тяге, посмотрел на модель Змея, и довольно долго просидел, глядя в потолок.

Такой метод работы для волшебников был совсем не типичным. Волшебник четко выясняет желаемое и создает заклинание. Он не утруждает себя созерцанием вселенной; всякие камни, деревья и облака не обладают знаниями, которые могли бы передать ему. На них даже не написано

ничего, в конце концов.

Думминг посмотрел на нацарапаные его рукой цифры. Расчеты — это как балансирование пера на мыльном пузыре.

И он догадался.

На Змее царила рабочая обстановка. Это значит, что люди, которые ничего не понимают, собираются вместе и объединяют свое невежество.

— Может, мы сможем задерживать дыхание часть времени? — спросил Моркоу.

— Нет. Дыхание, к сожалению, работает по-другому.

— Может, тогда перестанем разговаривать? — спросил Ринсвинд.

— Уук, — сказал Библиотекарь, указывая на нечеткое изображение на экране вездескопа.

Кто-то держал другую табличку. Громадные буквы складывались в слова:

ДЕЛАЙТЕ ВОТ ЧТО.

Леонард схватил карандаш и начал строчить в уголке рисунка, изображающего машину для подрыва городских стен.

Через пять минут он положил карандаш.

— Удивительно, — сказал он. — Он хочет, чтобы Змей двигался в другом направлении и быстрее.

— Куда?

— Он не говорит. Но… а, да. Он хочет, чтобы мы летели прямо к солнцу.

Леонард весело улыбнулся. На него уставились три пустых взгляда.

— Значит, потребуется применить одного или двух отдельных драконов, чтобы развернуться, а затем…

— Солнце, — сказал Ринсвинд.

— Горячее, — сказал Моркоу.

— Точно, и я уверен, нам это придется по душе, — сказал Леонард, раскатывая схему Змея.

— Уук!

— Простите?

— Он сказал: «А этот корабль сделан из дерева!», — перевел Ринсвинд.

— И все это одним слогом?

— Он очень немногословен! Слушайте, Тупс ошибся. I wouldn't trust a wizard to give me directions to the other side of a very small room!"— Мне показалось, что у него очень светлая голова, — сказал Моркоу.

— У тебя тоже станет очень светлая голова, когда ты в этой штуковине врежешься в солнце! — сказал Ринсвинд. — Прямо добела раскаленная.

— Мы можем управлять Змеем, если будем осторожны в обращении с зеркалами левого

и правого бортов, — задумчиво произнес Леонард. — Конечно, есть вероятность ощибки и это будет довольно тяжело…

— А, кажется, я понял смысл, — сказал Леонард. Он повернулся к маленьким песочным часам. — Сейчас, все драконы на две минуты…

— Я ддуммаю, он поттом нам расскажжет, чтто случиллось? — прокричал Моркоу, когда все заскрипело и зазвенело.

— Зза гсспдинном Тупссом ддве ттыссчи лет унниверрситеттскогго оппыта! — заорал Леонард, перекрикивая грохот.

— И ссколлько изз них прредполлагаютт уппправлленние корраббламми нна дрракконньей тяггге? — провопил Ринскинд.

Леонард оперся на дугу самодельного аппарата гравитации и посмотрел на песочные часики.

— Ггдде-тто ссттто ссеккунддд!

— Аааа, тто ессть этто почччтти ттрадицция!

Постепенно драконы перестали извергать пламя. Вещи снова воспарили в воздухе.

А еще было солнце. Но не круглое. Кто-то отрезал его края.

— Ах, — сказал Леонард. — Какой умный ход. Джентльмены, смотрите, луна!

— То есть мы врежемся в луну? — спросил Мор-

коу. — Чем это лучше?

— Согласен, — произнес Ринсвинд.

— Уук!

— Я и не думал, что мы разовьем такую скорость, — сказал Леонард. — Мы всего лишь догнали их. Думаю, господитн Тупс имел в виду, что мы должны приземлиться.

Он сжал пальцы.

— Я уверен, что там есть хоть сколько-нибудь воздуха, — продолжал он. — И это подразумевает, что там есть что-то, чем можно покормить драконичков. А затем, и это очень мудрое решение, мы прокатимся на луне, пока она не взойдет над Диском, и все, что нам будет надо, так это легонько спуститься вниз.

Он пнул ногой механизм развертывания крыльев. Кабина затрещала от вертящихся маховых колес. Змей начал расправлять крылья.

— Вопросы есть? — спросил он.

— Я пытаюсь подумать о всяких возможных неувязках, — сказал Моркоу.

— Я уже насчитал девять, — сказал Ринсвинд, — и это не вдаваясь в детали.

Луна росла, темная сфера, затмевавшая свет далекого солнца.

— Как я понял, — сказал Леонард, глядя, как она

неотвратимо приближается, — луна, которая намного меньше и легче Диска, может притягивать только очень легие предметы, такие, как воздух. Тяжелые предметы, такие, как Змей, с трудом смогут удержаться на ее поверхности.

— То есть…? — спросил Моркоу.

— Эм… мы соскользнем вниз, — сказал Леонард. — Но прикрепиться к чему-либо было хорошей идеей…

Они приземлялись. И это маленькое предложение подразумевает так много случайностей…

***

На корабле стояла тишина, если не считать плеска волн и назойливого ворчания Думминга Тупса, пытающегося настроить вездескоп.

— Вопли… — прошептал через некоторе время Наверн Чудакулли.

— Но потом они завопили еще раз, через несколько секунд, — сказал лорд Ветинари.

— А потом еще через несколько секунд, — добавил Декан.

— А я думал, что вездескоп может видеть все, — произнес патриций, глядя на вспотевшего Думминга.

— Его кусочки как бы, эм, не очень надежны,

когда они так далеко друг от друга, сэр, — сказал думминг. — Эх… А тут еще две тысячи миль да еще слоны… ах…

Вездескоп замерцал, но изображение быстро пропало.

— Этот Ринсвинд хороший волшебник, — сказал Профессор Беспредметных Высказываний. — Но особенно умен, но, знаете, мне никогда не нравились умники. Они переоценивают свои возможности, по моему.

Глаза думмина налились кровью.

— Может, стоит повесить где-нибудь в Университете табличку с его именем, — сказал Чудакулли. — Такую, поскромнее.

— Джентльмены, вы не забыли? — спросил лорд Ветинари. — Скоро может не быть Университета.

— А. Ну, значит, сэкономим.

— Алло? Алло? Есть кто?

В везедескопе показалось лицо, хоть и не четкое, но вполне узнаваемое.

— Капитан Моркоу? — зарычал Чудакулли. — Как вы починили эту хреновину?

— Я просто встал с нее, сэр.

— Вы в порядке? Мы слышали вопли! — признес Думминг.

— Это было, когда мы одарились о землю, сэр.

— Но вы кричали еще раз!

— Это, наверное, когда мы ударились о землю второй раз, сэр.

— А третий раз?

— Все то же, сэр. Можно сказать, что мы приземлялись… методом проб и ошибок.

— Где вы? — лорд Ветинари наклонился вперед.

— Тут, сэр. На луне. Господин Тупс был прав. Здесь есть воздух. Несколько разряжен, но вполне сгодится для дыхания.

— Как-как, господин Тупс оказался прав? — переспросил Чудакулли, сверля Думминга взглядом. — И как же это вы так хорошо сработали, господин Тупс?

— Я, эм… — Думминг почувствовал, что на него все смотрят. — Я… — он замолчал. — Удачная догадка, сэр.

Волшебники расслабились. Им не по душе приходилась одаренность, но удачные догадки — на них вся магия и держится.

— Молодец, парень, — кивнул Чудакулли, — И вытри лоб, господин Тупс, он тебя здорово выручил.

— Я позволил себе вольность попросить Ринс-

винда сделать картинку того, как я устанавливаю флаг Анк-Морпорка и заявляю права на луну от имени всех наций Диска, ваша светлость, — продолжил Моркоу.

— Очень… патриотично, — сказал лорд Ветинари. — Я им всем скажу.

— Однако я не могу показать вам это через вездескоп, потому что вскоре после этого что-то съело флаг. Тут все совсем не такое, как мы ожидали, сэр. Определенно, это были драконы. Ринсвинд это заметил. Но они напоминали болотных дракончиков так же, как борзая напоминает таких маленьких необычных собачек, которые все время тявкают и носят клички, перегруженые «з» и «кс».

У них были гладкие, лоснящиеся тела, конечности длиннее, чем у болотных собратьев, и они были такого серебряного цвета, что казались лунным светом, обретшим форму.

И… они извергали пламя. Но оно было не тем, которое Ринсвинд до сих пор ассоциировал с драконьим.

Странность заключалась в том, что, как сказал Леонард, стоит вам перестать смеяться над самой идеей, как она тут же приобретает смысл. Для летающего создания очень глупо иметь оружие,

которое stopped it dead in midair, for example.

Драконы всевозможных размеров окружили Змея, рассматривая его с оленьей любознательностью. Иногда один или два попадали в воздушное пространство и издавали рев, но прочие приземлялись. Они разглядывали экипаж Змея с таким видом, словно ожидали, что они начнут показывать фокусы или сделают важное объявление.

Здесь была и зелень, правда, серебряного цвета. Лунная растительность покрывала большую часть поверхности. Своим третьим прыжком и долгим торможением Змей оставил в ней ощутимый след. Листья были…

— Успокойся, слышишь? — внимание Ринсвинда было обращено на вырывающегося Библиотекаря; когда бинтуешь голову орангутану, саме главное — вовремя остановиться. — Ты сам виноват, — сказал он. — Я предупреждал. Маленькими шажками, я сказал. А не огромными скачками.

Моркоу и Леонард скакали вокруг Змея.

— Едва ли он поврежден, — сказал изобретатель, спустившись вниз. — В целом корабль пережил катастрофу на удивление хорошо. И мы медленно поднимаемся вверх. С учетом… этой легкости, нам должно быть довольно легко сняться прочь, только есть одна маленькая про-

блемка… Кыш, кыш!

Он замахал на маленького серебряного дракончика, который фыркнул на Змея, выдав вертикальную полоску голубого пламени.

— Нам нечем накормить этих дракочиков, — сказал Ринсвинд. — Я уже посмотрел. Топливный отсек раскрылся, когда мы приземлились в первый раз.

— Может, накормить их этими серебряными растениями? — предложил Моркоу. — Здешних, кажется, они устраивают.

— Разве они не великолепны? — сказал Леонард, глядя на пролетавшую над его головой стайку.

Они проследили за полетом взглядом, а затем уставились на представший вид. Наверное, нет границ тому, как часто можно изумляться знакомому виду.

Луна восходила над миром, и головы слонов заполнили полнеба.

Они были… просто большими. Слишком большими, чтобы их можно было описать.

В полном молчании четверо путешественников взобрались на маленький холм, чтобы разглядеть все лучше, и в тишине стояли некоторое время. Темные глаза размером с океан

смотрели на них. Гигантские серпы из слоновой кости затмили звезды.

Тишину нарушал только свист и шелчки, с которыми бесенок в иконографе рисовал картинку за картинкой.

Космос не был большим. Его тут не было. Он был ничем, и следовательно, как думал Ринсвинд, нечего его и покорять. Но мир был велик, и слоны огромны.

— Чей же он? — через некоторое время спросил Леонард.

— Не знаю, — ответил Моркоу. — Знаете, раньше я в это не верил. Ну… про черепаху, и слонов, и все такое. А когда я это увидел, то почувствовал, что очень… очень…

— В панике? — предложил Ринсвинд.

— Нет.

— Расстроен?

— Нет.

— Слегка напуган?

— Нет.

За Краем показались континенты, скрытые круговоротами белых облаков.

— Знаете… отсюда, сверху… совсем незаметны границы между народами, — с тоской сказал Моркоу.

— Это плохо? — спросил Леонард. — Думаю, это вполне поправимо.

— Например, огромные, прямо таки гигантские строения вдоль границ, — предложил Ринсвинд, — или… или очень широкие дороги. Их можно покрасить в разные цвета, чтобы не было путаницы.

— Может, воздушные путешествия получат большое распространение, — сказал Леонард, — и тогда полезной будет идеявыраститль лесные массивы в форме названия страны, или еще какие-нибудь опознавательные знаки придумать. Я подумаю над этим.

— Я вовсе не имел в виду… — начал Моркоу. Но он замолчал и просто вздохнул.

Они продолжали смотреть, неспособные оторваться от панорамы. Крохотные искорки в небе показывали, что множество драконьих стай скользят между луной и миром.

— Мы их никогда больше не увидим, — сказал Ринсвинд.

— Я думаю, что эни несчастные создания, болотные дракочики, являются их потомками, — сказал Леонард. — Адаптировавшиеся к плотному воздуху.

— Интересно, что еще живет там, внизу, о чем

мы и понятия не имеем? — спросил Моркоу.

— Ну, например, невидимые кальмароподобные создания, которые высосали везь воздух из… — начал Рисвинд, но для сарказма был неподходящий момент. Перед вселенной все блекло. Под взглядом гигантских черных и серьезных глаз в небе все меркнет.

Тем более, уже был… перебор. Перебор всего. Он никогда не видел за один раз столько вселенной. Казалось, не может быть ничего больше, чем голубой диск мира, медленно предстающий перед ними в лунном свете.

— Все такое большое, — сказал Ринсвинд.

— Да.

— Уук.

Им не оставалось ничего, кроме как ждать полного восхода луны. Или Диска, кому как.

Моркоу осторожно вытащил крохотного дракончика из кружки с кофе.

— Эти малыши всюду забрались, — сказал он. — Прямо как котята. Но взрослые держатся на отдалении и следят за нами.

— Прямо как коты, — сказал Ринсвинд. Он приподнял шляпу и вытащил из волос маленького серебряного дракончика.

— Что будет, если мы возьмем несколько с

собой?

— Мы их всем возьмем с собой, если не будем внимтельны!

— Они похожи на Эррола, — сказал Моркоу. — Слышали про этого дракончика, который был талисманом у нас, в Страже? Он спас город, применив, эм, огонь противоположным образом. Мы все думали, что он был вроде нового вида драконов, — добавил Моркоу, — но сейчас кажется, что он был не до конца развит. Леонард все еще снаружи?

Они выглянули наружу. Леонард решил происовать полчасика. На его плече пристроился маленький дракочик.

— Он сказал, что никогда не видел такого освещения, — сказал Ринвинд. — Он сказал. Что должен зарисовать это. По-моему, он неплохо справляется в таких-то обстоятельствах.

— В каких обстоятельствах?

— В таких, что два тюбика, которыми он пользуется, содержат томатную пасту и кремовый сыр.

— Ты ему сказал?

— Не рискнул. Он был в таком восторге.

— Пойдем, лучше покормим драконов, — сказал Моркоу, отставив чашку.

— Давай. Только пожалуйста, отлепи от меня

эту сковородку, ладно? Через полчаса после этого вспышка вездескопа осветила каюту Думминга.

***

— Мы покормили драконов, — сказал Моркоу. — Эти растения… странные. Кажется, словно они сделаны из какого-то зеркального металла. Леонард разработал впечатляющую теорию о том, что они поглощают солнечный свет в течение дня, а потом ночью светятся, и таким образом получается лунный свет. Дракончикам они очень понравились. Но так или иначе, нам вскоре предстоит отправляться. Я собрал несколько камней.

— Я уверен, они очень пригодятся, — сказал лорд Ветинари.

— В действительности, сэр, они будут очень дорогостоящими, — прошептал Думминг Тупс.

— Правда? — спросил патриций.

— О, да! Они могут оказаться совершенно не такими, как камни Диска!

— А если они окажутся точно такими же?

— О, это будет даже интереснее, сэр!

Лорд Ветинари ничего не ответил. Он мог иметь дело с людьми различного склада ума, но тот, который принадлежал Думмингу Тупсу, был таким, he had yet to find the handles on. It was best to nod

and smile and give it the bits of machinery it seemed to think were so important, lest it run amok.

— Неплохо, — сказал он, — Ах, да, конечно… и эти камни могут содержать ценные руды, или, возможно, даже бриллианты?

Думминг пожал плечами.

— Не могу знать, сэр. Но они многое могут нам рассказать об истории луны.

— Истории? — нахмурил брови Ветинари. — Но там же никого не жи… В смысле, да. Отлично. Скажите, у вас есть все необходимые механизмы?

***

Болотные дракончики жевали лунные листья. Они были металлическими, с зеркальной поверхностью, и по ним пробегали голубые и зеленые искорки, когда драконьи зубы вонзались в них. Путешественники подвесили их перед клетками.

К сожалению, единственным, кто заметил, что лунные драконы едят далеко не все листья, был Леонард, но он был слишком увлечен рисованием.

Болотные дракончики, с другой стороны, были привычны есть что попало в бедном на энергию окружающем их мире.

Stomachs used to transmuting the equivalent of stale cakes into usable flame took delivery of dialectric surfaces chock-full of almost pure energy. It was the food of the gods

It was only going to be a matter of time before one of them burped.

Диск был… он был проблемой, для Ринсвинда, по крайней мере. Теперь он проплывал под ними. По крайней мере, так казалось. Он никак не мог прийти в себя от того ужасного ощущения, что раз Змей — воздушный корабль, то но просто упадет на те далекие, лохманые облака.

Леонард готовился к отбытию, а Библиотекарь помогал Ринсвинду раскрыть при помощи рычагов крыло на их стороне.

— Ну, я, конечно, понимаю, что у нас есть крылья и все такое, — сказал Ринсвинд. — Но просто мне как-то не по себе в пространстве, где единственная дорога лежит вниз.

— Уук.

— И что я им скажу? «Пожалуйста, не надо взрывать мир»? Для меня это вполне убедительный аргумент. Я бы прислушался. Да мне вообще не нравится идея отправиться так близко к богам. Мы для них — просто куклы, знаешь, — и они не понимают, как легко оторвать руки и ноги,

подумал он про себя.

— Уук?

— Прости? Ты правда это сказал?

— Уук.

— Там будет… обезьяний бог?

— Уук?

— Нет, нет, хорошо, хорошо. Он не из местных, да?

— Иик.

— А, Противовесный Континент. Ну, они верят, что почти все на свете… — он выглянул из окна и содрогнулся. — Прямо под нами.

С глухим стуком храповик встал на место.

— Благодарю, джентльмены, — сказал Леонард. — Теперь пожалуйста займите свои места и мы…

Взрыв качнул Змея так, что Ринсвинд не удержался на ногах.

— Как необычно, один из дракочиков, кажется, начал извергать пламя немного ранова…

***

— Узрите! — Коэн принял позу.

Серебряная Орда огляделась.

— Чего? — спросил Злобный Гарри.

— Узрите оплот богов! — сказал Коэн, снова

принимая позу.

— Да, точняк, вижу, — отозвался Калеб. — У тебя спину прихватило что ли?

— Ты записал, что я сказал «Узрите»? — спросил Коэн у менестреля. — Ты ж ничего не записываешь.

— Может, ты сказал…

— …молвил…

— прости, молвил «Узрите ж божий храм», ты не против? — спросил менестрель. — Это лучше ложится в слог.

— Ха, как в старые добрые времена, — сказал Маздам. — Помнишь, Хэмиш? Мы с тобой нанялись к Герцогу Леофрику Законнорожденому, когда он вторгся в Нольфьорд?

— Айе, помню.

— Битва шла пять проклятых дней, — сказал Маздам, — и все потому, что герцогиня ткала гобелен в память о ней. Мы бились снова и снова, и знаете, как тяжело было замирать, когда она меняла иглы? На поле битвы нет места показухе, я всегда говорил.

— Айе, я помню, ты еще делал пошлые знаки дамочкам! — захихикал Хэмиш. — Я видел этот старый гобелен в замке Розанты много лет спустя, и я точно говорю, это был ты!

— Может, просто пойдем дальше? — спросила Вена.

— Да все не так просто, ты пойми, — сказал Коэн. — Нельзя просто пойти и сделать. Надо, чтобы потомки тебя помнили.

— Хы, хы, хы, — засмеялся Маздам.

— Шутки в сторону, — сказал Коэн. — Расскажи мне о героях, о которых не сложили песен и саг. Расскажи.

— Э? Что это за герои, раз о них нет песен и саг?

— Вот видишь!

— И какой у нас план? — спросил Злобный Гарри, глядя на мерцающий свет за городом богов.

— План? — переспросил Коэн. — Я думал, ты знаешь. Мы прокрадываеся вовнутрь, подрываем детонатор и драпаем со всех ног.

— Да, но как ты планируешь это сделать? — спросил Злобный Гарри. Он вздохнул, увидев их лица. — Вы не знаете, да? — устало сказал он. — Вы думаете, что сделаете это все сходу, раз и все? Герои не сторят планов. Планы — это наша привелегия, Темных Властелинов. Ребята, это же обитель богов! Думаете, они не заметили, что по округе шатается шайка людей?

— Мы вообще-то рассчитывали на величествен-

ную гибель, — сказал Коэн.

— Верно. После этого. О господи. Слушайте, меня выгонят из тайного общества злобных психов, если я позвою вам пойти туда mob-handed, — Злобный Гарри потряс головой. — там же сотни богов! Это все знают. И все время появляются новые! Ну? Разве план не очевиден? Эй, кто-нибудь?

Маздам поднял руку.

— Мы врываемся вовнутрь? — спросил он.

— Да, конечно, мы же все тут крутые герои, точно. — ответил Злобный Гарри. — Нет. Я имел в виду совсем не это. Парни, вам страшно повезло, что вы встретили меня…

***

Свет на луне заметил Профессор Беспредметных Высказываний. Он как раз курил, облокотившись на перила.

Он не был особенно честолюбив и в основном все старания напралял на то, чтобы держаться подальше от неприятностей и делать как можно меньше. Беспредметные Высказывания тем и хороши, что никто не может сказать, о чем они. И поэтому у Профессора было много свободного времени.

Он смотрел на тусклый призрак луны, а затем пошел искать аркканцлера, который рыбачил.

— Наверн, луна такой и должна быть? — спросил он. Чудакулли поднял глаза.

— О боги! Тупс! Куда он запропастился?

Думминга нашли на койке, спящего одетым. По лестнице он спускался в полусооном состоянии, но проснулся сразу, как только глянул на небо.

— Так и должно быть? — требовательно спросил Чудакулли, указывая на луну.

— Нет, сэр! Конечно же нет!

— Определенно, это проблема, да? — с надеждой спросил Профессор.

— Конечно да! Где вездескоп? Кто-нибудь говорил с ними?

— А, ну, это не в моих обязанностях, — сказал Профессор Беспредметных Высказываний, отступая. — Простите. Зовите, если что. Вы, наверное, очень заняты. Простите.

***

Теперь пламя извергали все драконы. Ринсвинду показалось, что его глаза прилипли к затылку.

На следующем кресле был потерявший сознание Леонард. Моркоу, кажется, растянулся на

обломках, протаранивших противоположную стену кабинки.

Судя по зловещему скрипу и запаху, орангутан держался за спинку кресла Ринсвинда.

О, и когда он сумел-таки повернуть голову к окну, то увидел стаю дракончиков в огне. Это не удивляло — пламя, извергаемое драконами, было практически совершенно белым.

Леонард упоминал о каком-то рычаге… Ринсвинд смотрел на рукояти через кровавый туман. «Если мы потеряем всех драконов, говорил Леонард, мы…» Что? Какой именно рычаг?

На самом деле в такие моменты выбор очевиден.

Ринсвинд, чье зрение было затуманено, чьи уши наполнили стенания корабля, нажал на тот, до которого смог дотянуться.

***

Я не могу вставить это в сагу, подумал менестрель. Никто никогда в это не поверит. То есть они не захотят в это верить.

— Доверьтесь мне, лады? — Злобный Гарри испытующе оглядывал Орду. — Я хочу сказать, что, да, я конечно, ненадежен, но это уже вопрос гордости, поймите. Доверьтесь мне. Это срабо-

тает. Я могу поручиться, что даже боги не знают всех богов, понимаете?

— Я себя чувствую последним уродом с этими крыльями, — пожаловался Калеб.

— Госпожа МакГэри прекрасно поработала над ними, так что не ной, — огрызнулся Злобный Гарри. — Ты замечательный Бог Любви. Правда, какой именно любви, не скажу… А ты…?

— Рыбий Бог, Гарри, — ответил Коэн, который налепил на кожу чешуйки и сделал рыбоголовый шлем из своего ныне покойного врага.

Злобный Гарри попробовал перевести дыхание.

— Здорово, круто, очень древний рыбий бог, да. А ты, Маздам, кто?

— Бог чертовых Матершинников, — сказал жестко Маздам Дикий.

— Эм, это может сработать, — сказал менестрель, увидев, как нахмурился Гарри. — В конце концов, есть же Музы песен и танцев, и даже есть Муза эротической поэзии…

— О, это мне подходит, — уступил Маздам. — Юная щеботанская леди, Твои обьятья были как…

— Ладно, ладно. Ты, Хэмиш?

— Бог Фигни, — сказал Хэмиш.

— Какой фигни?

Хэмиш пожал плечами. Он не дожил бы до этого времени, будь у него излишне живое воображение.

— Ну… всякой разной, — сказал он. — Че-нить типа потеряных вещей. Того, что вокруг валяцца.

Серебряная орда повернулась к менестрелю, который немного подумал и кивнул.

— Может сработать, — сказал он наконец.

Злобный Гарри повернулся к Малышу Вилли.

— Вилли, зачем у тебя на голове помидоры, а в ушах морковка?

— Вам понравится, — ухмыльнулся Малыш Вилли. — Я Бог Блюющих.

— Уже было, — сказал менестрель, опередив Гарри. — Рвотия. Богиня Анк-Морпорка, тысячи лет назад. «Принести жертву Рвотии» значит…

— Так что лучше подумай еще, — проворчал Коэн.

— О? А кем будешь ты, Гарри? — спросил Вилли.

— Я? Эм… Я буду Темным Богом, — сказал Злобный Гарри. — Их вокруг так много…

— Эй, ты не говорил, что можно выбирать демонов, — сказал Калеб. — Если бы я знал, что

можно быть демоном, черта с два я бы нарядился тупорылым ангелочком.

— Но если бы я это сказал, вы бы все захотели стать демонами, — парировал Гарри. — И мы бы часами спорили. Тем более, другие боги почуяли бы обман, если бы шайка темных богов поднялась бы к ним.

— А госпожа МакГэри ничего не придумала, — сказал Маздам.

— Ну, я думаю, если Злобный Гарри одолжит мне свой шлем, то я сойду за девицу-валькирию, — сказал Вена.

— Хорошая идея, — сказал Злобный Гарри. — Поищи по окресностям, тут их много валяется.

— Но свой шлем Гарри совершенно не нужен, потому что с минуты на минуту у него заболит нога, спина или еще что, он извинится и скажет, что не может идти с нами, — доверчиво сообщил Коэн. — Потому что он предал нас. Правда, Гарри?

***

Игра становилась все более захватывающей. Теперь за ней наблюдали большинство богов. Боги наслаждались хорошими шутками, хотя у них было довольно грубое чувство юмора.

Слепой Ио, старейший глава богов, сказал:

— Надеюсь, они не причинят нам вреда?

— Нет, — ответил Рок, тряся стаканчик с костями. — Если бы они были достаточно умны, то не были бы героями.

По доске со стуком покатилась игральная кость, затем закрутилась в воздухе, все быстрее и быстрее. Наконец она исчезла в белой дымке.

— Кому-то выпала неопределенность, — сказал Рок. Он посмотрел на сидящих за столом. — О… моя Госпожа…

— Мой господин, — сказала Госпожа. Ее имя не произносилось, хотя все его знали; если ее имя произносили вслух, она немедленно уходила. Несмотря на то, что почитающих ее культов было немного, она была одним из сильнейших богов на Диске, потому что глубоко в сердце каждый надеется и верит, что она существует.

— Будешь ходить, дорогая? — спросил Ио.

— Я уже походила, — ответила Госпожа. — Но я кинула кости там, где вы не можете их видеть.

— Хорошо, я люблю, когда мне кидают вызов, — сказал Ио. — В таком случае…

— Могу я отвлечь вас, сэр? — вкрадчиво спросил Рок.

— Да?

— Ну, они хотят, чтобы с ними обходились, как с богами, — сказал Рок. — Я предлагаю так и поступить…

— Ты хочеш шкашать, штобы мы вошприняли их вшерьеш? — спросил Оффлер.

— Только до определенного момента.

— До какого момента? — спросила Госпожа.

— До того, мадам, когда это перестанет быть забавой.

***

Вельд Гуандаланда населяет народ Н’тиутиф, единственное племя в мире, начисто лишенное воображения. Например, про гром они рассказывают так: «Гром — зто сильный шум в небе, возникающий в результате повреждения воздушной массы проходящим через них светом». А их легенда «Почему У Жирафа Длинная Шея» гласит: «В древности предки Старины Жирафа имели шею чуть длиннее, чем у остальных, и им так понравилось есть листья с высоких деревьев, что стали выживать только самые длинношеие особи, и длинная шея стала передаваться их поколения в поколение, как человек получает в наследство копье своего деда. Может быть, конечно, все намного сложнее, но это объясняет,

почему у окапи шея короче. Вот такие дела».

Н’тиутиф — миролюбивое племя, и охотятся только на соседние племена, которые обладают очень живым воображением, и следовательно, множеством богов, суеверий и идей о том, как было бы лучше жить, если бы у них было бы больше земли.

Про события, произошедшие в тот день на луне Н’тиутиф сказали так: «Луна светила очень ярко, и от нее поднялся другой свет, который раскололся на три луча и потух. Мы не знаем, почему это случилось. Просто случилось, и все».

Затем они уничтожили соседнее племя, которое знало, что таинственный свет был знаком бога Укли, говорящем о том, что пришла пора еще немного расширить свои охотничьи владения. Однако, вскоре им нанесло сокрушительное поражение племя, знавшее, что лунный свет был сигналом их предков, живущих на луне, и призывавших их уничтожить всех неверующих в богиню Глипзо. Тремя годами позже их, в свою очередь, погубил камень, упавший с неба, в результате взрыва звезды миллиард лет назад.

***

Что кружит вокруг, становится всюду. Если не вникать в это особенно глубоко, это становится законом. В трясущемся и грохочущем Змее Ринсвинд наблюдал, как последние два драконьих отсека упали с крыльев. Они некоторое время кувыркались рядом, затем силы их кончились и они упали.

Он перевел взгляд на рукояти. Кому-то же, в конце концов, подумал он, надо сделать с ними хоть что-то? За дракончиками тянулся белый след. Они были свободны от клеток, и спешили домой.

***

Волшебники создали Занимательную Линзу Турлоу прямо на столе. Изображение впечатляло.

— Даже лучше, чем фейерверк, — заметил Декан.

Думминг стукнул по вездескопу.

— А, заработало, — сказал он. — Но все, что я вижу, это огромное…

Изображение являло собой большую часть

лица Ринсвинда и огромный нос.

— Какой рычаг нажать? Какой рычаг нажать? — вопил он.

— Что произошло?

— Леонард еще не в себе, Библиотекарь вытащил Моркоу из мусора и здесь страшно трясет! У нас кончились драконы! Для чего все эти стрелки? Мы падаем! Что мне делать?

— Вы не помните, как это делал Леонард?

— Он ногами нажимал на педали и все всемя крутил все рычаги!

— Ладно, ладно, сейчас я посмотрю его записи и мы поможем вам спуститься!

— Нет! Помогите мне подняться! Я хочу вверх! А не вниз!

— На рычагах есть какие-нибудь знаки? — спросил Думминг, пролистывая записи Леонарда.

— Да, но я их не понимаю! Тут на одном написано «Троба»!

Думминг пролистал страницы, покрытые почерком Леонарда.

— Э… Э… — бормотал он.

— Не трогай рычаг с надписью «Троба!» — резко сказал Ветинари, наклоняясь вперед.

— Мой лорд! — сказал Думминг, и покраснел, когда Ветинари повернулся к нему и впился

в него взглядом. — Простите, лорд, но это техника, это все механизмы, и скорее всего будет лучше применять знания из сфер отличных от искусств…

Он стих под взглядом патриия.

— Тут на одном есть нормальная метка! Написано «Ручка принца Харана»! — раздался отчаяный голос из вездескопа.

Лорд Ветинари потрепал Думминга Тупса по плечу.

— Я понимаю, — сказал он. — Последнее, чего хотелось бы человеку, разбирающемуся в машинах в это время, так это добрый совет от невежественных людей. Примите мои извинения. И что вы собираетесь делать?

— Ну, я, эм… Я…

— Когда Змей и с ним все наши надежды начнут падать на землю, я хочу сказать, — добавил лорд Ветинари.

— Я, эм, давайте посмотрим, можно попытаться…

Думминг смотрел то на вездескоп, то в вои записи. Его разум превратился в огромную белую груду горячего пуха.

— Я думаю, мы уже потеряли минуту, — сказал лорд Ветинари. — И это не пустяк.

— Я, эм, может, мы, э…

Патриций нагнулся к вездескопу.

— Ринсвинд, нажимайте на Ручку Принца Харана, — сказал он.

— Но мы не знаем, что она делает… — начал Думминг.

— Сообщите мне, когда придумаете что-нибудь лучше, — сказал лорд Ветинари. — Я, например, предлагаю нажать на эту ручку.

В то время на Змее Ринсвинд пытался ответить голосу власти.

— Э… раздается много шума и щелчков… — докладывал он. — И… некоторые рычаги пришли в движение сами собой… теперь крылья начали раскрываться… мы вроде как летим… очень тихонько…

— Хорошо. Попробуйте привести в чувство Леонарда, — сказал патриций. Он повернулся и кивнул Думмингу. — Вы, юноша, не изучали классику? Леонард изучал.

— Ну… нет, сэр.

— Принц Харан — легендарный герой Клатча, который путешествовал по миру на корабле с магической ручкой, — сказал лорд Ветинари. — Она управляла кораблем, когда принц спал. Если я еще могу быть полезен, не стесняйтесь, спра-

шивайте.

***

Злобный Гарри похолодел от ужаса, глядя, как Коэн движется на него, подняв руки.

— Ты предупредил богов, Гарри, — сказал Коэн.

— Точняк, мы все слышали, — сказал Стукнутый Хэмиш.

— Но это ничего, — добавил Коэн, — только еще интереснее, — его рука скользнула вниз и шлепнула человечка по спине.

— Мы подумали: этот Злобный Гарри, он, может и туповат, и он рубаха-парень, но в такое время предаст нас… это мы зовем выдержкой, — сказал Коэн. — Я знавал разных Темных Властелинов, Гарри, но за стиль ты однозначно получаешь три головы гоблина. Знаешь, ты никогда не войдешь в Лигу больших Темных Властелинов, но у тебя есть… ну, Гарри, у тебя точно есть крупинка Злобы.

— Нам нравятся парни, которые верны своим осадным катапультам, — сказал Малыш Вилли.

Гарри потупился и шаркнул ногой. Его лицо выражало гордость и облегчение.

— Спасибо за теплые слова, ребят, — пробормотал он. — Понимаете, если бы выбор был за мной,

я бы не сделал этого, но у меня репутация…

— Я же сказал, мы поняли, — сказал Коэн. — Мы сами такие же. Когда на тебя несется нечто волосатое, ты не думаешь о том, а вдруг это редкий вымирающий вид. Нет, ты срубаешь ему голову. Это ж геройство, я прав? А ты видишь кого-то, предаешь его, он и глазом не успевает моргнуть, потому что это злодейство.

Остальные члены Орды одобрительно зашептались. Ведь и то, и другое было частью Кодекса.

— Вы отпустите его? — спросил менестрель.

— Конечно. Не обращай внимания, паренек. Темные Властелины всегда сматываются. Но ты не забудь в саге написать, что он нас предал. Это будет классный момент.

— И… э… ничего, если я так по дружески постараюсь перерезать вам глотки? — спросил Гарри.

— Ладно, — благосклонно разрешил Коэн. — Напиши, что он дрался, как бешеный тигр.

Гарри смахнул слезу.

— Спасибо, парни, — сказал он. — Даже не знаю, что сказать. Я этого никогда не забуду. Кажется, что старые времена вернулись.

— Слушай, ты не сделаешь нам одолжение? Проследи, чтобы бард нормально добрался обратно, хорошо? — попросил Коэн.

— Без проблем, — ответил Гарри.

— Э… я не хочу обратно, — сказал менестрель.

Это было неожиданностью для всех. Это было неожиданностью и для него самого. Но жизнь внезапно предложила ему два варианта. Первый — вернуться обратно и петь песенки про лютики-цветочки. А другой включал в себя все, что только возможно. В этих пожилых людях было нечто, делавшее первый вариант совершенно неприемлемым. Непонятно, почему. Просто так было, и все.

— Ты должен вернуться… — сказал Коэн.

— Нет, я должен знать, чем все закончится, — перебил менестрель. — Может, я сошел с ума, но я сам этого хочу.

— Ты можешь выдумать конец, — сказала Вена.

— Нет, мадам, — отозвался менестрель. — Не думаю. Не думаю, что то, что я в состоянии выдумать, будет концом. Не сейчас, когда я смотрю на господина Коэна в его рыбьей шляпе и господина Вилли в образе Бога Тех, Кого Опять Тошнит. Нет, я пойду вперед. Пусть господин Смерть подождет меня здесь. И я буду совершенно в безопасности. Не волнуйтесь. Потому что я совершенно уверен, что как только боги обнаружат, что на них напа-

ли человек с помидорами на голове в компании друга, переодетого Музой Ругательств, то они действительно, действительно захотят, чтобы мир узнал, что было дальше.

***

Леонард все еще был без сознания. Ринсвинд пытался вытереть ему лоб влажной ваткой.

— Конечно, я следил за ним, — сказал Моркоу, кинув взгляд на тихонько двигающиеся рычаги. — Но это он его построил, и ему это легко. Э… Я бы не стал это трогать, сэр…

Библиотекарь раскачивался на водительском сидении и фыркал на рычаги. Где-то под ним поскрипывала и урчала автоматическая ручка.

— Нам скоро понадобятся какие-нибудь идеи, — сказал Ринсвинд. — Мы же не будем постоянно лететь сами по себе.

— Может, если мы аккуратненько… Я бы не стал этого делать, сэр…

Библиотекарь окинул беглым взглядом педали. Затем одной рукой оттолкнул Моркоу, а другой снял с крючка защитные очки Леонарда. Его ноги встали на педали. Он нажал рукоятку, управляющую Ручкой Принца Харана и, где-то под его ногами, что-то глухо застучало.

Затем корабль тряхнуло, Библиотекарь хрустнул пальцами, потянулся, размял руки и ухватился за руль.

Моркоу и Ринсвинд вжались в свои кресла.

***

Врата Дунманифестина распахнулись сами собой. Серебряная Орда скучковавшись, вошла вовнутрь, подозрительно осматриваясь.

— Слушай, подпиши нам визитки, парень, — прошептал Коэн, оглядывая уличную суету. — Я такого не ожидал.

— Сэр? — переспросил менестрель.

— Мы думали, тут будет зал, где все пьянствуют, — сказа Малыш Вилли. — А не магазины. И все разных размеров!

— Думаю, боги всяких размеров бывают, — сказал Коэн, разглядывая спешащих богов.

— Может… придем в другой раз? — спросил Калеб.

За ними захлопнулись ворота.

— Нет, — ответил Коэн.

Внезапно вокруг них образовалась толпа.

— Вы, должно быть, новые боги, — раздался голос с небес. — Добро пожаловать в Дунманифестин! Надеемся, вы хорошо проведете время!

— А, Рыбий Бог, — сказал Коэну бог, возникший перед ним. — И как рыбка, ваше величество?

— Э… что? — спросил Коэн. — А… э… влажно. Довольно-таки влажно. Очень влажная фигня.

— Фигня? — спросила богиня у Хэмиша. — А как там фигня, кстати?

— Да все лежит себе.

— А вы всемогущий?

— Понимаешь, подружка, я пью специальные таблетки для этого!

— А вы — муза Ругательств? — спросил бог у Маздама.

— Чертовски верно! — отчаянно сказал Маздам.

Коэн огляделся и увидел Оффлера, Бога-Крокодила. Тот был богом, которому трудно остаться незамеченым, но все равно Коэну много раз случалось видеть его. Статуи в раскиданных по свету храмах давали полное представление о его облике, и теперь and now was the time for a man to reflect on the fact that so many of those temples had been left a good deal poorer as a result of Cohen's activities. Он этого не делал, потому что это было не в его привычках. Но ему показалось, что Орда несколько заволновалась.

— Куда идем, друг? — спросил он.

— Шмотреть Игру, ваше рыбштво, — ответил Оффлер.

— А, точно. Это когда бо… мы играем с на… смертными, точно? — спросил Коэн.

— Да, точно, — сказал бог с другой стороны от Коэна. — Сейчас, например, мы нашли нескольких смертных, которые пытаются проникнуть в Дунманифестин.

— Вот чертята, а? — весело откликнулся Коэн. — Угостить их хорошей молнией, вот мое мнение. По другому они не понимают.

— В основном потому что вы по-другому и не общаетесь, — пробормотал менестрель, наблюдая за богами вокруг.

— Да, мы думаем, это хорошая идея, — сказа бог. — Кстати, я — Рок.

— О, вы Рок? — спросил Коэн, подходя к игральной доске. — Всегда хотел с вами встретится. Я думал, вы будете слепым…

— Нет.

— А если кто-нибудь ткнет вас пальцами в глаза?

— Простите?

— Просто пошутил.

— Ха. Ха. — сказал Рок. — Интересно, О Рыбий Бог, что вы за игрок?

— Никогда не увлекался азартными играми, — сказал Коэн, увидев, что Рок держит между пальев игральную кость. — Это для умников.

— Может, сделаете небольшую… ставку?

Толпа притихла. Менестрель заглянул в бездонные глаза Рока, и почуствовал, что играя в кости с Роком, надо понимать, что выбор не так и велик.

Стояла такая тишина, что можно было услышать полет воробья.

— Давайте, — сказал Коэн. — Почему бы и нет?

Рок кинул кость на доску.

— Шесть, — сказал он, не отрывая взгляда.

— Ага, — сказал Коэн. — Значит, мне тоже надо выкинуть шесть, да?

— О, нет, — улыбнулся Рок. — Вы же, в конце концов, бог. А боги играют на победу. Вы, о ваше могущество, должны выкинуть семь.

— Семь? — спросил менестрель.

— Не понимаю, почему это может вызвать затруднения, — сказал Рок, — у тех, кто вправе находится здесь.

Коэн повертел так и сяк кость. У нее было шесть граней.

— Я понимаю, что это может вызвать затруднения, — сказал он, — но только для смертных.

Он подкинул кость в воздух.

— Значит, семь? — спросил он.

— Семь, — отозвался Рок.

— Будет сложновато, — сказал Коэн.

Менестрель уставился на него и почуствовал, как по спине у него бегут мурашки.

— Ты запомнил, что я сказал это, парень? — добавил Коэн.

***

Змей накренился в воздухе.

— Уук! — счастливо возвестил Библиотекарь.

— Он управляет им лучше Леонарда! — сказал Ринсвинд.

— Это несколько… проще, — прошептал Моркоу. — Знаешь… у него же одни сплошные атавизмы.

— Правда? Я всегда думал, что у него неплохая конституция. Кроме тех случаев, конечно, когда его обзывают обезьяной.

Змей снова повернулся, изгибаясь, как маятник.

— Уук!

— Если выглянуть из левого окна, то увидишь практически все, — перевел Ринсвинд.

— Уук!

— А если выглянуть из правого окна, то уви-

дишь… О господи!

Это была Гора. И там, сверкая в лучах солнца, лежал город богов. Над ним, едва различимая в бриллиантовом воздухе, смутно виднелась мерцающая воронка, которая образовалась в результате заземления магического поля Диска в центре мира.

— Ты как, э, вообще ты как, религиозен? — спросил Ринсвинд, глядя на облака за окном.

— Я верю, что все религии несут в себе частичку извечной истины, да, — сказал Моркоу.

— Удобная точка зрения, — сказал Ринсвинд. — Может, ты еще легко отделаешься.

— А ты?

— Ну-у… слыхал о таких религиях, которые говорят, что кружение в хороводах — своего рода молитва?

— О, да. Свистящие Вертушки Клатча.

— Я верю в нечто вроде, только мы двигаемся более… прямыми путями. Да. Это так. Таинство Скорости.

— А ты веришь, что это дарует тебе вечную жизнь?

— Не вечную, нет. Больше… ну просто больше. Больше жизни. Вот так, — сказал Ринсвинд. — Больше жизни, чем могло быть, если бы ты не

двигался очень быстро и прямо. Хотя изогнутые траектории тоже вполне действенны на пересеченных местностях.

— Ты же просто трус, верно? — вздохнул Моркоу.

— Да, но я никогда не понимал, чем это плохо. Чтобы убежать прочь, тоже нужна выдержка, знаешь ли. Многие были такими же трусливыми, как я, если бы им доставало смелости.

Они снова выглянули в окно. Горы стали ближе.

— Согласно записям миссии, — сказал Моркоу, пролистывая пачку торопливо заполненых Думмингом бумажек, — в прошлом множество людей посетили Дунманифестин и вернулись живыми.

— Вернуться живым недостаточно, — сказал Ринсвинд. — У них все руки и ноги были целы? А психически они были как? А всякие второстепенные части тела были на месте?

— Большинство из них были персонажами мифов, — неуверенно сказал Моркоу.

— До того или после?

— Боги обычно благосклонны к самоуверенным, бесстрашным и наглым, — продолжил Моркоу.

— Здорово. Ты пойдешь первым.

— Уук, — сказал Библиотекарь.

— Он говорит, что мы скоро приземляемся, — сказал Моркоу. — Какие нам места занять?

— Уук! — сказал Библиотекарь. Он был поглощен борьбой с рычагами.

— Что ты хотел сказать словами «лягьте на спину, вытянув руки вдоль позвоночника»?

— Иик!

— Ты не смотрел, что делал Леонард, когда мы приземлялись на луну?

— Уук!

— Тогда мы хорошо приземлились, — сказал Ринсвинд. — О да, стыдно за конец света, но это уже случилось, да?

— ХОЧЕШЬ АРАХИСА? БОЮСЬ, НЕ СМОГУ ДОЛГО ДЕРЖАТЬ ПАКЕТИК ОТКРЫТЫМ.

Призрачное кресло повисло в воздухе перед Ринсвиндом. Фиолетовые вспышки на границе его поля зрения говорили, что он внезапно оказался в маленьком личном времени и пространстве.

— Мы разобьемся? — спросил он.

—

МОЖЕТ
БЫТЬ. ИЗ-ЗА ПРИНЦИПА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТАЛО НАМНОГО СЛОЖНЕЕ РАБОТАТЬ. ПЕРЕДАТЬ

ТЕБЕ ЖУРНАЛ?

Змей покружился и начал плавно спускаться через облака к Кори Челести. Библиотекарь посмотрел на рычаги, нажал пару, дернул рукоятку Ручки Принца Харана, а затем кинулся в другой конец кабины и спрятался под одеяло.

— Мы приземлимся на том снежном поле, — сказал Моркоу, скользнув в кресло пилота. — Леонард создал корабль с учетом того, что приземляться ему придется в снег. В конце концов…

Змей приземлился на снег совсем не так, как ожидалось. Он подскочил в воздух, некоторое время планировал, и снова коснулся земли. Он подскочил еще несколько раз, и киль мягко перевалил за поле.

— Держитесь! — сказал Моркоу. — Относитесь к этому как к прогулке в парке!

— В смысле, надо ожидать, что в любой момент на тебя могут напасть сзади, отобрать все деньги, да вдобавок накостылять по шее? — спросил Ринсвинд. — Возможно. Ты заметил, что мы направляемся прямиком к воротам?

Они посмотрели вперед. Врата Дунманифестина приближались, и довольно быстро. Змей упал прямо на снежный сугроб и теперь скатывался вниз.

— Только не паниковать, — сказал Ринсвинд.

Змей ударился о снег, снова подскочил в воздух и перелетел через ворота богов.

То есть через половину ворот богов.

***

— Значит… семь, и победа за мной, — сказал Коэн. — Выпадет семерка, и я победил, верно?

— Да. Конечно, — ответил Рок.

— Похоже, это мой шанс один на миллион, — сказал Коэн.

Он высоко подкинул кость, и она летела вверх все медленнее, медленно переворачиваясь, со звуком, похожим на шелест обнажаемых мечей.

Она достигла вершины дуги и начала падать вниз.

Коэн совершенно спокойно смотрел на нее, не отрывая взгляда. Затем его меч вылетел из ножен и описал затейливую кривую в воздухе. В воздухе вспыхнул зеленый огонек и…

… две половинки кубика из слоновой кости опустились на стол.

На одной выпало шесть. На второй — один.

Пара богов, к изумлению менестреля, зааплодировала.

— Мы заключили сделку, — сказал Коэн, все

еще сжимая меч.

— Серьезно? А вам не знакомо выражение «Судьбу не обманешь»? — спросил Рок.

Стукнутый Хэмиш приподнялся в своем кресле.

— А вы че, не слыхали никогда выражение «Песец тебе, парень»? — крикнул он.

Как один человек — или бог — Серебряная Орда сомкнулась и вытащила оружие.

— Не надо драк! — закричал Слепой Ио. — У нас же правила! У нас есть весь мир чтобы драться!

— Это не было мошенничеством! — зарычал Коэн. — Оставлять заманчивые скрижали, которые ведут героев к смерти, вот это мошенничество!

— Но где были бы герои, не будь волшебных карт? — спросил Слепой Ио.

— Большинство из них были бы среди живых! — огрызнулся Коэн. — Они не были бы фишками в чьей-то проклятой игре!

— Ты разрезал ее пополам, — сказал Рок.

— Покажи, где в правилах написано, что этого нельзя! Да, покажите-ка мне правила! — сказал Коэн, прыгая в ярости. — Покажите мне все правила! Что такое, господин Рок? Хотите еще разок попровать? Думаете отыграться? Может, двойную ставку?

— Шоглашитеш, удар был шупер, — сказал Оффлер. Некоторые из мелких богов согласно закивали.

— Что? Как вы можете позволять им стоять тут и в открытую не повиноваться нам? — спросил Рок.

— Не повиноваться тебе, мой господин, — раздался новый голос. — По-моему, они победили. Он сумел обмануть Рок. Если уж он сумел обмануть Рок, то я не думаю, что мнение Рока по этому поводу имеет значение.

Госпожа шествовала через толпу. Боги расступались перед ней. Они могли распознать легенду, столкнувшись с ней нос к носу.

— А вы кто? — зло спросил красный от гнева Коэн.

— Я? — Госпожа раскрыла руку. На каждой ладони лежала игральная кость, единицей вверх. Но вот она тряхнула запястьями, и они слились в одну, удлинняясь, переплетаясь, превращаясь в шипящую змею, вьющуюся в воздухе — и пропали.

— Я… один шанс на миллион, — сказал она.

— Да ну? — сказал Коэн, изумленный менее, чем должен был бы быть, по мнению менестреля. — А другие шансы, где они?

— Я — и они тоже.

Коэн засопел.

— Тогда вы не леди.

— Э, это же не настоящие… — начал менестрель.

— О, а что я должен был сказать? — сказал Коэн. — Я должен был сказать «Оох, да, хозяйка, спасибо огромное»? Не дождетесь. Говорят, что удача любит храбрых, но я скажу, что видел слишком много храбрецов, пошедших в бой и не вернувшихся назад. Да к черту все эти… Эй, что с тобой?

Менестрель не сводил глаз с бога, стоящего сбоку от толпы.

— Это же ты, да? — прорычал он. — Ты Нугган, да?

Маленький бог сделал шаг назад, но совершил ошибку, пытаясь сохранить достоинство.

— Молчать, смертный!

— Да ты… ты… Пятнадцать лет! Пятнадцать проклятых лет я не знал вкус чеснока! А священникам во всей округе приходилось вставать с рассветом, чтобы успеть вытоптать все грибы! Да ты хоть знаешь, сколько стоит малюсенький кусочек шоколада в нашем городе, и на что люди способны пойти ради него? — менестрель растол-

кал Орду и встал перед пытающимся отступить божеством, замахнувшись лирой.

— Я поражу тебя молнией! — пропищал Нугган, закрываясь от него руками.

— Не сможешь! Не здесь! Ты только в миру способен на это! Здесь ты способен лишь на иллюзии и блеф! И на запугивания. Так вот почему такие молитвы… испуганные люди пытаются подружиться с задирой! У нас строят все эти храмы, а ты… а ты — ничтожество, способное лишь…

Коэн мягко положил ему руку на плечо.

— Хорошо сказано, парень. Хорошо сказано. Но тебе пора.

— Брокколи, — прошептал Оффлер Свиифо, Богу Срубленных Деревьев. — С брокколи не ошибешься.

— Я запрещаю практиковать панупунитопластию, — сказал Свиифо.

— А што это?

— Не знаю, но они боятся.

— Дайте, я разок ему врежу… — кричал менестрель.

— Слушай, сынок, погоди, — говорил Коэн, стараясь удержать его. — Для этой лиры у тебя найдется другое применение, чем разбить ее о чью-то голову, понимаешь? Несколько коротких

стишков — тех, что как пристанут, так и не отвяжутся. Слушай меня, слушай, ты вообще заметил, что я с тобой говорю?…У меня есть меч, очень неплохой, но все эти колюще-режущие предметы могут только помочь кое-кому выжить, слушай. А песня может сделать кое-кого бессмертным. Хорошего или плохого!

Менестрель немного расслабился, но только совсем немного. Нугган спрятался среди остальных богов.

— Он дождется, когда я выйду за ворота… — рычал менестрель.

— Он будет занят! Маздам, нажимай на поршень!

— Ах, ваши знаменитые фейерверки, — сказал Слепой Ио. — Но, дорогие смертные, огонь не может нанести вред богам…

— Ну чтож, — сказал Коэн, — надейтесь на это. Потому что через минуту-другую вершина этой горы будет похожа на вулкан. И все в мире это увидят. Интересно, будут ли они после этого верить в богов?

— Ха! — усмехнулся Рок, но несколько более сообразительных богов внезапно серьезно задумались.

— Но в любом случае, — продолжил Коэн, — мы

вовсе не собираемся уничтожить богов. Мы собираемся попытаться. В следующий раз кое-кто попытается упорнее.

— Но все, к чему это приведет, так это к тому, что уничтожены будете вы, — сказал Рок, но несколько крепко задумавшися богов стали медленно пробираться к выходу.

— И что мы потеряем? — сказал Малыш Вилли. — Рано или поздно все равно умирать. Мы готовы к смерти.

— Мы всегда были готовы к смерти, — сказал Калеб Разрушитель.

— Вот почему мы так долго прожили, — сказал Малыш Вилли.

— Но… почему все так мрачно? — спросил Слепой Ио. — Вы прожили долгую, интересную жизнь, и великий круговорот природы…

— Ач, пусть великий кругворот природы подавится моей набедренной повязкой! — сказал Стукнутый Хэмиш.

— Это немногие хотели бы сделать, — сказал Коэн. — Я, конечно, не мастак всякие речи говорить, но… Я думаю, мы решились на это, потому что пришло наше время умереть, понимаете? И потому что один малый подошел к краю мира и, увидев все другие миры там, залился слезами,

потму что жизнь только одна. Вселенная такая огромная, а жизнь такая короткая. И это неправильно…

Боги же оглядывались по сторонам.

***

Крылья раскололись и сломались. Фюзеляж ударился о булыжники и проехался по ним.

— А теперь — паникуйте, — сказал Ринсвинд. Разбитый Змей продолжал скрежетать по вымощеной плитами улице. Запах горелого дерева становился все сильнее и сильнее.

К Ринсвинду протянулась бледная рука.

— Я рекомендую вам, — сказал Леонард, — схватится за что-нибудь.

Он нажал на маленькую ручку с пометкой «Шекарб».

Теперь Змей остановился. Но крайне неустойчиво.

***

Боги смотрели вниз.

В странной деревянной птице открылся люк. Крышка отвалилась и покатилась по земле.

Боги увидели, как наружу вылезла фигура. Это,

должно быть, был герой, только слишком уж чистый.

Он посмотрел по сторонам, снял шлем и отдал честь.

— Добрый вечер, ваши всемогущества, — сказал он. — Приношу свои извинения, но дело не терпит отлагательств. Но я воспользуюсь этой возможностью и скажу вам от лица всех людей Диска, что у вас замечательная работа.

Он промаршировал к Орде, проходя мимо изумленных богов, и остановился перед Коэном.

— Коэн Варвар?

— А тебе-то что? — Коэн был озадачен.

— Я капитан Моркоу, Городская Стража Анк-Морпорка, и настоящим я объявляю вас арестованным за организацию сговора с целью уничтожить мир. Вы имеете право хранить молчание…

— А я и не собираюсь ничего говорить, — Коэн достал меч. — Я просто снесу твою…ную башку.

— Тихо, тихо, — быстро сказал Малыш Вилли. — Ты знаешь, кто мы такие?

— Так точно, сэр. Думаю, да. Вы — Малыш Вилли, также известный как Шальной Вил, Вильгельм Косарь, Великий…

— И ты собираешься арестовать нас? Ты сказал,

что ты вроде какой-то стражник?

— Вы правы, сэр.

— В свое время мы убили сотни стражников, парень!

— Мне неприятно слышать это, сэр.

— И чего тебе платят, мальчик? — спросил Калеб.

— Сорок три доллара в месяц, господин Разрушитель. С довольствием.

Орда зашлась смехом. Затем Моркоу достал меч.

— Я должен уточнить, сэр. То, что вы собирались сделать, уничтожило бы мир.

— Только этот кусочек, малыш, — сказал Коэн. — А теперь, иди-ка домой и…

— Я настаиваю, сэр, несмотря на уважение к вашим сединам.

Орда зашлась смехом снова, и Стукнутый Хэмиш откинулся на спинку своего кресла.

— Секнду, ребят, — сказала госпожа МакГэри спокойно. — Посмотрите-ка по сторонам. Ни на какие мысли не наводит?

Они осмотрелись.

— И че? — спросил Коэн.

— Смотри, тут ты да я, — сказал Вена, — и Маздам, и Малыш Вилли, и Хэмиш, Калеб, да еще

менестрель.

— Ну и?

— Семеро, — сказал Вена. — Нас семеро, а он один. Семеро против одного. И он думает, что спасает мир. Он знает, кто мы такие, и все равно хочет сразится с нами…

— Не хочешь ли ты сказать, что он герой? — захихикал Стукнутый Хэмиш. — Ха! Че за герой пойдет работать за сорок три бакса в месяц? И довольствие!

Но его кудахтанье было единственным в повисшей тишине. Необычную арифметику героизма Орда знала хорошо.

Был, всегда был, и в начале, и в конце… Кодекс. Они жили Кодексом. Ты следуешь Кодексу и становишься частью Кодекса для тех, кто следует за тобой. Кодекс и был этим. Без него ты не герой. Без Кодекса ты просто разбойник в набедреной повязке.

Кодекс был простым. Один храбрец против семерых… побеждает. Они знали, что это действительно так. И в прошлом они доверяли этому. Высочайшие шансы, величайшая победа. Это Кодекс.

Забудешь Кодекс, отвергнешь его или будешь им пренебрегать… и Кодекс заглотит тебя.

Они посмотрели на меч Моркоу. Лезвие было коротким, острым и прямым. Это был рабочий меч. На нем не было рун. По кромке не пробегало никаких таинственных вспышек.

Для тех, кто следовал Кодексу, это было предупреждением. Один простой меч в руках настоящего храбреца стоит сотни магических клинков.

Мысль не была пугающей, но она была.

— Странно получается, — сказал Коэн. — Я слышал, говорят, внизу, в Анк-Морпорке служит стражник, настоящий наследник трона, но скрывает это, потому что ему нравится служить стражником…

О боже, подумала Орда. Замаскированый король… это же прямо живое воплощение Кодекса.

Моркоу выдержал пристальный взгляд Коэна.

— Никогда о нем не слышал, — сказал он.

— Рисковать своей шкурой за сорок три доллара в месяц, — сказал Коэн, не отводя взгляд. — Это говорит либо о совершенно непроходимой тупости, либо об огромной, безграничной храбрости…

— Не вижу разницы, — сказал Ринсвинд, выходя наружу. — Слушайте, я понимаю, драматический момент и все такое, но это все не шутки. Если этот… бочонок взорвется здесь, то он действительно разрушит мир. Он… проделает

что-то типа дыры и вся магия утечет прочь.

— Ринсвинд? — спросил Коэн. — Ты-то что тут делаешь, старая ты крыса?

— Спасаю мир, — Ринсвинд закатил глаза. — Опять.

Коэн засомневался, но герои не так просто отступают, даже перед лицом Кодекса.

— Что, все правда взорвется?

— Да!

— Не так уж это и много, — пробормотал Коэн. — Мир по сравнению со всем остальным…

— Подумайте о маленьких хорошеньких котятках… — начал Ринсвинд.

— Щеночках, — шепнул Моркоу, не отрывая взгляда от Коэна.

— То есть щеночках. Э? Подумайте о них.

— Ну. И че с ними не так?

— О… да так. Ничего.

— Но все умрут, — сказал Моркоу.

Коэн пожал своими иссохшими плечами.

— Все умрут, рано или поздно. Мы всегда это говорили.

— Никого не останется, чтобы помнить, — сказал менестрель, как бы сам себе. — Если никто не выживет, то никто не будет помнить.

Орда повернулась к нему.

— Никто не будет помнить, кем вы были и что вы делали, — продолжал он. — Ничего не останется. Не будет песен. Никто не будет помнить.

— Ладно, — вздохнул Коэн, — допустим, вы правы. Я не…

— Коэн? — раздался необычно обеспокоеный голос Маздама. — Помнишь, ты сказал мне «нажимай на поршень»?

— Да?

— Этого не надо было делать?

Бочонок шипел.

— Ты его нажал? — спросил Коэн.

— Ну да. Ты же сказал.

— Его можно остановить как-нибудь?

— Нет, — сказал Ринсвинд.

— А отнести его подальше?

— Если ты сможешь пробежать десять миль очень, очень быстро, — сказал Ринсвинд.

— Парни, становись в круг! Не ты, менестрель, здесь работа для мечей… — Коэн поманил героев рукой, и они быстренько собрались в кучку.

— Хорошо, — сказал Коэн. — Ты правильно записал все наши имена, господин Певун?

— Конечно…

— Вперед, ребя!

Они вскинули бочонок на кресло Хэмиша. Маз-

дам полуобернулся, когда они толкали его.

— Эй, бард! Ты точно записал про то, как я…

— Уходим! — закричал Коэн, одергивая его. — Увидимся, госпожа МакГэри.

Она кивнула и отошла.

— Знаешь, как это бывает, — печально произнесла она. — Правнуки на подходе и все такое…

Инвалидное кресло набирало скорость.

— Назови меня самым первым! — проорал Коэн.

— Что они делают? — спросил Ринсвинд, глядя, как сресло катится вниз по улице к далеким воротам.

— Они ни за что не успеют скатить его с горы, — сказал Моркоу, срываясь с места.

Кресло проехало под аркой в конце улицы и поскакало по булыжникам.

Ринсвинд, спешащий за ним, увидел, как кресло подпрыгнуло и исчезло в десятимильной воздушной пропасти. Ему показалось, что он расслышал постепенно затихающие слова: «Может нам заорать что-нибуууууууу…»

Кресло, несколько силуэтов и бочонок становились все меньше и меньше, пока в конце концов не растворились в туманном пейзаже из снега и острых камней.

Моркоу и Ринсвинд смотрели им вслед.

Через некоторое время волшебник краем глаза заметил Леонарда. Тот мерял пульс, считая про себя.

— Десять миль… хмм… с поправкой на трение воздуха… пусть будет три минуты плюс… ага… да, точно… нам надо отвернуться… да… Сейчас. Да, я думаю, это было неплохой иде…

Даже сквозь закрытые веки было видно, как мир окрасился в красный.

Когда Ринсвинд подполз к краю, то увидел далеко внизу небольшой зловещий красно-черный круг. Через несколько секунд сколоны Кори Челести сотряс гром, вызвавший шквал лавин. Но и они утихли.

— Думаете, они смогли выжить? — спросли Моркоу, вглядываясь в снежный туман.

— Хм? — ответил Ринсвинд.

— Если они не выживут, это будет неправильно.

— Капитан, они падали с высоты десять миль и попали прямо во взрыв, который сравнял с землей горы, — сказал Ринсвинд.

— Они могли приземлиться в очень глубокий сугроб на одном из уступов, — предположил Моркоу.

— Или, может быть, там пролетала стая огромных и очень мягких птиц? — спросил Ринсвинд.

Моркоу закусил губу.

— Но с другой стороны… пожертвовать собой, чтобы спасти весь мир… это прекрасный конец.

— Но они же сами собирались этот мир подзорвать!

— Очень смелый поступок, между прочим.

— В некоторых смыслах да.

Моркоу печально покачал головой.

— Мы могли бы спуститься и проверить.

— Там огромное кипящее озеро раскаленного камня! — вспылил Ринсвинд. — Им потребовалось бы чудо!

— Надежда всегда остается.

— Да? А еще всегда остаются налоги. Хотя в принципе, это одно и то же.

Моркоу вздохнул и распрямился.

— Надеюсь, ты не прав.

— Ты надеешься, что я не прав? Давай, надо выбираться. Нам же не нужны неприятности, верно?

За их спинами Вена высморкалась и убрала платочек обратно в свой бронированый корсет. Настало время, подумала она, следовать за запахом лошадей.

***

Обломки Змея вызвали острый интерес, но без понимания, среди божественного населения. Они не понимали, что это такое, но это совершенно точно было им не по душе.

— Я так думаю, — сказал Слепой Ио, — что если мы хотели, чтобы люди летали, то мы дали бы им крылья.

— Ну, мы фе дали им метлы и магифеские кофры, — сказал Оффлер.

— Ой, ну они же магические. Магия… религия… это же почти одно и то же. А это — попытка пойти против природы. Так же кто угодно сможет летать, с такой-то штукой, — он содрогнулся. — Люди смогут смотреть на богов сверху вниз!

Он посмотрел вниз на Леонарда Щеботанского.

— Зачем ты это сделал?

— Вы дали мне крылья, показав птиц, — ответил Леонард. — Я только скопировал то, что увидел.

Большинство богов молчали. Как профессиональные верующие — а боги в этом деле большие профессионалы — они старались не лезть в наглое вмешательство в божественные дела.

— Мы не узнаем в тебе верующего, — сказал

Ио. — Ты что, атеист?

— Думаю, можно сказать, что я вполне определенно верю в существование богов, — сказал Леонард, оглядываясь по сторонам. Это удовлетворило всех, кроме Рока.

— И это все? — спросил он.

Леонард немного подумал.

— Думаю, я верю в тайны геометрии, цвета в луче света и непостижимость сущего, — сказал он.

— Так значит, ты не религиозен? — произнес Слепой Ио.

— Я художник.

— Это значит «нет», верно? Хотелось бы уточнить.

— Эм… я не понял вопроса, — сказал Леонард. — В той форме, как вы его задали.

— Я думаю, что мы не понимаем ответов, — сказал Рок. — В той форме, как ты отвечаешь.

— Но я думаю, мы кое-что тебе должны, — сказал Слепой Ио. — Никто никогда не упрекнет богов в несправедливости.

— Мы никому и не позволим упрекнуть нас в несправедливости, — сказал Рок. — Я предлагаю…

— Слушай, помолчи, а? — Слепой Ио повернулся к нему. — Мы поступим так, как поступали

встарь.

Он снова повернулся к исследователям и ткнул пальцем в сторону Леонарда.

— Твое наказание, — сказал Слепой Ио, — будет заключаться в том, что ты распишешь потолок Храма Мелких Богов в Анк-Морпорке. Весь, целиком. Знаешь, он в ужасном состоянии.

— Но это несправедливо, — сказал Моркоу. — Он уже не молод, а великому Ангелино Изощретти понадобилось двадцать лет на это!

— Это займет его ум, — сказал Рок. — И предохранит от всяких вредных идей. И это должное наказание тому, кто посягнул на силу богов! Мы всегда найдем, чем занять свободную пару рук.

— Хмм, — сказал Леонард. — Понадобится множество лесов…

— Гигантшкое количештво, — довольно сказал Оффлер.

— А что рисовать? — спросил Леонард. — Я мог бы изобразить…

— Весь мир, — ответил Рок. — И не меньше.

— Правда? Я-то думал, может, просто голубое поле с парой звездочек, — сказал Слепой Ио.

— Весь мир, — произнес Леонард, отрешенно глядя в даль. — Слоны, драконы, водоворот облаков, громадные леса, потоки морей, птицы,

огромные желтые степи, узор из гроз, горные цепи?

— Ну да, — сказал Слепой Ио.

— И без помошников, — добавил Рок.

— Даже для поштройки лешов, — сказал Оффлер.

— Это чудовищно, — произнес Моркоу.

— А если он не уложится в двадцать лет… — добавил Слепой Ио.

— … десять лет, — поправил Рок.

— … десять лет, то Анк-Морпорк покарает небесный огонь!

— Хмм, да, хорошая идея, — произнес Леонард, все еще глядя в никуда. — Некоторые птички очень малы…

— Он в шоке, — сказал Ринсвинд.

Капитан Моркоу был в тихой ярости, похожий на небо перед бурей.

— Скажи, — сказал Слепой Ио, — есть ли бог стражников?

— Нет, сэр, — ответил Моркоу. — Стражники слишком подозрительно отнесутся к любому, кто назовет себя их богом, чтобы поверить ему.

— Но ты веришь в богов?

— То, что я могу лицезреть их, до смерти пугает меня, сэр. А мой командор говорит, когда мы хо-

дим по делам в город, что стоит лишь взглянуть на состояние человечества, как сразу понимаешь, что боги все-таки существуют.

Боги одобрительно улыбнулись этой меткой цитате. И у божественных сущностей есть ирония.

— Замечательно, — сказал Слепой Ио. — Давай, проси.

— Сэр?

— Все чего-то хотят от богов.

— Нет, сэр. Это я предлагаю вам возможнось.

— Ты дашь что-то нам?

— Да, сэр. Прекрасную возможность проявить милосердие и справедливость. Я прошу вас, сэр, даровать мне благо.

Повисла тишина.

— Это… такой напиток? — спросил Слепой Ио. — Кислый, из этих… перебродивших… ммм… дрожжей?

— Нет, сэр. Это брага, сэр. А благо — это моя просьба.

— Это все? О. Ну и?

— Позвольте починить Змея так, чтобы мы могли вернуться…

— Ни за что! — сказал Рок.

— Мне кажется, что все в порядке, — сказал

Слепой Ио, свирепо глядя на Рока. — Это будет его последний полет.

— Это будет последний полет Змея, верно? — спросил Моркоу у Леонарда.

— Хммм? Что? О, да. Ну конечно. Я допустил в его конструкции столько ошибок. В следующий раз…ммфх…

— Что такое, а? — подозрительно спросил Рок.

— Где? — откликнулся Ринсвинд.

— Зачем ты зажал ему рукой рот?

— Я? Когда?

— Сейчас!

— Нервы, — ответил Ринсвинд, отпуская Леонарда. — Я весь как на иголках.

— Ты тоже хочешь просить блага? — спросил Леонард.

— Что? А. Э… Я бы взял воздушными шариками, раз уж спрашиваете. Голубыми, — Ринсвинд с вызовом посмотрел на Моркоу. — Как тогда, когда мне исполнилось шесть. Там еще была эта гадкая большая девчонка с булавкой. И я не хочу про это говорить, — он посмотрел на наблюдавших за ним богов. — Я не понимаю, что вы все на меня уставились?

— Уук, — сказал Библиотекарь.

— А вашей зверушке тоже подарить шарик? —

спросил Слепой Ио. — Мы тут держим обезьяньего бога, так, если вдруг ему захочется манго или еще чего…

Внезапно похолдодало.

— На самом деле, — сказал Ринсвинд, — ему хотелось бы три тысячи учетных карточек, новый штемпель и пять галлонов чернил.

— Иик! — настойчиво произнес Библиотекарь.

— Ну ладно. И красный воздушный шарик, пожалуйста, если они еще остались.

***

Починить Змея было несложно. Хотя в общем и целом богам не по себе среди всяких машин и приспособлений, все равно везде, в любом пантеоне есть божок — Вулкан, Wayland, Dennis, Гефест — которые умеют делать так, чтобы вещи не разваливались и все такое.

Во всех больших огранизациях, являясь источником лишних трат и неприятностей, есть такой служащий.

***

Злобный Гарри вынырнул из сугроба и жадно вдохнул. Затем его решительно запихнули

обратно.

— Ну, мы же договорились, верно? — спросил менестрель, стоящий на коленях на его спине и держа его за волосы.

Злобный Гарри сплюнул снег.

— Договорились! — прорычал он.

— А если ты потом будешь говорить, что мне не надо было тебя слушать, потому что ты — Темный Властелин, я тебя придушу струной!

— Ты меня не уважаешь!

— Да? Ты же вероломный злобный Темный Властелин, или как? — сказал менестрель, снова погружая плюющуюся голову в сугроб.

— Ну да, конечно... ясное дело. Но уважение ничего не стоиттф...фт тфф фт.

— Ты помогаешь мне спустится, а я описываю тебя в саге как самого чудовищного, безнравственного и развращенного военачальника из всех когда либо существовавших, понял?

Снова показалась хрипящая голова.

— Да, да, точно. Только ты обещай...

— А если ты предашь меня, то подумай о том, что я-то Кодекса не знаю! И вовсе не должен позволять злобным властелинам бежать!

С одной стороны их длинной дороги вниз вместо предгорья раскинулась долина, над которой

все еще поднимался пар.

— Мы даже их костей тут не найдем, — сказал менестрель, оглядываясь в поисках дороги.

— Ага, точна, может, из-за того, что они не умерли, а? — спросил Гарри. — В последний момент у них появился план, могу поспорить.

— Гарри…

— Зови меня просто Злоб, парень.

— Злоб, последние моменты они провели, падая с горы!

— А может они как бы планировали, а? Там внизу еще всякие озера. Или они приземлились в очень глубокий сугроб.

Менестрель пристально вглядывался в даль.

— Ты что, что действительно думаешь, что они могли выжить?

Красное лицо Гарри выражало отчаяние.

— Точно. Я уверен. Все, что там не говорили бы про Коэна… это только треп. Он не из тех, кто может так просто взять и умереть. Только не старик Коэн! То есть… он не может. Он из таких.

Менестрель смотрел на раскинувшиеся перед ним Пупземелье. Там были озера и глубокие снежные сугробы. Но Орда не отличалась изобретательностью. В случае нужды она предпочитала нанимать ее на стороне. А если не получалось,

они просто нападали. Но землю атаковать невозможно.

Все смешалось, подумал он. Тот капитан все верно говорил. Боги, герои, дикие приключения… но как только уйдет последний герой, все это уйдет вслед за ним.

Он не особо жаловал героев. Но он понимал, что они должны где-то существовать — в лесах, в горах… он мог никогда не увидеть ни одного из них, но у него в голове было отведено для них местечко. У всех в головах было место для героев.

— Неслабо рвануло, — раздался сзади голос Злобного Гарри. — Они, наверное, уже ждут нас внизу.

— Смотри, что это там, на скале? — спросил менестрель

Они вскарабкались по скользким камням. Предмет оказался обломком колеса от кресла Стукнутого Хэмиша.

— Это еще ничего не значит, — Гарри отбросил обломок прочь. — Давай, пошли. Не думаю, что нам стоит оставаться в этих горах на ночь.

— Нет. Ты прав. Ничего, — сказал менестрель, перебирая струны лиры. — Это действительно ничего не значит.

Перед тем, как развернуться и уйти, он достал

из кармана маленький кожаный мешочек, под завязку полный рубинами.

Он смотрел, как они переливаясь, падают на снег. Потом развернулся и ушел.

***

На поле глубокого снега красовалась дыра в форме человеческого тела. Казалось, кто-то упал сюда с большой высоты. По краям дыры уже намело сугробы.

Семеро всадниц осторожно приземлились на снег. Но вот что странно: отпечатки копыт на снегу появились совсем не там, гдеступали лошади, и не совсем тогда, когда они это делали. Казалось, их наложили на мир, как будто бы художник нарисовал сначала их, а потом оказалось, что на окружающую реальность времени уже нет.

Они немного подождали.

— Чтож, это крайне неудовлетворительно, — произнесла Хильда (сопрано). — Они должны быть здесь. Разве они не поняли, что мертвы?

— А мы случайно не ошибись местом? — спроила Гертруда (меццо-сопрано).

— Дамы? Не будете ли вы так любезны освободить седла?

Они обернулись. Седьмая валькирия улыбну-

лась и обнажила меч.

— Что за наглость? Эй, ты же не Грихильда!

— Нет, но думаю, справлюсь с вами всеми, — сказала Вена, отбрасывая шлем. — Ту я уложила в сортире одной левой. Так что… лучше просто слезайте.

— Лучше? Лучше чего? — спросила Хильда.

— Лучше этого, — вздохнула госпожа МакГэри.

Из-под снега выскочил старик.

— Привет, девчонки, — сказал Коэн, вырывая у Хильды уздечку. — Или вы сделаете так, как она сказала, или я попрошу своего друга Маздама поговорить с вами. Правда… он немного диковат.

— Хы, хы, хы!

— Да как вы смеете…

— Я смею все, девочка. Ну-ка быстро выметайся отсюда или я сам тебя стяну!

— На полном серьезе!

— Эй? Простите? — спросила Гертруда. — Вы умерли?

— Мы умерли, Вилли? — спроил Кэн.

— Вроде должны были. Но я себя чувствую вполне живым.

— Я не умер! — заорал Стукнутый Хэмиш. — Пусть кто-нить только попробует назвать меня мертвым!

— Это предложение, от которого невозможно отказаться, — сказал Коэн, вкакивая на лошадь Хильды. — Парни, по седлам!

— Но… простите? — Гертруда, казалось, была из тех, кто страдает от излижней вежливости. — Мы должны препроводить вас в великие Палаты Битв. Хмельной мед, жареная свинина и постоянные битвы! Только для вас! Все, что вы хотели! Они созданы только для вас!

— Да? Ну спасибо конечно, но нам пора, — ответил Коэн.

— Но так поступают все герои!

— Чего-то я этого не заметил, — сказал Коэн, глядя в небо. Солнце село, и уже были видны первые звезды. Говорите, каждая из них — отдельный мир? — Ты с нами, госпожа МакГэри?

— Не сейчас, ребята, — улыбнулась Вена. — Я еще не готова. Может, чуть позже.

— Довольно честно. Ну ладно, нам пора. Столько еще надо сделать…

— Но… — госпожа МакГэри оглядела снежное поле. Ветер окутывал снегом… фигуры. Вот эфес меча выступил из снежной тучи, а там видна только санадалия. — Так вы умерли или как?

Коэн уставился в снег.

— Ну, я думаю, дело в том, что мы так не счита-

ем. А чье-либо еще мнение нас не касается. Как и всегда. Хэмиш, ты готов? За мной, парни!

Вена смотрела, как валькирии, огрызаясь друг на дружку, идут обратно к горам. Она ждала. Ей казалось, что есть, чего ждать.

Через некоторое время она услышала тихое ржание другой лошади.

— Ты за мной? — обратилась она к всаднику

— ЕСТЬ ВЕЩИ, О КОТОРЫХ Я НЕ УПОЛНОМОЧЕН ГОВОРИТЬ С ВАМИ, — сказал Смерть.

— Но ты же здесь, — сказала Вена, хотя сейчас она ощущала, что она — госпожа МакГэри. Вена просто убила бы парочку этих валькирий, чтобы привлечь внимание остальных, но госпожа МакГэри подумала: «Да они же совсем девчонки еще!»…

— Я ВЕЗДЕ.

Госпожа МакГэри посмотрела в небо.

— Раньше, — сказал она, — героя, который отличался особым героизмом, боги превращали в звезд на небе.

— НЕБЕСА МЕНЯЮТСЯ, — сказал Смерть. — ТО, ЧТО СЕГОДНЯ ПОХОЖЕ НА МУЖЕСТВЕННОГО ОХОТНИКА, ЧЕРЕЗ СОТНЮ ЛЕТ БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ КАК ЧАЯНАЯ ЧАШКА.

— Это не очень-то честно.

— НИКТО И НЕ ГОВОРИЛ, ЧТО ВСЕ БУДЕТ ЧЕСТНО. НО ЕСТЬ ЕЩЕ И ДРУГИЕ ЗВЕЗДЫ.

***

У подножья гор, в лагере Вены, Гарри разжигал огонь, а менестрель сидел и записывал ноты.

— Послушай-ка, — сказал он, и начал играть.

Когда он замолчал, Гарри показалось, что прошла целая жизнь.

Когда утихли последние ноты, он смахнул слезы.

— Конечно, еще надо работать и работать, — отстраненно сказал менестрель, — но как ты думаешь, пойдет?

— Ты спрашиваешь, пойдет ли это? — спросил Злобный Гарри. — Ты говоришь, что сможешь сделать еще лучше?

— Да.

— Ну, конечно, это не совсем сага, — хрипло сказал Гарри. — Есть определенный мотив, который можно просвистеть. Ну, напеть. Я хочу сказать, это слова так звучат. Как будто в них есть музыка.

— Это хорошо.

— Это было… прекрасно.

— Спасибо. Хочу, чтобы люди услышали ее. Я

писал ее для людей.

— И... мы же не нашли их тел, да? — сказал маленький Темный Лорд. — То есть, может, они и живы где-нибудь.

Менестрель взял пару аккордов. Струны лиры замерцали.

— Где-нибудь, — согласился он.

— Слышь, парень, — сказал Гарри, — а я ведь даже не знаю, как тебя зовут.

Менестрель моргнул. В этом он сам уже был неуверен. Он не знал, куда ему теперь идти и что делать, но он знал, что жизнь теперь будет намного интересней, чем раньше.

— Я всего лишь певец, — ответил он.

— Сыграй-ка еще разок, а? — попросил Гарри.

***

Ринсвинд моргнул и отвернулся от окна.

— Нас только что обогнал мужик на лошади, — сказал он.

— У-ук, — ответил Библиотекарь, что значило «У нас тоже есть, на чем лететь».

— Я просто сказал.

Змей, шатаясь, как пьяный шут, поднимался выше и выше на потоках теплого воздуха. Это была единственная инструкция, полученная

экипажем от Леонарда, который теперь сидел в глубине кабины так тихо, что Моркоу начал беспокоиться.

— Он просто сидит и шепчет «десять лет» и «весь мир»! — доложил он. — Кажется, у него шок. Ужасная кара!

— Но он выглядет вполне довольным, — сказал Ринсвинд. — И отложил свои наброски. И перелистывает те картинки, что мы сделали на луне.

— Бедняга. Его разум помутился. — Моркоу наклонился вперед. — Нам следует доставить его домой как можно быстрее. Как там было? После второй звезды налево и прямо до самого утра?

— Думаю, это было самое идиотское высказывание за всю историю навигации, — сказал Ринсвинд. — Думаю, просто последуем на свет. О, и еще нам лучше не смотреть вниз на богов.

— Это очень сложно, — кивнул Моркоу.

— Да уж, практически не возможно, — откликнулся Ринсвинд.

***

В том месте, что не отмечено ни на одной карте, бессмертный Мазда, принесший огонь, лежал на своей скале.

После десяти тысяч лет память начала подво-

дить его, и он не мог четко объяснить, что же все-таки произошло. С неба спустились какие-то старики на лошадях. Они разбили его оковы, дали ему выпить и пожимали его трясущуюся руку.

А затем они скрылись в звездном небе, как же быстро, как и появились.

Мазда лег на скалу, которая за века уже приняла форму его тела. Он так и не понял, кто были эти люди, что они хотели, да и вообще, что же произошло. Он был уверен только в двух вещах.

Он был уверен, что скоро рассветет.

Он был уверен, что сжимает в руке очень острый меч, оставленый ему одним из стариков.

И он мог слышать как с рассветом все ближе и ближе раздается трепет орлиных крыльев.

Ему это точно понравится.

Это совершенно нормально — тот, кто спасает мир от неминуемой гибели, никогда не получает должной награды, потому что раз уж неминуемая гибель прошла стороной, люди сразу перестают понимать, насколько неминуемой она была. Поэтому все стразу становятся очень жадными, как только речь заходит о чем-нибудь более материальном, нежели слова благодарности.

***

Змей грузно шлепнулся на бугрисую поверхность Анка и, как это всегда бывает с общественными предметами, которые никому не принадлежат, сразу стал собственностью огромного числа людей.

Леонард приступил в выполнению возложеной на него епитимьи. Это было встречено одобрением со стороны священнослужителей Анк-Морпорка, как богоугодное дело.

Через три недели после описываемых событий лорд Ветинари, Патриций Анк-Морпорка, получил срочное сообщение, которе заставило его посетить Храм Мелких Богов, несмотря на царившее там столпотворение.

— Что у вас случилось? — требовательно спросил он у священников.

— Это… это богольство! — сказал Хьюнон Чудакулли.

— Почему? Что он рисует?

— Дело не в том, что он рисует, мой лорд. То, что он изобразил… изумительно. Но он уже закончил!

***

Высоко в горах, сквозь бури, сверкал красный свет. Когда же зима пошла на убыль и задули весенние ветра, рубины заиграли в солнечном свете.

Никто не помнит имени певца. Но все помнят его песнь.